

ISSN 3033-5795

Новые горизонты русистики

2026

№ 3 (33)

Редакционная коллегия:

Главный редактор — д-р филол. наук, проф. **В. И. Теркулов**.

Ответственные секретари — канд. филол. наук **В. А. Рязанова**, канд. филол. наук **Н. В. Гладкая**.

Технические редакторы — **А. С. Бурляй**, канд. филол. наук **Е. Н. Станкус**.

Члены редколлегии: д-р пед. наук, проф. **Е. В. Архипова** (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Безруков** (Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий); канд. филол. наук, доц. **М. Г. Евсеева** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, доц. **Е. Л. Ерохина** (Московский педагогический государственный университет); д-р филол. наук **А. И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (Донецкий государственный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **М. Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН); д-р филол. наук, доц. **О. Р. Миннуллин** (Донецкий государственный университет); канд. филол. наук, доц. **В. И. Мозговой** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **О. С. Октябрьская** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); канд. филол. наук **М. Н. Панчехина** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **Л. В. Селезнева** (Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина); д-р филол. наук, проф. **М. Ю. Сидорова** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); д-р филол. наук, проф. **Г. Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Стебунова** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, проф. **И. А. Сотова** (Ивановский государственный университет); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); д-р пед. наук, доц. **А. А. Штец** (Институт развития образования, г. Севастополь); д-р филол. наук, проф. **М. Ф. Шацкая** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (Донецкий государственный университет).

Editorial Board:

Editor-in-Chief — Doctor of Philology, Prof. **V. I. Terkulov**.

Executive Secretary — Candidate of Philology **V. A. Ryazanova**, Candidate of Philology **N. V. Gladkaya**.

Technical editors — **A. S. Burlyai**, Candidate of Philology **E. N. Stankus**.

Members of the Editorial Board: Doctor of Pedagogical Sciences, prof. **E. V. Arkhipova** (Ryazan State University named after S. A. Yesenin); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Bezrukov** (Birsky branch of Ufa University of Science and Technology); Candidate of Philology, Associate Professor **M. G. Evseeva** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **E. L. Erokhina** (Moscow Pedagogical State University); Doctor of Philology **A. I. Ivanitsky** (Russian State University for the Humanities); Doctor of Philology, Professor **A. A. Korablev** (Donetsk State University); Candidate of Philology, Associate Professor **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **M. Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences); Doctor of Philology, Associate Professor **O. R. Minnullin** (Donetsk State University); Candidate of Philology, Associate Professor **V. I. Mozgovoy** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **O. S. Oktyabrskaya** (Moscow State University named after M. V. Lomonosov); Candidate of Philology **M. N. Panchekhina** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **L. V. Selezneva** (Pushkin State Institute of the Russian Language); Doctor of Philology, Prof. **M. Y. Sidorova** (Lomonosov Moscow State University); Doctor of Philology, Prof. **G. G. Slyshkin** (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Stebunova** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Professor **I. A. Sotova** (Ivanovo State University); Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **A. A. Shtets** (Institute of Educational Development, Sevastopol); Doctor of Philology, Professor **M. F. Shatskaya** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Candidate of Philology, Associate Professor **N. A. Yaroshenko** (Donetsk State University).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (номер свидетельства ЭЛ № ФС 77 — 91887 от 03.07.2026): <https://rkn.gov.ru/activity/mass-media/for-founders/media/?id=1137092&page=>.

Научный журнал «Новые горизонты русистики» включён в базу РИНЦ (лицензионный договор № 230-11/2025).

Научный журнал «Новые горизонты русистики» с 30.03.26 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.5 Русский язык. Языки народов России; 5.8. Педагогика; 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (Русский язык).

Адрес издателя: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, 125009, г. Москва, вн. тер. г. м. о. Тверской, ул. Тверская, д. 11, стр. 1.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24 (ауд. 451, 452). Тел.: +7 856 302 92 33.

E-mail: terkulov@rambler.ru.

Веб-сайт: <https://dongu-ngr.ru>.

Новые горизонты русистики

Научный журнал
Основан в 2017 году

№ 3 (33)
2026

С о д е р ж а н и е Русский язык

Лексикология и стилистика

- Аксенова К. А., Курмакаева Н. П.** Зооморфные характеристики человека в русской фразеологической картине мира 3

Дискурсология и генристика

- Кайдаш М. А.** Типология лингвистических мифологем о русском языке и культуре в украиноязычном тексте 14
- Ермоленко А. А., Дубинина В. А.** Языковые маркеры фейка (на материале региональных медиатекстов) 22
- Федорова А. А., Гладкая Н. В.** Языковые антиномии и поликодовость как ключевые характеристики современной интернет-коммуникации (на материале социальных сетей и мессенджеров) 35
- Чжан Ц.** Фразеологизированный диалог в комических интернет жанрах 44
- Сорочинская Е. Ю.** Роль гиперболы и средств преуменьшения в формировании коммуникативной тональности интернет-трансляций 57

Словообразование и грамматика

- Алимпиева Е. В.** Прагматический потенциал глагольных неономинаций начинательного и завершительного способов действия в русскоязычном дискурсе социальных сетей 66
- Чистоклетова А. В.** Аббревиатурные гнезда в аббревиатурной парадигме «авто-мото-вело» 79

Литература и лингвистический анализ художественного текста

- Калачева Д. В.** Сквозные мотивы книги стихотворений В. Меркурьевой «Тщета» 92
- Филатова В. А.** Поэтика энциклопедического повествования в русской детской дневниковой прозе XIX–XXI веков 101
- Фирсова Я. В.** Колоративы в структуре коммуникативной личности Мастера (на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») 111

Методика преподавания русского языка

- Константинов С. А.** Экскурсия как образовательное событие и её влияние на развитие речи обучающихся 5 класса 119
- Колядин А. В.** Теоретическое обоснование кросс-культурной технологии обучения РКИ на основе русской публицистики о путешествиях 129
- Правила оформления материалов** 142

New Horizons of Russian Studies

Scientific journal
Founded in 2017

No 3 (33)
2026

C o n t e n t s

Russian language

Lexicology and Stylistics

- Aksenova K. A., Kurmakaeva N. P.** Zoomorphic characteristics of a human in the Russian phraseological worldview 3

Discourse Studies and Genre Theory

- Kaidash M. A.** Typology of linguistic mythologems about the Russian language and culture in Ukrainian-language texts 14
- Ermolenko A. A., Dubinina V. A.** Fake language markers (based on regional media texts) 22
- Fedorova A. A., Gladkaya N. V.** Linguistic antinomies and polycode as key characteristics of modern Internet communication (based on the material of social networks and messengers) 35
- Zhang Z.** Phraseological dialogue in comic internet genres 44
- Sorochinskaya E. Yu.** Role of hyperbole and means of understatement in shaping the communicative tonality of internet broadcasts 57

Derivation and Grammar

- Alimpiyeva E. V.** Pragmatic potential of verbal neonominations representing inchoative and finitive manners of action in Russian-language social media discourse 66
- Chistokletova A. V.** Abbreviation nests in the abbreviation paradigm “auto-moto-velo” 79

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

- Kalacheva D. V.** Cross-cutting motifs of V. Merkur'yeva's book of poems «Futility» 92
- Filatova V. A.** Poetics of encyclopedic narrative in Russian children's diary prose of the 19th–21st centuries 101
- Firsova Y. V.** Colourimetrics in the structure of the communicative personality of the Master (based on the material of M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita») 111

Methods of Teaching the Russian Language

- Konstantinov S. A.** Excursion as an educational event and its impact on the speech development of 5th-grade students 119
- Koliadin A. V.** Theoretical substantiation of cross-cultural technology of teaching Russian as a foreign language based on Russian travel publicistic texts about travelling 129
- Rules for the design of materials** 142

Русский язык

Лексикология и стилистика

Научная статья

УДК 81'373

DOI: 10.5281/zenodo.22905527

К. А. Аксенова, Н. П. Курмакаева © 2026

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования

«Донецкий государственный университет»

¹ORCID 0009-0005-1921-4724

²ORCID 0009-0005- 3472- 0203

ЗООМОРФНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются зооморфные характеристики человека в русской фразеологии на материале «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, а также двух фразеологических словарей (под ред. А. И. Молоткова; под ред. В. М. Мокиенко). Анализируются фразеологические единицы с положительной и отрицательной коннотацией, выражающие оценку черт характера, поведения, эмоций и внешности человека через образы животных. Предлагается трёхмерная классификация зооморфизмов: по оценочной коннотации (пейоративные, мелиоративные, амбивалентные), объекту уподобления (предметные и абстрактные) и характеру переносимого признака (внешне-физические, поведенческо-характерологические, социально-ролевые). Особое внимание уделяется вопросу: как образы животных отражают восприятие человека в русской культуре? Отмечаются новые явления в этой сфере. На основе анализа делается вывод о том, что зооморфные метафоры выступают действенным культурным кодом русской лингвокультуры. В них животные являются «зеркалом» человеческих качеств, при этом наиболее частотно фиксируются отклонения от нормы (пейоративные оценки), хотя положительные свойства личности также находят регулярное выражение. Результаты могут помочь понять лингвокультурную значимость явления как особенность русского мировосприятия и могут быть использованы в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, фразеология, зооморфизм, зооморфная метафора, трехмерная классификация, культурный код, национальное мировосприятие.

Для цитирования: Аксенова К. А. Зооморфные характеристики человека в русской фразеологической картине мира / К. А. Аксенова, Н. П. Курмакаева // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 3. — С. 3–13. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.22905527>.

Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).

Введение. Фразеология играет важную роль в формировании лексико-семантической системы языка, в организации русской языковой картины мира, в специфическом раскрытии человеческой сущности через метафорические образы. Изучение одного из сегментов русской национальной фразеологии, связанного с зооморфными характеристиками личности, может позволить получить достаточно зримое представление о степени участия животного мира в реализации антропоцентрического подхода в языке. А применение комплексного анализа языковых фактов дает возможность сделать не только собственно лингвистические, но и

лингвокультурологические выводы о ценностном потенциале языковых знаков — фразеологизмов, манифестирующих образно переосмысленные признаки живых существ, окружающих человека и приписываемых человеку (зооморфизмы). В этом видится **актуальность** исследования зооморфного потенциала языка.

В науке определено, что зооморфизация — это уподобление человека животному, приписывание характеристик представителей фауны человеку [1, с. 17]. Эта идентификация мира людей с миром животных позволяет по-новому посмотреть на самого себя, на разные стороны человеческой природы, образно охарактеризовать со стороны проблемы, чувства и желания людей.

Русский язык, как и любой другой естественный язык, отображает национально обусловленный способ восприятия мира. Одним из этих способов является зооморфизация, а его результат — зооморфная характеристика. Владение языком предполагает определенное знание национальной языковой картины мира, созданной этносом, большой сегмент в которой занимает фразеологическая часть. Языковая картина мира — это комплекс языковых средств, в которых отражены особенности этнического восприятия мира, «это совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определенном этапе развития народа» [11, с. 6]. Фразеологическая картина мира является неотъемлемой и обязательной составной частью национальной языковой картины мира.

Согласно трактовке В. Н. Телия, «фразеологический состав языка — это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [12, с. 8]. Фразеология, по её мнению, «„навязывает“ его [языка. — К. А.] носителям культурно-национальное миропонимание» [12, с. 9], а также фиксирует ценностные установки и стереотипы, исторически сложившиеся в обществе. Исследователь подчёркивает, что фразеологизмы выступают «культурными кодами», вербализующими социально значимые стереотипы и несут важные для национальной культуры смыслы.

Надо отметить, что проблема отражения зооморфных характеристик человека во фразеологии русского языка давно занимает заметное место в отечественной лингвистике и лингвокультурологии. Так, разнообразные аспекты этой тематики затрагиваются в работах Ф. Н. Гукетловой, Е. А. Гутман, А. А. Киприяновой, Т. В. Козловой, Ф. А. Литвин, В. В. Красных, И. А. Курбанова, З. У. Хакиевой, А. Х. Хефни, М. Ж. Черемисиной и др. В статье Н. В. Николаевой и Ю. Н. Исаева, содержащей краткий обзор исследований зоонимов в русском языкознании за последние годы, справедливо отмечается, что изучение зоонимов имеет давнюю и богатую традицию в отечественном языкознании, при этом в последние десятилетия наблюдается значительный рост интереса к данной лексической группе [10, с. 284], особенно с точки зрения её коннотативного потенциала.

Согласно исследованиям О. Н. Иванищевой, культурные смыслы зоонимов (в том числе входящих во фразеологизмы) характеризуются динамикой и могут изменяться в зависимости от контекста современного русскоязычного разговорного и художественно-литературного дискурса [3]. При этом зооморфные метафоры в составе русских фразеологизмов не только обогащают язык, но и служат ключом к пониманию глубинных культурных доминант, складывавшихся на протяжении веков (стоит вспомнить библейские метафоры *буриданов осел*, *валаамова ослица*, *панургово стадо*) или фольклорные и народно-поэтические зоонимные образы: *Лиса Патрикеевна*, *змея подколотная*, *труслив как заяц*. Тысячелетняя история и культура русского народа нашли воплощение в его представлениях о бытии, сущности человека, в традициях и обычаях, нормах поведения и оценках окружающего мира, которые в результате сложились в национальную картину мира.

Современное состояние изучения зооморфного кода культуры подробно отражено в диссертационном исследовании Е. В. Болговой, посвящённом

семантико-прагматическому анализу зоонимов в современном русскоязычном дискурсе. Автор на обширном материале (около 20 000 контекстов) исследует антропологические признаки зоонимов и их функционирование при характеристике человека [1]. Лингвокультурологические особенности отдельных зоонимов рассмотрены Е. В. Кудрявцевой (на материале зоонима «собака») [6], полисемия русских зоотропов на значительном эмпирическом материале исследована З. И. Минеевой [9]. Способы формирования семантической структуры фразеологизмов со значением социальных характеристик человека представлены в работе О. Г. Лапшиной [7]. Целью исследования авторов статьи «Особенности использования зооморфизмов в метафорах» является установление семантических особенностей фразеологизмов-метафор с зоонимами и их потенциала эквивалентности в русском и английском языках [13, с. 74].

Объект и материал исследования: фразеологические единицы с зооморфным компонентом, извлечённые из «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [16], «Фразеологического словаря русского языка» (под ред. А. И. Молоткова) [18] и «Русской фразеологии. Историко-этимологического словаря» (под ред. В. М. Мокиенко) [15], репрезентирующие оценку черт характера, поведения, эмоций и внешности человека через образы животных.

Предмет анализа — трёхмерная классификация данных единиц: по оценочной коннотации (пейоративные, мелиоративные, амбивалентные), объекту уподобления (предметные и абстрактные) и характеру переносимого признака (внешне-физические, поведенческо-характерологические, социально-ролевые), лингвокультурная специфика фразеологических единиц каждого кластера как кодов русской культуры.

При необходимости уточнения того или иного параметра анализа дополнительно привлекались материалы монографии В. В. Красных «Словарь и грамматика лингвокультуры» (2016) и «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940).

Цель данной статьи — системное описание исторически сложившихся в русской фразеологической картине мира зооморфных характеристик человека, выявление некоторых сторон этнокультурной специфики зоонимов, входящих как ключевое (стержневое, в концепции Т. В. Козловой) слово во фразеологизм, оценивающий человека.

Данная цель обуславливает выполнение следующих **задач**: сплошная выборка эмпирического материала из словарей; обоснование критериев систематизации зооморфных метафор по трем принципам; классификация и аналитическое описание основных семантико-стилистических признаков и лингвокультурных свойств («культуроносных смыслов», по В. В. Красных) представителей каждого кластера.

Методологическая основа и методы исследования. Методологическую основу классификации в данном исследовании составляет синтез нескольких лингвистических подходов. Для выявления оценочного компонента применяется разграничение на пейоративные и мелиоративные значения, разработанное применительно к фразеологии С. В. Лескиной [8]. Анализ направленности метафоры осуществляется с опорой на семантико-грамматическую классификацию А. М. Чепасовой, выделяющую объектные (предметные) и абстрактные фразеологизмы [14]. Наконец, для категоризации переносимых признаков используются идеи О. Г. Лапшиной о семантике фразеологизмов-характеристик, что позволяет разграничить внешне-физические, поведенческо-характерологические и социально-ролевые признаки [7]. Как дополнительная аргументация выводов был применен прием количественного подсчета единиц эмпирической базы. Считаем, что подобный комплексный подход позволяет системно описать зооморфные характеристики в русской фразеологической картине мира, что соответствует цели данного исследования.

Основная часть. Из указанных словарей отобрано свыше 150 единиц фактического материала, из них

1) около 60 единиц с ключевым (стержневым) словом — зоонимом (*барашек в бумажке, бирюк бирюком, буриданов осел, валамова ослица, волк в овечьей шкуре, гусь лапчатый, дойная корова, желторотый птенец, заблудшая овца, заяц во хмелю, как рыба в воде, канцелярская крыса, мокрая курица, ни пава ни ворона, саврас без узды, собака на сене, стреляный воробей и др.*);

2) более 30 единиц — с номинацией действия или свойства зоонима, проецируемого на человека (*делать из мухи слона, дразнить гусей, дрожать как заяц, заливаться соловьём, заморить червячка, извиваться ужом, ловить рыбу в мутной воде, менять кукушку на ястреба, отогреть змею на груди, пустить козла в огород, садиться на своего конька, считать ворон, тянуть кота за хвост, убить бобра и др.*);

3) около 20 — с отзоонимным адъективом (*в ежовых рукавицах, заячья душа, волчий аппетит, крокодиловы слёзы, куриные мозги, медвежий угол, медвежья болезнь, медвежья услуга, на рыбьем меху, собачья жизнь, черепаший шаг и др.*);

4) около 30 единиц включают соматический компонент, относящийся к животному миру, но проецируемый на человека (*брать за жабры, держи хвост трубой, запускать/наложить лапу, рыльце в пуху, согнуть в бараний рог, насыпать соли на хвост, спустить три шкуры, стоять на задних лапках*), или ключевым является слово, номинирующее предметную реалию, за которой узнаётся принадлежность к зоонимному миру, метафорически перенесенному на человеческие поступки или свойства характера (*вешать хомут на шею, держать себя на вожжах, держать на привязи/в узде, вставать на дыбы, гладить по/против шерсти, закусить удила, ездить верхом, наставить рога, показать когти, ни бе ни ме ни кукуреку*);

5) остальные зоонимосодержащие примеры-предложения паремического типа, спорные с точки зрения принадлежности к фразеологическому фонду русского языка (*старый конь борозды не испортит; показать, где раки зимуют; узнаю зверя по когтям; кошки заскребли на душе; какая муха укусила; сильнее кошки зверя нет и др.*), принадлежность которых к исследуемому классу проверялась по использованным словарям. Например, о бестолковом, не умеющем справиться с делом человеке говорят *не пришей кобыле хвост*; с одной стороны, фраза равна предложению, а с другой, её приравнивают либо к слову «неумеха», либо «ненужное, лишнее». Как просторечный, вульгарный фразеологизм со значением ‘о ком-чём-н. ненужном, появляющемся некстати’ его отмечает ТСРЯ под ред. Д. Н. Ушакова [17: 4, с. 1142]. Словарь под редакцией В. М. Мокиенко трактует это выражение как фразеологический оборот, который «создан по шутливо-иронической формуле невозможного, путем необычного соединения слов на основе „нелогичных“ сочетаний» [15, с. 267]. В своей работе мы их тоже учитываем как фразеологизмы. А. И. Молотков в ФСРЯ ряд словосочетаний и предложения в виде пословиц и поговорок считает «нефразеологизмами» [18, с. 12–13].

В этом смысле особую ценность для данной работы представляет историко-этимологический словарь под редакцией В. М. Мокиенко, который, по словам авторов, «не только восполняет библиографический пробел... но и — прежде всего! — является своеобразным заменителем отсутствующего пока капитального историко-этимологического словаря русской идиоматики» [15, с. 6]. Большая часть эмпирического материала была сверена именно с этим словарем. С опорой на материал данного словаря анализируются фразеологические единицы с положительной и отрицательной коннотацией, выражающие оценку черт характера, поведения, эмоций или внешности человека через образы животных. На основе работ В. Н. Телия и её последователей выявляются типы зооморфных метафор. Особое внимание у современных фразеологов направлено на поиск ответа на вопрос междисциплинарного свойства: как зооморфные образы отражают восприятие человека в русской культуре? Как они становятся кодами культуры? Сошлемся на формулировку кода культуры у В. В. Красных: «Если отталкиваться от языковой составляющей, то код культуры предстает как совокупность имен и их сочетаний, которые обладают, помимо

собственного денотативного значения, культуросносными смыслами» [5, с. 379]. Человек испокон веков жил рядом с животными, наблюдал их повадки, внешность, образ жизни. Порой он не отделял себя от животного мира, усматривая в человеческом поведении сходство с поведением животных, либо желал иметь такие же, как у представителя фауны, свойства, признаки, внешние данные. Отсюда в языковой картине мира человека присутствует значительный кластер характеристик самого себя или себе подобных через образы зоологического мира. Следует согласиться с мнением Ф. Н. Гукетловой: «В зеркале зооморфных метафор и сравнений отражается духовная сфера: человек и его нравственная сущность, волевые, эмоциональные, интеллектуальные действия и состояния, черты характера, отношение к другим людям, к себе, к вещам» [2, с. 8].

В традиционном понимании зооморфизмы (или зооморфные метафоры) – названия животных в образном, метафорическом осмыслении для характеристики человека [2, с. 13] в переносном значении, которое реализуется в составе устойчивых словосочетаний. Под *зооморфом* имеется в виду морфема, которая содержит сему ‘имеющий отношение к животному миру’. Однако лингвокультурологический интерес представляет не столько формальный аспект, сколько ценностно-оценочное содержание, вкладываемое в эти образы. Будучи мощным инструментом характеристики человека, зооморфизмы неизбежно несут в себе положительную или отрицательную оценку, отражая культурные стереотипы и этические нормы. Таким образом, первым и ключевым критерием для систематизации зооморфных метафор является их оценочная коннотация.

1. По **оценочной коннотации** можно определить, какую общенациональную культурную ценность (положительную, отрицательную или двойственную) несет образ животного в зооморфных фразеологизмах. Эти выражения метафорически передают человеческие качества через ассоциации с поведением или внешностью животных, что отражает сложившиеся культурные стереотипы в русской языковой картине мира.

Так, многочисленные **пейоративные** (негативные) зооморфизмы выражают осуждение, презрение, негативную характеристику, подчеркивая пороки или слабости. В нашей картотеке к данной группе относится свыше 100 единиц (с учетом новых). Например, выражение *хитрый как лиса* подразумевает чрезмерную хитрость, граничащую с обманом, где *лиса* символизирует коварство; в словаре Ожегова-Шведовой *лиса* определяется как ‘хитрый, лстивый человек’ в переносном смысле [16, с. 328]. ТСРЯ Д. Н. Ушакова дает фразеологизм *лисой прикидываться* в значении ‘ласкаться с лукавой целью, подлизываться, лстить’ [17: 2, с. 68], а словарь В. М. Мокиенко добавляет фразеологизм *лисой пройти*, означающий ‘действия хитрого, изворотливого человека’.

Устойчивость подобных образов подтверждается исследованием, где отмечается, что для зоонима *баран* ключевыми являются признаки ‘глупый, безвольный, упрямый’ [4]. Аналогично, *упрямый осел* описывает чрезмерное упрямство, не поддающееся разуму [16, с. 462]. Ключевое слово *осел* во «Фразеологическом словаре русского языка» (ФСРЯ под ред. А. И. Молоткова) [18, с. 285] присутствует во фразеологизме *буриданов осел*, обозначающем ‘крайне нерешительного человека, колеблющегося в выборе между двумя равносильными желаниями, двумя равноценными решениями’, что тоже осуждается в национальной культуре русского народа.

Выражение *трусливый заяц* (как заяц), *дрожать как заяц* ассоциируется с малодушием и боязливостью, где *заяц* символизирует бегство от опасности [16, с. 226]. А ФСРЯ под ред. А. И. Молоткова добавляет фразеологизм *заячья душа* о трусливом, робком человеке [18, с. 145].

Грязный как свинья подчёркивает не только неряшливость, но и бесчестие, отсылая к образу животного, которое в словаре Ожегова-Шведовой описывается в переносном значении и как ‘грязный, неряшливый’, и как ‘грубый, бесчестный человек’ [16, с. 703].

Словарь В. М. Мокиенко фиксирует экспрессивное удвоение *свинья свиньей* для передачи усиления названных отрицательных качеств [15, с. 519].

Жадный как собака выражает чрезмерную жадность, где *собака* метафорически передает агрессивную защиту своего [16, с. 739]. Как отмечает Е. В. Кудрявцева, в число фразеологизмов с компонентом «собака» входят *голодный как собака*, *собачья жизнь* и др. [6]. Подобное отражено в фразеологизме *<как> собака на сене* ‘не пользуется сам чем-либо и другим не дает пользоваться’ [16, с. 739]. О *цепном псе* в словаре Ожегова-Шведовой указано: ‘чей-н. злой прислужник’ [16, с. 516]. Эти зооморфизмы часто основаны на стереотипах поведения животных в природе (хитрость, упрямство, трусость, грязь, жадность), что усиливает негативную оценку в русской культуре. Можно добавить ещё такие: *змея подколодная*, *свинья грязь найдет*, *волк в овечьей шкуре* и др., включенные в ФСРЯ под ред. А. И. Молоткова. Как подтверждает Е. В. Болгова, зоонимы *свинья*, *собака*, *баран*, *осёл* и *заяц* устойчиво актуализируют негативные антропологические признаки (‘грязный, неряшливый’, ‘глупый, упрямый’, ‘трусливый’), которые активно проявляются как в лексике, так и во фразеологии [1]. К стереотипным образам зооморфного кода культуры В. В. Красных отнесла *акулу*, приведя пример нового для русской фразеологии устойчивого сочетания *акулий взгляд*, примененного «для характеристики человека хладнокровного, расчетливого, безжалостного...» [5, с. 420]. Одновременно автор отмечает появившиеся в публицистике и политике выражения *акулы бизнеса*, *акулы пера*. Так называют чрезмерно деятельных людей в своей сфере, «в деятельности и/или характере» которых «проявляются черты голодного опасного хищника» [5, с. 421], хотя ни один словарь эти новообразования не фиксирует. Стоит отметить, что в русской фразеологической системе пейоративные зооморфизмы обнаруживают бóльшую частотность и разнообразие по сравнению с мелиоративными, что подчёркивает склонность языка фиксировать и маркировать отклонения от социальной нормы через яркие негативные образы. Например, об апатичном, бездейственном, безвольном, никчемном человеке говорят *вяленая вобла*, *как сонная муха*, *мокрая курица*, *ни рыба ни мясо* и др. К новообразованиям можно отнести: *ёжик в тумане*, *обезьяна с гранатой*, *свои тараканы в голове* и др.

Мелиоративные (позитивные) зооморфизмы выражают приятие, похвалу, одобрение, восхищение, положительную характеристику, подчеркивая добродетели или достоинства. Зафиксировано около 30 единиц. Например, *храбрый как лев* подразумевает мужество и силу, где *лев* символизирует отвагу; в словаре Ожегова-Шведовой указано *сражается как л.* в значении ‘храбро’ [16, с. 320]. *Верный как пёс* описывает преданность, ассоциируясь с лояльностью собаки, что отражено в определении как ‘очень верный’ [16, с. 516]. *Трудолюбивый как пчела* подчёркивает усердие и организованность, где *пчела* символизирует коллективный труд [16, с. 635]. *Свободный как орёл* выражает независимость и зоркость, отсылая к полету птицы; в словаре *орёл* в переносном смысле означает ‘гордый, мудрый и отважный человек’ [16, с. 459]. *Невинный как голубь* ассоциируется с чистотой и миролюбием, где *голубь* символизирует невинность [16, с. 137]. Вообще птичьи номинации очень характерны для фразеологизмов этой рубрики. Так, ФСРЯ под ред. А. И. Молоткова приводит их целый ряд: *ясный сокол*, *стреляный воробей*, *вольная птица*, *как птица небесная* и др. Таким образом, устойчивые выражения этой рубрики строятся на образах силы, трудолюбия, свободы, независимости, преданности или гармонии с природой, что подчёркивает уважение к положительным качествам в русской культурной традиции.

В **амбивалентных** (двойственных) зооморфизмах, как показывают материалы нашей картотеки, характер оценки зависит от контекста и может меняться от положительных к негативным оттенкам. Всего зафиксировано немногим более 20 единиц. Например, *змея* может символизировать мудрость (как в библейских мотивах) или коварство; в словаре Ожегова-Шведовой *змея* в переносном смысле — *змея подколодная* как ‘скрытный и коварный человек’, но также подразумевает хитрую

мудрость [16, с. 536]. Медведь ассоциируется с силой и добродушием (как хозяин леса) или неуклюжестью и грубостью; словарь приводит *медведь на ухо наступил* (о фальшивом пении) и *медвежья услуга* (неумелая помощь), но также подразумевает мощь в пословице *двум медведям в одной берлоге не ужитьяся*, и др. [16, с. 347]. Волк может олицетворять свободолюбие (как независимый хищник) или жестокость и одиночество; в словаре *волк* в фразеологизмах вроде *с волками жить — по-волчьи выть* подчёркивает адаптивность, но *голодный как волк* — агрессию, а *волк в овечьей шкуре* — обман [16, с. 94]. В историко-этимологическом словаре [15] приводятся ещё примеры подобных фразеологизмов: *агнец божий*, *жить бирюком*, *взгляд медузы*, *стреляный воробей*, *комара не обидит*, *божья коровка*, *мокрая курица* и др. Согласно Е. В. Болговой, такие зоонимы, как *медведь* и *волк*, характеризуются значительным коннотативным потенциалом [1, с. 102]. З. И. Минеева, исследуя полисемию в русских зоотропах, подчёркивает коннотативную многоплановость таких образов [9]. Эти и подобные зооморфизмы отражают двойственность природы человека, основанную на поведении представителей фауны (кротость и бессилие, мудрость и коварство, сила и грубость, свобода и жестокость, скрытое и явное), что позволяет осуществлять двоякую интерпретацию в зависимости от ситуации в русской лингвокультуре. Двояко можно воспринимать и выражение *акулы пера*. С одной стороны, так называют журналистов-профессионалов (мелиоративная характеристика), с другой — под этим может подразумеваться то, что В. В. Красных сформулировала как проявление черт «голодного опасного хищника», готового безжалостно проглотить любого [5, с. 420].

На основе классификационно-аналитической работы мы пришли к убеждению о доминировании в русской лингвокультуре разнообразных зооморфных метафор, в которых животные выступают «зеркалом» человеческих качеств и полностью согласны с концепцией В. В. Красных о том, что зооморфный код культуры, во-первых, относится к числу самых древних, а с другой — его следует отнести к «базовым» в лингвокультурологии наряду с соматическим, природно-стихийным, пространственно-временным и некоторыми другими (об этом [5, с. 380 и последующие]). Причем наши наблюдения дают основания утверждать, что наиболее часто подчеркиваются отрицательные черты как отклонение от нормы (около 70 % всей картотеки), однако, как показывает эмпирический материал, и положительные свойства личности (людей) выражаются достаточно частотно (почти 20 %), остальные можно охарактеризовать как амбивалентные, положительная или отрицательная характеристика в них зависит от контекста и/или авторских интенций.

2. По **объекту уподобления** можно определить, к какой сфере человеческой жизни, состояния его тела и внутреннего мира или к каким объектам жизненного пространства применяется зооморфная метафора в анализируемых единицах. Такие фразеологизмы передают как бы периферийную сферу человеческого бытия, отражая ассоциативное мышление в русской культуре и обогащая язык яркими образами.

Предметные зооморфизмы, в которых признаки животного мира приписываются предметам, действиям или явлениям, подчеркивают внешнее сходство или функциональные свойства. Например, выражение *гусяная кожа* описывает состояние, при котором кожа покрыта мелкими шероховатостями, похожими на «мурашки» от холода [16, с. 150]. *Лебединая песня* (последнее значительное достижение): «последнее, обычно выдающееся проявление таланта» [16, с. 320]. *Волчий билет* (документ с плохой характеристикой) подразумевает документ, ограничивающий права, с отсылкой к «волчьему» как чему-то враждебному; словарь приводит *волчий билет* в значении документа, лишаящего прав на службу или обучение [16, с. 94]. Е. В. Болгова подчёркивает, что зоонимы широко используются в переносных значениях для характеристики различных состояний и ситуаций [1, с. 124]. Сюда можно отнести и такие: *взгляд медузы*, *мышьяная возня*, *собачья жизнь*, *кошки скребут на душе* и др. Эти

зооморфизмы часто основаны на визуальных ассоциациях с животными, что усиливает выразительность описания предметов в русской лингвокультуре.

Абстрактные зооморфизмы, в которых свойства представителей фауны приписываются абстрактным понятиям, процессам или ситуациям, в которых живет человек, метафорически передают соответствия в поведении животных и людей. Например, *найти козла отпущения* ('перенести вину на другого'); в словаре Ожегова-Шведовой указано: «о человеке, на которого постоянно сваливают ответственность за все плохое» [16, с. 281]. *Волчий аппетит* ('сильный голод') [16, с. 94], *волчьи законы*, где признаки волка (хищность, сила) приписываются абстрактному понятию социальных норм или законов, подчеркивая их безжалостность [16, с. 94], *как собака устал* (голоден, замерз, зол и о других неприятных состояниях, ситуациях) [16, с. 739], и др. Эти фразеологизмы отражают перенос характерных признаков животных на нематериальные явления, подчеркивая культурные архетипы в русском языке.

3. По **характеру переносимого признака** можно установить, какое именно свойство представителя фауны (внешний вид, поведение, функции) проецируется на человека в зооморфных фразеологизмах. В этих выражениях метафорически закреплены внешние черты или присущие животным свойства в человеческих характеристиках, что создает ряд культурных ассоциаций в русском языке.

Внешне-физические зооморфизмы подчеркивают визуальное сходство, с их помощью не просто происходит, а подчёркивается уподобление по внешнему виду, форме или физическим данным. Так, выражение *орлиный нос* описывает тонкий крючковатый нос [16, с. 460], *орлиный взор* — 'гордый, смелый' [16, с. 460]. *Лебединая поступь* подразумевает плавную, изящную походку [16, с. 320]. *Медвежьи объятия* — 'тяжелые и неловкие', что отражено в определении с переносом на грубость или массивность [16, с. 347]. Под *щучьим ртом* словарь приводит следующее определение: «об удлиненном рте, открывающем все зубы» [16, с. 905], и др. Подобные зооморфизмы, как правило, основаны на наблюдаемых природных чертах представителей животного мира, чем усиливается описательная выразительность в лингвокультуре.

Поведенческо-характерологические зооморфизмы демонстрируют акт уподобления повадок, манеры поведения животного человеческим проявлениям, закрепляя на языковом уровне эмоциональные или этические качества. Например, *ежовые рукавицы* подразумевают суровое, колючее отношение, как иглы ежа; в словаре под *ежовый* отмечено *держаться в ежовых рукавицах* как 'обходиться с кем-нибудь строго, сурово' [16, с. 687]. Словарь приводит *крокодиловы слёзы* как «о лицемерном раскаянии, сетовании» [15, с. 699], а *вольная птица* — «о свободном, ни от кого не зависящем человеке» [16, с. 630], и др. Так перенос поведенческих стереотипов животных с добавлением экспрессивно-эмоционального фона создает целый ряд метафорически выраженных человеческих качеств.

Социально-ролевые зооморфизмы через процедуру уподобления подчеркивают социальный статус человека. Например, *белая ворона* обозначает человека, выделяющегося из толпы; в словаре указано: «о том, кто резко отличается от других, не похож на окружающих» [16, с. 97]. *Невелика птица* (о незначительном человеке), *важная птица* (о том, кто заважничал), *птица высокого полёта* (о том, кто занимает важное положение) [16, с. 630]. Следует отметить, что высокая частотность зоонима *птица* объясняется уникальной семантической ёмкостью для моделирования социальных оппозиций. Под *темной лошадкой* словарь приводит: «о человеке, чьи качества, возможности неясны, неизвестны» [16, с. 333], и др. Эти зооморфизмы часто опираются на соответствующие роли животных в природе и мире, что дает основания метафорически описывать человеческие роли в жизни.

Заключение. На основе анализа выборки фактического материала в количестве 150 единиц фразеологизмов из трёх словарей — «Толкового словаря русского языка»

С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Фразеологического словаря русского языка» (под ред. А. И. Молоткова), «Русской фразеологии. Историко-этимологического словаря» (под ред. В. М. Мокиенко) — мы делаем следующие выводы. Проведенный анализ позволяет рассматривать массив зооморфных фразеологизмов как целостную и структурно организованную подсистему в русской фразеологической картине мира, выполняющую оценочную и классифицирующую функцию. Этим упорядочивается восприятие человеческих качеств через проецирование их на мир животных. Выявленное доминирование пейоративных оценок над мелиоративными, амбивалентность ряда ключевых признаков, продуктивность социально-ролевых моделей (*птица, волк, собака* и др.) демонстрируют уникальный «зоологический код» русской культуры. Полученные результаты согласуются с выводами Е. В. Болговой о богатстве антропологического компонента в семантической структуре зоонимов и их важной роли как средства характеристики человека в современном русском языке [1]. Зооморфные фразеологизмы выступают не только устойчивым культурным кодом, но и активно функционируют в живом речевом употреблении, постоянно пополняясь новыми единицами. Таким образом, перед нами не просто перечень экспрессивно-оценочных метафор, а образцы специфической концептуализации человека, в которых зафиксированы исторически сложившиеся в языке координаты этических и эстетических мерок, где природное служит мерой и «зеркалом» человеческого.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что зооморфные метафоры являются системообразующим элементом русской фразеологической картины мира. Выявление национально-культурных зооморфных стереотипов-образов как неких символов даёт возможность судить об особенностях ассоциативно-образного мышления носителя, несет информацию о характере русской языковой картины мира. Представленная трёхмерная классификация (по оценочной коннотации, объекту уподобления и характеру признака) позволяет выявить и системно описать основные функции исследуемых единиц. Наша выборка и количественный анализ подтвердили доминирование пейоративных оценок, что указывает на важнейшую роль зооморфизмов в этическом осуждении человеческих пороков как отклонения от нормы. При этом выявленная устойчивость социально-ролевых моделей демонстрирует сложность и семантическую ёмкость данного языкового механизма. Таким образом, зооморфные фразеологизмы выступают действенным культурным кодом в русской фразеологической картине мира, фиксирующим исторически сложившуюся систему ценностей и обеспечивающим трансляцию стереотипов восприятия человека.

Данное исследование углубляет существующие знания о зооморфных характеристиках человека, выявляя новые аспекты их изучения и систематизации. Собранный эмпирический базис может служить основой для продолжения изучения зооморфных характеристик человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болгова, Е.В. Зоонимы русского языка в современном речевом употреблении: семантико-прагматический подход : специальность 10.02.01 : диссертация ... кандидата филологических наук / Болгова Елена Викторовна. — Мурманск, 2021. — 254 с.
2. Гукетлова, Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разноструктурных языков: французского, кабардино-черкесского и русского языков): специальность 10.02.02, 10.02.20: автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Гукетлова Фатимат Нашировна. — М., 2009. — 47 с.
3. Иванищева, О. Н. Динамика русских культурных смыслов (на примере речевого употребления зоонима попугай) / О. Н. Иванищева // Человек. Культура. Образование. — 2020. — № 3 (37). — С. 89–104.
4. Козлова, Т. В. Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке / Т. В. Козлова. — М.: МГУ, 2003. — 192 с.
5. Красных, В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии / В. В. Красных // М.: Гнозис, 2016. — 496 с.

6. Кудрявцева, Е. В. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом СОБАКА: лингвокультурологический комментарий / Е. В. Кудрявцева // Вестник Костромского государственного университета. — 2015. — № 2. — С. 131–134.
7. Лапшина, О. Г. Механизм формирования семантической структуры фразеологизмов со значением социальных характеристик человека / О. Г. Лапшина // Наука и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции. — 2013. — № 24. — С. 125–128.
8. Лескина, С. В. Презентация категории пейоративности в русской и английской фразеологии / С. В. Лескина // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2010. — № 1. — С. 164–171.
9. Минеева, З. И. Полисемия в русских зоотропах / З. И. Минеева // Знание. Понимание. Умение. — 2014. — № 3. — С. 329–335.
10. Николаева, Н. В. Краткий обзор исследований зоонимов / Н. В. Николаева, Ю. Н. Исаев // Вестник Чувашского университета. — 2018. — № 4. — С. 284–289.
11. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.
12. Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия // М.: Языки русской культуры, 1996. — 228 с.
13. Хакиева, З. У. Особенности использования зооморфизмов в метафорах / З. У. Хакиева, А. А. Демильханов, Б. Я. Цунова // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия гуманитарные и общественные науки. — 2026. — № 1 (53) — С. 74–83.
14. Чепасова, А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учебное пособие / А. М. Чепасова. — 2-е изд., испр. и доп. — Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. — 143 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.
16. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская академия наук. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1997. — 944 с.
17. ТСРЯ — Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / государственный ин-т «Советская энциклопедия».; Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: ОГИЗ, 1935 — 1940. — Т. 1. — 1565 с. — Т. 2. — 1040 с. — Т. 3 — 1424 с. — Т.4. — 1502 с.
18. ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова [и др.]; под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. — 7-е изд., испр. — М.: Астрель, 2006. — 524 с.

REFERENCES

1. Bolgova, E.V. (2021). *Zoonimy russkogo yazyka v sovremennom rechevom upotreblenii: semantiko-pragmaticheskii podkhod* [Zoomyms of the Russian language in modern speech use: A semantic-pragmatic approach] (Candidate dissertation). Murmansk. (In Russian).
2. Guketlova, F.N. (2009). *Zoomorfnyi kod kul'tury v yazykovoï kartine mira (na materiale raznostrukturykh yazykov: frantsuzskogo, kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov)* [Zoomorphic code of culture in the linguistic worldview (based on structurally different languages: French, Kabardino-Circassian and Russian)] (Doctoral dissertation). Moscow. (In Russian).
3. Ivanishcheva, O.N. (2020). *Dinamika russkikh kul'turnykh smyslov (na primere rechevogo upotrebleniya zoonima popugai)* [Dynamics of Russian cultural meanings (on the example of the speech use of the zoonym "parrot")]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, 3(37), No. 3, 89–104. (In Russian).
4. Kozlova, T.V. (2003). *Semantika frazeologizmov s nazvaniem zhivotnykh v sovremennom russkom yazyke* [Semantics of phraseological units with animal names in modern Russian]. MGU. (In Russian).
5. Krasnykh, V.V. (2016). *Slovar' i grammatika lingvokul'tury; Osnovy psikholingvokul'turologii* [Dictionary and grammar of linguoculture; Fundamentals of psycholinguoculturology]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
6. Kudryavtseva, E.V. (2015). *Frazeologizmy s komponentom-zoonimom SOBAKA: lingvokul'turologicheskii kommentarii* [Phraseological units with the zoonym component DOG: A linguoculturological commentary]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, No. 2, 131–134. (In Russian).
7. Lapshina, O.G. (2013). *Mekhanizm formirovaniya semanticheskoi struktury frazeologizmov so znacheniem sotsial'nykh kharakteristik cheloveka* [The mechanism of formation of the semantic structure of phraseological units with the meaning of human social characteristics]. *Nauka i sovremennost'*, 24, 125–128. (In Russian).
8. Leskina, S.V. (2010). *Prezentatsiya kategorii pejorativnosti v russkoi i angliiskoi frazeologii* [Presentation of the category of pejorativity in Russian and English phraseology]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*, 1, No. 1, 164–171. (In Russian).
9. Mineeva, Z.I. (2014). *Polisemiya v russkikh zootropakh* [Polysemy in Russian zootropes]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 3, No. 3, 329–335. (In Russian).
10. Nikolaeva, N.V., & Isaev, Yu.N. (2018). *Kratkii obzor issledovaniy zoonimov* [A brief review of zoonym studies]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, No. 4, 284–289. (In Russian).

11. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: Vostok-Zapad. (In Russian).
12. Telija, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian).
13. Khakieva, Z.U., Demilkhanov, A.A., & Tsurova, B.Ya. (2026). Osobennosti ispol'zovaniya zoomorfizmov v metaforakh [The use of zoomorphisms in metaphors]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, No. 1 (53), 74–83. (In Russian).
14. Chepasova, A.M. (2006). *Semantiko-grammaticheskie klassy russkikh frazeologizmov* [Semantic-grammatical classes of Russian phraseological units] (2nd ed.). ChGPU. (In Russian).

Поступила в редакцию 08.05.2026 г.

К. А. Аксенова, Н. П. Курмакаева

ZOOMORPHIC CHARACTERISTICS OF A HUMAN IN THE RUSSIAN PHRASEOLOGICAL WORLDVIEW

The article examines zoomorphic characteristics of humans in Russian phraseology based on the material of the Explanatory Dictionary of the Russian Language by S. I. Ozhegov and N. Y. Shvedova, as well as two phraseological dictionaries (edited by A. I. Molotkov; edited by V. M. Mokienko). The article analyzes phraseological units with positive and negative connotations, expressing an assessment of character traits, behavior, emotions and appearance of a person through images of animals. A three-dimensional classification of zoomorphisms is proposed: according to the evaluative connotation (pejorative, meliorative, ambivalent), the object of assimilation (objective and abstract) and the nature of the transferred feature (externally physical, behavioral-characterological, socio-role). Special attention is paid to the issue: how do animal images reflect human perception in Russian culture? New phenomena in this area are being noted. Based on the analysis, it is concluded that zoomorphic metaphors are an effective cultural code of Russian linguistic culture. In them, animals are a "mirror" of human qualities, while deviations from the norm (pejorative assessments) are most often recorded, although positive personality traits also find regular expression. The results can help to understand the linguistic and cultural significance of the phenomenon as a feature of the Russian worldview and can be used in further research.

Keywords: *the russian linguistic worldview, phraseology, zoomorphism, zoomorphic metaphor, three-dimensional classification, cultural code, national worldview.*

Аксенова Ксения Александровна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Магистрант.
Направление подготовки 45.04.01 Филология,
профиль «Русский язык: теоретические и
практические аспекты».
ORCID 0009-0005-1921-4724.
E-mail: aksenovakseniak@gmail.com

Aksenova Ksenia Aleksandrovna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.
Master's student.
The field of study is 45.04.01 Philology, profile
"Russian language: theoretical and practical
aspects".
ORCID 0009-0005-1921-4724.
E-mail: aksenovakseniak@gmail.com

Курмакаева Нина Петровна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Кандидат филологических наук, доцент.

Доцент кафедры русского языка.

ORCID 0009-0005-3472-0203.
E-mail: kurmakayeva@mail.ru

Kurmakaeva Nina Petrovna.

Donetsk State University,
Donetsk, Russian Federation.
Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor.
Associate Professor of the Russian Language
Department
ORCID 0009-0005-3472-0203.
E-mail: kurmakayeva@mail.ru

Один из авторов статьи — член редколлегии журнала. Редакционные решения по рукописи принимались без участия члена редколлегии журнала (включая выбор рецензентов и редакционные решения). Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Дискурсология и генристика

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.22905623

М. А. Кайдаш © 2026

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
ORCID 0009-0002-0523-6410

ТИПОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МИФОЛОГЕМ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ В УКРАИНОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье исследуется актуальная проблема идеологической дискредитации русского языка и культуры в украиноязычном тексте через систему мифологем. Цель работы — разработка типологии мифологем, инструментально используемых для делегитимации и дискредитации русского языка и культуры. Материалом исследования послужили массивы украиноязычных текстов научного, образовательного, публицистического и бытийного дискурса с применением методов критического дискурс-анализа, контент-анализа и лингвопрагматического анализа. Были выявлены и классифицированы ключевые типы мифологем, которые формируют устойчивые деструктивные стереотипы, поддерживая контур когнитивного противостояния, их распределение относительно их использования в различных типах дискурса.

Ключевые слова: идеологическая дискредитация, мифологема, языковая агрессия, когнитивное противостояние, типология мифологем.

Для цитирования: Кайдаш М. А. Типология лингвистических мифологем о русском языке и культуре в украиноязычном тексте // М. А. Кайдаш // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 3. — С. 14–21. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.22905623>.

Введение: Современный этап геополитического противостояния характеризуется переходом от классических методов ведения войны к принципиально новым формам, среди которых ведущее место занимает когнитивная война. В отличие от традиционных подходов вооруженных (кинетических) или информационных и информационно-психологических конфликтов, где первостепенной задачей является физическое подавление или эмоциональный отклик, когнитивная война направлена на контроль над процессами сознания, восприятия и интерпретации реальности, что приводит к разрушению устоявшейся картины мира противника и её замещения той, что выгодна агрессору. Целью когнитивного воздействия является разрушение или кардинальное изменение ценностно-смысловых основ, исторической памяти и социокультурной идентичности нации. Главной целью настоящего исследования является выявление системы мифологем идеологической дискредитации русского языка и культуры, их систематизация и разработка типологической системы мифологем и средств их реализации. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи: изучение текстов украиноязычного научного, образовательного, публицистического и бытийного дискурса, выявление прагмалингвистического аспекта воздействия текстов в контексте когнитивного противостояния, типология распространения мифологем в зависимости от вида дискурса.

Материалы и методы исследования: В ходе исследования были обработаны 82 украиноязычных текста, относящихся к научному и образовательному дискурсу, 106 текстов, относящихся к публицистическому дискурсу, корпус текстов бытийного дискурса

(материалы социальных сетей) объемом в 50 000 знаков. Выборка текстов образовательного, научного и публицистического дискурса включает в себя украиноязычные тексты 1990-х – 2020-х годов публикации, текстов бытийного дискурса преимущественно конца 2010-х – начала 2020-х годов, что позволяет репрезентативно исследовать частотность тех или иных мифологем, соотношение их использования относительно временных рамок и специфику использования в зависимости от типа дискурса. В исследовании применяются методы дискурс-анализа, позволяющие изучить тексты в соотношении с социальным, культурным и историческим контекстом; контент-анализ для исследования частотности употребления ключевых слов, аргументов и тем; сопоставительный метод для сравнения частотности использования мифологем в зависимости от вида дискурса; лингвопрагматический анализ для изучения речевых ходов и коммуникативных стратегий, используемых для реализации мифологем в украиноязычном тексте.

Основная часть: В структуре когнитивной войны ключевая роль отводится пропаганде и технологиям манипуляции массовым сознанием. Пропаганда выступает ведущим методом когнитивного противостояния, представляя собой политически мотивированное информационно-психологическое воздействие на эмоционально-волевую сферу с целью внедрения в массовое сознание нужных ценностей и стереотипов. В условиях глобализации и тотальной цифровизации методы пропаганды трансформируются: развитие социальных сетей и мессенджеров ознаменовало переход от линейной, векторной пропаганды к разветвлённой, ризоморфной.

Манипуляция общественным сознанием, в том числе с помощью PR и политтехнологий, предполагает скрытое воздействие, при котором реципиент не осознает факта вмешательства в его когнитивную сферу и принимает навязанные решения как свои собственные. Одной из самых агрессивных форм такого воздействия является стратегия дискредитации, реализуемая через создание негативных образов, демонизацию оппонента и внедрение в сознание масс устойчивых идеологических мифологем. Дискурс дискредитации служит универсальным когнитивным оружием, блокирующим критическое осмысление реальности и поляризующим общество.

Как справедливо отмечает В. Б. Строганов, глубокое взаимопроникновение интернет-технологий и политики ведет к цифровизации управления, при которой традиционные иерархические модели взаимодействия институтов и граждан сменяются гибкими, нелинейными структурами [10, с. 95].

Особую роль в этом процессе играет переход от векторной пропаганды к ризоморфной. Если классическая пропаганда работала по схеме «субъект–объект», то современная интернет-коммуникация функционирует как ризома — децентрализованная, хаотичная сеть узлов и связей, лишённая жесткой иерархии. В этой среде возникает феномен «манипулируемого манипулятора»: рядовой пользователь, реплицируя мифологему через репост или создание мема, пост или комментариев в социальных сетях, фактически становится неосознанным актором масштабной деструктивной кампании [8, с. 97]. Инструментальной базой такой ризоморфной коммуникации выступают мифологемы, позволяющие упаковывать сложные идеологические конструкторы в простые и вирусные языковые единицы.

Ризоморфность — не единственное отличительное качество современной пропаганды. Исследование Х. Хуанга и Н. Круза демонстрирует, что эффективность современной пропаганды часто основывается не на убеждении индивида как личности (persuasion) или прямой демонстрации силы режима (signaling), а на реализации модели «влияния предполагаемого влияния» (IPIR — Influence of Presumed Influence) [13, с. 1795]. Суть этого механизма заключается в том, что пропагандистское сообщение воздействует на субъекта опосредованно: индивид может скептически относиться к контенту, но он склонен полагать, что «другие» поддались манипуляции и изменили свои установки. Это порождает деконструкцию концепции «общеизвестной информации» (common knowledge) —

фундаментального социального консенсуса о реальных настроениях в обществе. В условиях такой когнитивной фрагментации субъект выбирает конформистскую модель поведения не из искренней поддержки идей, а из ложного ощущения нахождения в меньшинстве. Таким образом, стратегическая задача манипуляции в цифровой среде — не столько изменение личных убеждений, сколько разрушение горизонтальных связей и создание «иллюзии общественного мнения» [13, с. 1801].

Методология исследования опирается на синтез постмодернистской концепции ризомы и лингвокультурологического подхода к анализу мифологем. Понятие ризомы, введенное Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, описывает систему, которая принципиально нелинейна и способна развиваться во все стороны через случайные точки сочленения. В медиасреде ризоморфность означает, что манипулятивный импульс может исходить из любой точки сети, мгновенно приобретая вирусный характер и игнорируя традиционные фильтры верификации.

В такой «хаотичной» среде мифологемы выполняют функцию когнитивных навигаторов. По определению М. В. Моисеева и В. А. Масловой, мифологема является структурным компонентом мифа, устойчиво ассоциирующимся с определенным стереотипом в национальном когнитивном процессе [4, с. 112; 5, с. 152]. Политический миф в цифровом дискурсе — это некритически воспринимаемое убеждение, заменяющее собой рациональный анализ. Мифологема же выступает «свернутым текстом», который при активации развертывает в сознании носителя систему идеологических оценок. Мифологема в современной цифровой среде характеризуется следующими качествами:

- мифологема оперирует жесткими бинарными оппозициями (добро–зло, свой–чужой, свобода–рабство), что исключает промежуточные интерпретации и требует лишь эмоционального отклика [6, с. 58];

- содержание мифологемы либо полностью оторвано от реальности, либо искажено, что усложняет либо делает невозможным процесс проверки информации. Это роднит мифологему в её современном виде с концепцией «пост-правды»: фактическая достоверность и верифицируемость информации намного менее важно, нежели то, насколько она вписывается в устоявшуюся картину мира потребителя информации;

- мифологема создаёт эффект сопричастности, при котором потребление мифологемы дает индивиду чувство принадлежности к группе, что критически важно в условиях когнитивного противостояния. Потребление мифологем создаёт искусственные общности на основе разделяемых мифологем, и индивид принимает миф, чтобы избежать остракизма;

- предельное упрощение сложных политических феноменов до уровня узнаваемых образов, способных перемещаться между платформами без потери идеологического заряда;

Языковой статус мифологемы определяет механизм её инкапсуляции в сознание и степень устойчивости к деконструкции. На основе классификации прецедентных феноменов Е. И. Шейгал можно выделить четыре базовых морфологических типа мифологем [12, с. 204].

В контексте современного украинского дискурса идеологической дискредитации русского языка и культуры вышеозначенные типы мифологемы несут своей целью поддержание идеологической установки «свой-чужой», направленной на отделение украинской культуры от того, что в дискурсе идеологической дискредитации русского языка и культуры воспринимается как чужеродная, русская культура. Аксиологически мифологемы украинского внешнеполитического дискурса негативны, что обосновывается их глубокой укоренённостью в пропаганде и информационной манипуляции.

1. Мифологемы-тексты. Данный тип мифологем представляет собой прецедентный текст, содержание или само существование которых опровергается современными научными источниками, но содержание которых известно среднему носителю лингвокультуры. В широком смысле к мифологемам-текстам дискурса идеологической дискредитации русского языка и культуры принадлежит массив образовательной, исторической и лингвистической литературы, которые закладывают идейный и

информационный базис пропаганды. Дискурс идеологической дискредитации русского языка и культуры формируется на институциональном уровне и постепенно распространяется через публицистический и бытовой дискурсы. Этот процесс описывается как движение идей по «окну Овертона» — от маргинальных до общественно закреплённых. Мифологема-текст имеет потенциал для дальнейшего членения её на более мелкие прецедентные феномены, которые мы детальнее рассмотрим в дальнейшем.

2. Мифологема-высказывание представляет неверифицируемое высказывание-констатацию. Мифологемы-высказывания легко тиражируемы и модифицируемы, что приводит к лёгкости их распространения в современном ризоморфном дискурсе, наподобие социальных сетей. Среди мифологем-высказываний можно выделить относящиеся к дискредитации русского языка (*«русский язык — финно-угорский, а не славянский»*, *«русский язык произошёл от украинского»*), к фальсификации истории (*«Россия всю свою историю вела политику деукраинизации»*, *«Украина — наследница Киевской Руси»*, *«Киевская Русь породила Московию»*), к принижению и дискредитации русской культуры (*«варварский Восток»*, мифологема, возникшая вследствие католико-православной схизмы; *«унитазы и Нутелла»*, достаточно современная мифологема-высказывание, появившееся в первые месяцы проведения специальной военной операции (СВО), призванное подчеркнуть оторванность жителей Российской Федерации от базовых бытовых условий).

3. Мифологема-антропоним — прецедентное имя, имеющее отношение к широко известному тексту или прецедентной ситуации. Среди мифологем-антропонимов можно выделить Тараса Шевченко (*«создатель современного украинского языка»*), Ивана Мазепу и Степана Бандеру (*«борцов за независимость от Российской Империи»* и *«Советского Союза»* соответственно), и даже Николая Гоголя и Михаила Булгакова (которых в продолжение мифа о вторичности русской культуры относительно украинской в массовом мифологическом сознании приписывают к украинским писателям). Среди мифологем-антропонимов также выделяют мифологемы-топонимы — Киевская Русь, Московия, СССР, Российская империя. Мифологемы-топонимы имеют за собой более разветвлённую сеть вторичных мифологем-высказываний, нежели мифологемы-антропонимы.

4. Мифологемы-ситуации. Тип, обоснованный М. В. Моисеевым, представляющий собой устойчивый, когнитивно закреплённый образ ситуации или события, которого в реальности не было, либо восприятие которого кардинально искажено. В памяти социума такая мифологема закрепляется в виде устойчивого словосочетания, например, *«резня в Буче»*.

На тематическом уровне мифологемы дискурса идеологической дискредитации русского языка и культуры можно разделить на три основных направления: мифологемы о языке, культуре и истории. Вместе с тем, мифологемы не являются полноценно гетерогенными, и их тематическая направленность может сливаться, как, например, происходит с мифологемами о языке и о культуре. В пространстве идеологической дискредитации языка и культуры морфологические типы мифологем выполняют различные прагматические функции, объединяясь в стратегические смысловые блоки. Функциональная типология отражает те когнитивные кластеры, на которые направлено манипулятивное воздействие:

- Мифологемы демонизации. Их главная функция — конструирование «образа врага» и поляризация общества. Дискредитируемой культуре приписываются исключительно отрицательные черты: дикость, варварство, агрессивность; в то время как сторона манипулятора ассоциируется с прогрессом, универсализмом и гуманизмом. На лингвистическом уровне функция реализуется через активное использование политических ярлыков и дисфемизмов. Мифологемы такого типа чаще всего тиражируются в научном и образовательном дискурсе: *«Інтелектуальна історія концепту «руський мір» віддзеркалює, як він еволюціонував з філософської абстракції в ідеологічний інструмент агресії проти сусідніх країн, а російська мова, культура, православна церква перетворилися в загрозу»*.

нарівні із військовою силою. Джерелами, що жили «руській мір», стали месіанські та імперські ідеї минулого, зокрема, «москва — Третій Рим», слов'янофільство, панславизм» [18, с. 397], но находят своё отражение и в бытийном дискурсе: «Для нас найвища цінність - свобода, для кацапчуків - велічіє, щоб це не означало» [21].

• Етнолінгвистические мифологемы. Данный кластер направлен на разрушение представлений о лингвокультурной идентичности и историческом родстве. Пропаганда эксплуатирует псевдонаучные фактоиды, чтобы доказать «вторичность», «искусственность» или «неродственность» русского языка. Мифологемы данного толка представляют собой самый распространенный тип, используемый во всех исследованных типах дискурса: от научного («Так, у період Київської Русі русини-українці, здійснюючи колонізацію теперішньої Білорусі й «корінної» Росії, слов'янізували місцеве населення, утвердили тут православ'я з церковнослов'янською мовою богослужіння, деякі свої культурні цінності - це стало підставою для «єдності східнослов'янських народів») [20] публицистического («Ще чотириста років тому москвичі знали лише два слов'янських слова. Москвичі над тими, хто хотів бути дуже «продвинутим» і застосовував у своїй мові слов'янські слова, сміялися. Це зафіксовано історично») [19] до бытийного («Ні, предки росіян ніколи не відокремлювались від русинів. Вони нащадки мокиан з Суздальського князівства, котре з'явилося в Русі, проте не було її джерелом, як то Київ чи Полоцьк.») [15].

• Мифологемы исторического ревизионизма. Их предназначение — формирование нарратива о вечной жертве (со стороны коммуникатора) и угнетателе (со стороны объекта дискредитации). Переписывание исторической памяти, внедрение мифов о вековой оккупации и целенаправленных репрессиях (в том числе языковых) разжигает ксенофобию, спланировав массу вокруг ненависти к оппоненту. Мифологемы исторической виктимизации особенно присущи научному дискурсу: *Упродовж кількох століть український народ відчував на собі багато деструктивних імперських та колоніальних впливів. Серед них були: захоплення етнічної території українців; окупація; політична несаможиттєвість (залежність); принижений правовий статус місцевого населення; позбавлення автохтонного народу самостійного правового статусу; нещадна економічна експлуатація природних багатств і праці місцевого населення на користь імперського центру; гальмування економічного розвитку, соціально-економічна деградація; позбавлення або обмеження повноти суверенітету українського народу на користь імперського центру; нав'язування місцевій владі кабальних договорів про протекторат; інспірування приходу до влади залежного від імперського центру маріонеткового режиму; застосування військової сили; формування імперським центром власної колоніальної адміністрації; анексії території; лінгвоцид і етноцид; репресії й голодомори; насильницьке переміщення людей з їхніх рідних земель на нові території; нав'язування ідеології та цінностей колонізатора; деукраїнізація; маргіналізація етнічних і національних груп; інспірування різних форм внутрішнього протистояння та розколів суспільства; релігійна, культурна та етнічна дискримінація; культурна асиміляція та гібридизація тощо»* [14].

• Мифологемы аксиологической деконструкции. Направлены на десакрализацию и обесценивание традиционных духовно-культурных святынь оппонента. Сакральные для народа понятия (православие, патриотизм, исторические победы) искусственно помещаются в иронический или снижающий контекст. Использование комического или сатирического дискурса эффективно подрывает авторитет традиционных институтов. Мифологемы данного типа чаще всего встречаются в текстах бытийного дискурса: «Я вживаю цю назву як стьоб над їхнім прагненням 'вазрадіть велікає прошає'. Тому що в тому великому минулому вони були московитами з болотної московії» [17].

Ризоморфный характер политической коммуникации позволяет мифологемам функционировать автономно от своего первоначального источника. Попадая в сеть, они подвергаются искажению, адаптируясь под специфический язык различных интернет-сообществ, что усиливает их манипулятивный потенциал [10, с. 101]. Более того, мифологемы, относящиеся к различным прагматическим блокам, чаще находят своё

отражение в текстах, относящихся к различным дискурсам. Так, мифологемы «лингвоцида» и «деукраинизации» чаще встречаются в текстах научного и образовательного дискурса. Мифологемы же этнолингвистической деградации и изоляции больше присущи текстам публицистического и бытийного дискурса. Средства реализации также варьируются в зависимости от дискурса: движение от научного к бытийному дискурсу в определенной степени повторяет собой движение информации по «окну Овертона». Т.В. Чернышова выделяет «псевдосоциальную оценочность», при которой автор уходит от анализа факта к оценке через призму мифологизированных качеств [11, с. 155]. Научный и образовательный дискурсы в языковом смысле наименее экспрессивны, и тактики реализации стратегии дискредитации базируются в большинстве своём на манипуляции информацией и фактоидах, публицистический дискурс, помимо повторения информации, нормализованной на уровне институционального дискурса, широко применяет тактику «игры на понижение», использование дисфемизмов, бытийный дискурс социальных сетей упрощается и зиждется на употреблении эрративов («*московськороти*», «*рузький мір*», «*єзик*»), инвективов и этнофоллизмов, вырастающих из мифологем-высказываний («*мокиша*», «*московіти*», «*русня*», «*москалі*», «*кацапи*»).

Анализ показывает, что если академический дискурс ориентирован на рациональное убеждение, то публицистический и бытийный дискурс использует информацию как «горючее для мозга», вызывая немедленную реакцию [6, с. 59]. Вместе с тем, следует отметить, что начиная с 2019 года начал происходить процесс лингвистической радикализации реализации дискурса идеологической дискредитации русского языка и культуры: даже научные публикации перешли к более инвазивным языковым средствам, к примеру: «*Напренована на маневрах і навіть на міжнародних вишколах армія екзальтовано виконувала наказ російського диктатора В. Путіна — особи «третього віку» з пошкодженими підлітковими мізками і наміром покарати всіх (його особистісною підлітко-сленговою мовою — «засортиреть весь мир!»)*» [16].

Государственная стратегия дискредитации на макроуровне находит наиболее полное отражение в языковой политике Украины после 2014 года. Согласно анализу И. А. Снежковой [9], закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» (2019) институционализирует лингвистическую сегрегацию, маркируя значительную часть населения как «чужих».

Заключение: Дискурс идеологической дискредитации русского языка и культуры является одним из наиболее мощных и разрушительных инструментов современной когнитивной и информационно-психологической войны. Он базируется на сложных механизмах скрытого манипулирования массовым сознанием, конечной целью которого является перепрограммирование системы ценностей народа, расщепление его исторической памяти и тотальная дегуманизация.

В реалиях сетевой коммуникации данный дискурс приобретает выраженный ризоморфный характер, делая процесс распространения деструктивной информации вирусным и неконтролируемым. Фундаментальной единицей этого воздействия выступает мифологема (в форме текстов, высказываний, имен и ситуаций), которая подменяет объективную рациональную реальность фантомными, но психологически привлекательными идеологическими конструктами. Целенаправленное конструирование мифологем демонизации, этнолингвистической деградации и аксиологической деконструкции позволяет агрессору эффективно поражать когнитивные мишени общества.

Дискурс идеологической дискредитации русского языка и культуры в украинском текстовом пространстве формируется через систему лингвистических мифологем. Итогом его действия становится конструирование устойчивого противопоставления русской и украинской культур, что играет ключевую роль в поддержании идеологических рамок современного конфликта. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в развитии количественного и качественного контент-анализа для выявления

лингвистических средств реализации мифологем идеологической дискредитации русского языка и культуры

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб. : Прайм — Еврознак, 2003. 342 с.
2. Багдасарян В.Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 8–23.
3. Володенков С.В. Окно Овертона — манипулятивная матрица политического менеджмента // Научно-аналитический журнал обозреватель Observer. 2015. № 4. С. 83–93.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие. 3-е изд. М. : Академия, 2007. 208 с.
5. Моисеев М.В. Типология мифологем в американской лингвокультуре // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 151–154.
6. Мямлина А.В. Мифологемы в рекламе чтения и книг // Библиосфера. 2012. № 2. С. 56–60.
7. Рябова М. Ю. Русофобия как коммуникативная стратегия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 11. С. 3615–3620.
8. Сирилья М.А. Социально-оценочное манипулирование в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-2. С. 172–176.
9. Снежкова И. А. Языковая политика на Украине как инструмент национальной дискриминации // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 333–338.
10. Строганов В.Б. Ризоморфная политическая манипуляция в интернете: специфика и технологии // Вопросы управления. 2021. № 6. С. 94–104.
11. Чернышова Т.В. Типологические признаки речевого жанра дискредитации в медиадискурсе // Филология и человек. 2014. № 1. С. 152–165.
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с.
13. Huang H., Cruz N. Propaganda, Presumed Influence, and Collective Protest // Political Behavior. 2022. Vol. 44. P. 1789–1812.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Авер'янова, Н., & Воропаева, Т. (2019). РОСІЯ — УКРАЇНА: МІЖДЕРЖАВНИЙ ЗБРОЙНИЙ КОНФЛІКТ НЕОКОЛОНІАЛЬНОГО ТИПУ. *Молодий вчений*, 6 (70), 264-267. <https://doi.org/10.32839/2304-5809/2019-6-70-51>
15. Діти, підніміть руки, хто не відрізняє руське та російське. — Текст : електронний — URL: https://www.reddit.com/r/reddit_ukr/comments/1nb6nxh/comment/nd4ql9b (дата обращения: 26.05.2026).
16. Корсак , К., Таланчук , П., Давиденко , Г., Калакура , Я., Кірик , Т., & Похресник , А. (2022). ПОХОДЖЕННЯ І ОСОБЛИВОСТІ РОСІЙСЬКОЇ КУЛЬТУРИ З ТОЧКИ ЗОРУ СУЧАСНИХ НООНАУК. *Graill of Science*, (17), 308–333. <https://doi.org/10.36074/grail-of-science.22.07.2022.056>
17. Мене одного бісить, коли росію назвають "московія" чи росіян "московитами"? — Текст : електронний — URL: https://www.reddit.com/r/reddit_ukr/comments/1eacz0v/comment/leksjvj/ (дата обращения: 26.05.2026).
18. Полещук Т. Шкільний курс історії Росії в контексті ідеології "русского мира" // Народознавчі зошити. — 2025. — № 2. — С. 396-409.
19. Російська мова — штучна мова, яку придумали троє чоловіків. — Текст : електронний — URL: <https://www.obozrevatel.com/news/2009/6/25/309588.htm> (дата обращения: 26.05.2026).
20. Свиначенко Н. О. Сучасна російська імперська пропаганда : згубний вплив для сьогодення українців / Н. О. Свиначенко // Development trends in social science in the era of digitalization : Scientific monograph. - Riga, Latvia : "Baltija Publishing", 2023. - P. 278-301.
21. У чому українці та росіяни відрізняються культурно? — Текст : електронний — URL: https://www.reddit.com/r/reddit_ukr/comments/1m4sot1/comment/n46pixg/?utm_source=share&utm_medium=web3x&utm_name=web3xcss&utm_term=1&utm_content=share_button (дата обращения: 26.05.2026).

REFERENCES

1. Aronson, E., Pratkanis, E.R. (2003). Epokha propagandy: mekhanizmy ubezhdeniya, povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie [The age of propaganda: mechanisms of persuasion, everyday use and abuse]. SPb. : Praym — Evroznak, 342 p. (In Russian).
2. Bagdasaryan, V.E. (2020). Kognitivnye matritsy manipulativnykh tekhnologii v voynakh i revoliutsiiakh novogo tipa [Cognitive matrices of manipulative technologies in wars and revolutions of a new type]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriia i politicheskie nauki, No. 1, 8–23. (In Russian).

3. Volodenkov, S.V. (2015). Okno Overtona — manipuliativnaia matritsa politicheskogo menedzhmenta [The Overton window — a manipulative matrix of political management]. Nauchno-analiticheskii zhurnal obozrevatel' Observer, No. 4, 83–93. (In Russian).
4. Maslova, V.A. (2007). Lingvokul'turologiia : uchebnoe posobie [Linguoculturology : textbook]. 3rd ed. Moscow : Akademiia, 208 p. (In Russian).
5. Moiseev, M.V. (2012). Tipologiia mifologem v amerikanskoii lingvokul'ture [Typology of mythologems in American linguoculture]. Vestnik Omskogo universiteta, No. 1, 151–154. (In Russian).
6. Miamlina, A.V. (2012). Mifologemy v reklame chteniia i knig [Mythologems in the advertising of reading and books]. Bibliosfera, No. 2, 56–60. (In Russian).
7. Riabova, M.Yu. (2022). Rusofobiia kak kommunikativnaia strategiia [Russophobia as a communicative strategy]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, Vol. 15, Iss. 11, 3615–3620. (In Russian).
8. Sirivlia, M.A. (2015). Sotsial'no-otsenochnoe manipulirovanie v politicheskom disкурсе [Socio-evaluative manipulation in political discourse]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, No. 5-2, 172–176. (In Russian).
9. Snezhkova, I.A. (2021). Iazykovaia politika na Ukraine kak instrument natsional'noi diskriminatsii [Language policy in Ukraine as an instrument of national discrimination]. Vlast', Vol. 29, No. 1, 333–338. (In Russian).
10. Stroganov, V.B. (2021). Rizomorfnaia politicheskaia manipuliatsiia v internete: spetsifika i tekhnologii [Rhizomorphic political manipulation on the Internet: specifics and technologies]. Voprosy upravleniia, No. 6, 94–104. (In Russian).
11. Chernyshova, T.V. (2014). Tipologicheskie priznaki rechevogo zhanra diskreditatsii v mediadiskurse [Typological features of the speech genre of discredit in media discourse]. Filologii i chelovek, No. 1, 152–165. (In Russian).
12. Sheigal, E.I. (2004). Semiotika politicheskogo disкурса [Semiotics of political discourse]. Moscow : Gnozis, 326 p. (In Russian).
13. Huang, H., Cruz, N. (2022). Propaganda, Presumed Influence, and Collective Protest. Political Behavior, Vol. 44, 1789–1812. (In English).

Поступила в редакцию 29.07.2026 г.

M. A. Kaidash

THE TYPOLOGY OF LINGUISTIC MYTHOLOGEMS ABOUT THE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE IN UKRAINIAN-LANGUAGE TEXTS

This article examines the pressing issue of the ideological discrediting of the Russian language and culture in Ukrainian-language texts through a system of mythologems. The aim of this study is to develop a typology of mythologems that are used as tools to delegitimize and discredit the Russian language and culture. The research drew on a corpus of Ukrainian-language texts from scientific, educational, journalistic, and everyday discourse, employing methods of critical discourse analysis, content analysis, and linguopragmatic analysis. The study identified and classified key types of mythologems that shape persistent destructive stereotypes, thereby reinforcing the framework of cognitive confrontation, as well as their distribution in terms of their use across various types of discourse.

Keywords: *ideological discreditation, mythologem, linguistic aggression, cognitive warfare, typology of mythologems*

Кайдаш Михаил Андреевич

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Аспирант 2 курса.

Направление подготовки 5.9.5. Русский язык.

Языки народов России.

ORCID 0009-0002-0523-6410

E-mail: mikhail.kaydash.dn@gmail.com

Kaidash Mikhail Andreevich.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

A second-year graduate student.

The field of study is 5.9.5. Russian Language.

Languages of the Peoples of Russia.

ORCID 0009-0002-0523-6410

E-mail: mikhail.kaydash.dn@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 070.16:811'42(470.6 ЛНР)

DOI: 10.5281/zenodo.22905660

А. А. Ермоленко¹, В. А. Дубинина² © 2026

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Луганский государственный педагогический университет»,

¹ORCID 0009-0006-1549-1377

²ORCID 0009-0000-9604-4646

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ФЕЙКА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ)

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматривается проблема выявления языковых маркеров фейковых сообщений в региональных медиатекстах, где дезинформация и манипулятивные практики получили широкое распространение. Цель исследования заключается в определении и анализе лингвистических признаков, указывающих на недостоверный характер информации. Материалом послужили тексты региональных СМИ, проанализированные с использованием общенаучных и специальных методов, включая индукцию, сопоставление, описание, а также лексико-стилистический и лингвопрагматический анализ. В результате установлено, что фейковые сообщения обладают характерными лексическими, синтаксическими и прагматическими особенностями, формирующими эффект правдоподобия и усиливающими эмоциональное воздействие на аудиторию. Полученные результаты позволяют систематизировать языковые маркеры фейка и могут быть использованы при разработке критериев выявления недостоверной информации, а также способствуют развитию медиаграмотности в условиях современной медиакоммуникации.

Ключевые слова: *фейк, региональный медиатекст, языковые маркеры, медиакоммуникация.*

Для цитирования: Ермоленко А. А. Языковые маркеры фейка (на материале региональных медиатекстов) / А. А. Ермоленко, В. А. Дубинина // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 3. — С. 22–34. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.22905660>.

Введение. Цель работы заключается в выявлении и систематизации лингвистических признаков фейковых сообщений на материале региональных медиатекстов. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**: рассмотреть теоретические подходы к определению понятия «фейк», охарактеризовать медиатекст как объект коммуникативистики, проанализировать существующие классификации языковых маркеров фейка, выявить и описать основные языковые средства, используемые для представления ложной информации. **Объектом исследования** являются региональные медиатексты, а **предметом** — языковые маркеры фейковой информации, реализующиеся в данных текстах.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили конкретные образцы современных медиатекстов: новостные сайты, социальные сети и мессенджеры (период: с 2023 по 2025 гг.). **Методы исследования** определены спецификой объекта, целью и задачами работы. В работе использовались такие общенаучные методы, как индукция, описательный и сопоставительный методы. При изучении текстового материала применялись методы эмпирического и теоретического исследования: анализ, сравнение, а также сопоставительный, лексико-стилистический, лингвопрагматический виды анализа.

В современном информационном обществе массмедиа играют ключевую роль в формировании общественного мнения и распространении информации. Усложнение процессов восприятия и интерпретации текстов вызвано высокой информационной

насыщенностью современного медиапространства. Проблема распространения фейковых новостей в условиях цифровой коммуникации и глобальной доступности становится особенно актуальной [6, с. 48–49]. Лингвистический анализ маркеров фейка позволит выявить специфику ложных новостей, отличающую их от достоверных источников информации. Исследование подобных особенностей важно не только для понимания механизмов создания и распространения фейков, но и для разработки инструментов их выявления и противодействия. Фейковые новости, прочно укоренившиеся в медиапространстве во втором десятилетии XXI века, являются актуальным объектом изучения в области медиалингвистики и теории речевого воздействия [1].

Ложная новость, содержащая в себе фальшивую информацию, называется фейковой. В разнообразных источниках можно встретить более двадцати определений понятия *фейк*.

И. А. Стернин в пособии «Маркеры фейков в медиатекстах» даёт следующее определение фейку: «Ложная информация, то есть информация, не соответствующая действительности. В узком понимании фейк определяется как недостоверная, неточная или неполная информация, распространяемая в медиа с целью намеренно ввести в заблуждение аудиторию. В широком понимании фейки — это недостоверная информация, которая может быть не только результатом продуманного намерения автора, но и следствием его непреднамеренной ошибки, излишней доверчивости, слепого следования личным авторитетам автора. Наконец, фейк может возникнуть в результате технического сбоя» [27, с. 3].

Фейк, согласно дефиниции, приведённой А. Г. Качкаевой и С. А. Шомовой в статье «Фейк: от академических дискуссий к практическим решениям», — это «намеренное представление (обычно) неверных или вводящих в заблуждение утверждений в виде новостей, где утверждения вводят в заблуждение умышленно» [13].

По мнению С. Н. Ильченко, «фейк — это журналистское сообщение, содержащее недостоверную и непроверенную информацию, не соответствующую реальным фактам и эмпирической действительности, и опубликованное в СМИ» [12].

В широком смысле фейки представляют собой ложную информацию, созданную с целью обмана и манипуляции аудиторией, которая не соответствует истине [6, с. 8]. Н. Ф. Муратов утверждает, что фейковое исходит из стремления распространения ложной информации, её новизна в том, что она призвана по-настоящему навредить [21].

Согласно исследованиям О. С. Иссерс, в русскоязычном дискурсе слово «*фейк*» чаще всего ассоциируется с намеренным введением в заблуждение и манипуляцией. Анализ языковых корпусов и медиатекстов выявляет несколько типичных значений прилагательного «*фейковый*»: «вымышленный», «искусственно созданный»; «нереальный», «имеющий целью манипуляцию»; «неубедительный», «недействительный»; «показной», «предназначенный для создания видимости» [11]. Словарь синонимов под редакцией В. И. Тришина предлагает следующие синонимы к слову «*фейк*», располагая их по убыванию частоты употребления: *обман, ложь, неправда, подделка, фальсификация* [30]. В русском языке это явление в первую очередь воспринимается как «обман» (сигнификативное значение) и выражает негативную оценку (прагматическое значение), при этом чёткого определения конкретных объектов, к которым оно может быть применено, не существует.

В настоящее время слово «*фейк*» наиболее часто используется в контексте медиадискурса, особенно в сочетании «*фейк-ньюс*» (*fake news*), а не маркетинга, в контексте которого оно изначально возникло. *Фейк-ньюс* — это сфабрикованные, часто сенсационные сообщения, которые распространяются в СМИ под видом достоверных новостей [18]. В русскоязычной практике этот термин применяется как к преднамеренной лжи, так и к искажениям, возникшим из-за ошибок в процессе создания новостей. Среди синонимов к понятию *фейк-ньюс* можно встретить: *псевдоновости, медиамистификации и фактоиды*.

Понятие *медиатекста* возникло в зарубежной научной традиции в конце XX века и вскоре стало активно использоваться в отечественной коммуникативистике. В России этому

термину начали уделять серьёзное внимание такие исследователи, как Т. Г. Добросклонская и С. И. Сметанина. Также появились работы, посвящённые теории медиаобразования (А. В. Федоров, И. В. Челышева, Н. В. Чичерина, Т. Ф. Шак, В. А. Возчиков и др.), а одной из тем Вестника МГУ стал именно анализ медиатекста [16, с. 141].

Л. М. Майданова провела одно из первых комплексных исследований текстов СМИ, сосредоточившись на определении места газетного текста среди других типов [20, с.22–28]. Учёный предложил типологию, подчёркивающую его отличия от художественного текста. Газетный текст, будучи письменным, ориентированным на массовую аудиторию и социально значимым, обладает полной структурой, строго придерживается языковых норм и избегает клише.

Сегодня в медиасфере под *медиатекстом* чаще всего понимается сообщение, представленное в любом формате — это может быть статья, телепрограмма, фильм, клип и т. д. [28, с. 38]. Также под медиатекстом может подразумеваться материал, созданный специально для распространения через СМИ [9, с. 167].

Однако такие определения не до конца раскрывают суть медиатекста, поскольку любое произведение, транслируемое через медиа, не становится от этого автоматически медийным. Например, отрывок из художественного романа, опубликованный в газете, всё равно остаётся литературным произведением. Так же и повесть, прочитанная по радио, не становится медиатекстом в полном смысле этого слова. Если принимать слишком широкое определение медиатекста, то в эту категорию придётся включать даже телепрограммы и метеосводки, что размывает границы понятия.

На наш взгляд, внешняя форма существования текста не может считаться основным признаком, по которому его можно отнести к медиатекстам. Ведь мы понимаем, что перед нами медиатекст, независимо от того, звучит ли он по радио, представлен в теленовостях или напечатан в газете. Даже если он написан от руки — всё равно остаётся медиатекстом. При этом мы легко различаем медиатекст и художественное произведение. Это говорит о том, что у медиатекста есть некие базовые, инвариантные черты, которые позволяют его распознавать вне зависимости от формы подачи и способа распространения.

Таким образом, материальная оболочка текста влияет на его функционирование, а не на сущность. Ю. В. Рождественский писал, что различие в «фактуре» (то есть в каналах передачи и технических средствах) оказывает влияние на стилистические особенности текста. Каждый формат, по мнению учёного, задаёт собственный набор выразительных средств [23, с. 166]. При этом различие «фактур» влияет не только на стиль, но и на способ создания и восприятия текста, что, в свою очередь, влияет и на его функционирование в обществе.

С. И. Сметанина напрямую не даёт определение медиатексту, однако рассматривает его как часть культурной системы. Это источник информации о духовной и материальной жизни, а также о принципах развития общества [25, с. 78]. Основное внимание она уделяет стилевым особенностям журналистских текстов, особенно в условиях современных общественных изменений, среди которых подразумевается отход от жёсткой идеологии, отказ от шаблонности и усиление авторского начала в текстах. По мнению С. И. Сметаниной, современный журналист всё чаще сосредотачивается не столько на реальных событиях, сколько на языке как инструменте выражения. Это приводит к тому, что медиатексты всё чаще выполняют эстетическую функцию, переключая внимание с содержания на форму и выразительные возможности кода [25, с. 54].

Однако такая точка зрения, на наш взгляд, не учитывает значительный объём медиатекстов новостного характера, которые сохраняют ориентацию на стандарт. В них экспрессия если и появляется, то в основном в заголовках или других акцентных зонах текста.

Тема объективности в новостных текстах поднимается и в исследованиях Т. С. Дроняевой. По её мнению, главная особенность информационного подстиля — это подчеркнутая нейтральность. В нём не должно быть даже намёка на личное мнение или авторскую оценку. Такой стиль максимально обезличен и отражает скорее не позицию конкретного человека, а общий корпоративный взгляд. Эмоционально окрашенные

выражения и необычные речевые приёмы здесь считаются нежелательными, а выразительные средства строго ограничены. Это делается ради точности и стандартизации [5]. Данным признаком не обладают фейковые новости, ведь зачастую они стилистически и эмоционально окрашены, выражают субъективную оценку события или ситуации, что нехарактерно для медиатекстов.

Новостные тексты, которые составляют основную часть медиаконтента, напротив, стремятся к удалению авторского начала. На это указывает и Т. Г. Добросклонская. В новостях личность журналиста практически не видна, так как акцент делается исключительно на сообщаемых фактах [4, с. 106]. Но несмотря на такие различия между новостными и публицистическими текстами, всё же существуют общие черты, позволяющие считать их частью одного явления — медиатекста.

В. Г. Костомаров отмечает, что все медиатексты объединяет ориентированность на массовую аудиторию, и они создаются в условиях технически опосредованной коммуникации. Это отличает их от спонтанных разговорных высказываний, основанных на личном контакте [15, с. 188]. Общей задачей медиатекста становится установление стабильного информационного канала между участниками массовой коммуникации. Для этого важно соблюдение баланса между логической строгостью и эмоциональной выразительностью. Такой баланс способствует устойчивости обратной связи с аудиторией, что определяет эффективность СМИ как инструмента социального управления.

Близким нам представляется определение медиатекста, предложенное О. В. Корф: «Медиатекст — это речевое произведение, в котором выражена чёткая прагматическая установка, направленная на формирование политического дискурса и регулирование общественных процессов с помощью средств массовой коммуникации» [14]. Такое понимание делает акцент не только на содержании, но и на функции медиатекста.

Еще одной важной особенностью медиатекста в цифровую эпоху является его гипертекстуальность [16, с. 144]. Современный медиапродукт функционирует в нелинейной структуре, потому что пользователь может переходить по ссылкам между частями текста или к внешним источникам, формируя индивидуальную траекторию чтения. Однако элементы гипертекстуальности существовали и в традиционных СМИ. Это проявлялось в рубриках, ссылающихся на предыдущие публикации, в перекрестных упоминаниях между изданиями, в подборках мнений по одному и тому же вопросу, в комментариях к новостным материалам. Сегодня эти черты получили новую форму выражения и значительно усилились благодаря цифровым технологиям.

В цифровую эпоху медиатекст претерпел значительные изменения, обусловленные развитием новых медиа — интернет-сайтов, социальных сетей, мессенджеров и мобильных приложений. В отличие от традиционных печатных изданий, таких как газеты и журналы, медиатексты в новых медиа характеризуются изменённой формой, содержанием и скоростью распространения информации. Во-первых, форма современных медиатекстов стала более гибкой и мультимодальной: тексты сочетают вербальные, визуальные и аудиовизуальные элементы, что способствует более насыщенному и многоканальному восприятию информации. Во-вторых, содержание медиатекстов в цифровой среде часто ориентировано на оперативность и актуальность, что связано с высокой скоростью обновления новостей и стремлением привлечь внимание широкой аудитории. Это приводит к появлению коротких, динамичных сообщений, адаптированных к особенностям восприятия пользователей в интернете.

С учётом вышеизложенного, констатируем, что медиатексты в новых медиа представляют собой динамичные, мультимодальные и гипертекстуально организованные продукты, которые отличаются от классических газетных текстов по форме, содержанию и скорости распространения. Эти особенности обуславливают новые подходы к анализу медиатекстов и требуют учёта специфики цифровой среды при изучении языковых и коммуникативных характеристик современных медиа.

Остановить распространение фейковых новостей возможно с помощью понимания системы построения фейков на основе определенных признаков и характерных черт (маркеров) текста.

Маркеры — это устойчивые слова или словосочетания, фрагменты фразы, однозначно определяющие тот или иной аспект содержания. Они могут выражаться частью фразы, позволяют отделить в тексте один аспект от другого [2].

Опираясь на исследования И. А. Стернина, А. М. Шестерниной и А. В. Николаевой, мы сформировали классификацию языковых маркеров, по параметрам которой можно определить ложный характер анализируемых новостей [27].

1. Манипулятивная семантика. Понятие «манипуляция» в лингвистике представляет собой термин с высоким уровнем креативности и особой значимостью в рамках теории речевого воздействия. Этот термин отличается удачной семантической мотивацией: благодаря образной основе переносного значения он позволяет глубже понять сущность обозначаемого явления [9, с. 11–14]. В структуре этого значения сочетаются элементы позитивной прагматики, такие как информация о специфике знаков передачи сведений, с отчётливо выраженной отрицательной коннотацией, проявляющейся как в толковых словарях, так и в живой речевой практике.

Лингвистические механизмы, обеспечивающие воздействие на сознание, формировались во время естественного развития языка. Это связано с тем, что язык по своей природе допускает не только точные, но и размытые наименования, тем самым способствуя частичному искажению картины действительности. В этом аспекте манипулятивный дискурс занимает промежуточное положение между полным правдоподобием и откровенной ложью: если ложь противостоит семантической истине, то манипуляция нарушает прагматическую истину.

В данную группу попадают языковые маркеры манипулятивного воздействия, которые влияют на оценку события, явления, человека. К примеру, «Переговоры провалились», «Россия готовится к нападению», «Россия шантажирует мир ядерным оружием». Зачастую для манипуляции читателей могут также использоваться слова-триггеры, которые создают сенсационность и вызывают негативные эмоции («произошёл скандал», «грозит опасность», «невероятное открытие», «шокирующие кадры»).

2. Экспрессивная лексика. По свидетельству Н. А. Лукьяновой, «экспрессивная лексика представлена словом, лексемой или лексико-семантическим вариантом, языковая значимость которого определяется экспрессивной функцией языка» [17]. Эта функция является семантической категорией, служащей для вербализации определённого языкового содержания, касающегося качественных и количественных характеристик объектов действительности. Такое содержание включает в себя выражение субъективной оценки этих объектов.

Газетно-журнальная речь, ориентированная на массовую коммуникацию, характеризуется стремлением к широкому информированию аудитории и выраженной социальной направленностью. Важной особенностью этого стиля является активное проявление авторской позиции, включающее выражение личностного отношения к описываемой проблематике, оценочность и заинтересованность в результатах публикации [24].

Также для текстов такого типа характерно использование образности. Фейковые медиатексты ориентируются не на рациональное убеждение аудитории, а на её эмоциональное вовлечение, активируя интуитивные и рефлексивные реакции. В этом контексте экспрессивная лексика служит инструментом для создания образных высказываний, которые придают описываемой реальности наглядность. Такая языковая стратегия позволяет ложным материалам обходить логические барьеры критического мышления, воздействуя прямо на эмоциональную сферу восприятия читателя.

Медиатексты характеризуются коммуникативной значимостью и социальной оценочностью используемых средств, в них активно внедряются элементы разговорной речи, ярко выражается авторское «я», а также чередуются стандартные и экспрессивные

формы выражения. Вместе с этим подчёркивается необходимость проявления умеренности в применении эмоционально насыщенных слов и конструкций [13, с. 10–20].

В условиях перенасыщенного информацией рынка форма подачи сообщения для привлечения и удержания аудитории становится определяющим фактором. Экспрессивная лексика, особенно в броских заголовках, играет ключевую роль в достижении целей адресата, зачастую превосходя по значимости содержание сообщения.

3. Использование в тексте вырванных из контекста высказываний известных личностей, искажение цитат. Ссылка на известного человека, даже если его слова искажены, придаёт сообщению убедительности и вызывает доверие у аудитории, поскольку воспринимается как поддержка авторитетного источника.

Цитаты, вырванные из контекста, могут полностью изменить исходный смысл высказывания, подстраивая его под нужную автору фейка точку зрения. Это позволяет представить позицию личности или организации в выгодном для адресанта свете либо дискредитировать её. Медiateксты, в частности газетные, применяют два основных типа цитирования: прямое, характеризующееся наличием явных маркеров, и косвенное, лишённое таковых.

Функциональный спектр цитирования в различных газетных жанрах весьма широк и включает в себя информативную, рекламную, композиционную, ассоциативную, аргументирующую, характеризующую, эмоционально-оценочную, комическую, образную функции, а также функцию перефразы [24].

Использование реальных высказываний в новом, несвойственном им контексте формирует у читателя ошибочное представление о взглядах или намерениях цитируемого лица, что может способствовать распространению дезинформации и даже провоцировать общественные конфликты. Это эффективный инструмент распространения фейковой информации, позволяющий влиять на восприятие аудитории и формировать необходимое мнение, используя доверие к известным личностям и авторитетам.

4. Анонимная атрибуция. Фейковые тексты обладают тенденцией к сокрытию конкретных источников информации: «специалисты утверждают», «учёные установили». Вместо чётко обозначенных лиц, предоставивших сведения, или точных статистических выкладок читатель сталкивается с обезличенными высказываниями. Эта деперсонализация реализуется посредством использования безличных грамматических конструкций, вроде «говорят...», «стало известно...» или, что особенно характерно, «анонимный источник сообщает...». Подобные обороты используются для придания тексту видимости авторитетности, не подкреплённой проверяемыми данными.

5. Настойчивый призыв к распространению информации. В условиях формирования цифрового общества создаются благоприятные предпосылки для стремительного и массового распространения деструктивной пропаганды. Обилие источников разнонаправленной информации, зачастую представленной в многообразных интерпретациях, значительно облегчает процесс введения человека в заблуждение. Элементы пропагандистского воздействия умело интегрируются в содержание различных медiateкстов, что затрудняет их распознавание и критическую оценку.

Субъекты пропаганды активно прибегают к использованию манипулятивных приёмов речевого и когнитивного воздействия на аудиторию, формируя у реципиента доверие к ложной или искажённой информации. Более того, такие практики способствуют побуждению адресата к самостоятельному распространению этой информации через социальные сети, что увеличивает масштабы и скорость информационного воздействия [29, с. 36–39].

Одним из характерных признаков пропаганды является навязывание аудитории единственно допустимого варианта интерпретации событий и фактов. Такая стратегия направлена на формирование определённых моделей мышления и поведения, подчинённых интересам инициатора пропагандистского сообщения.

Призыв, являющийся классическим приёмом агитационной речи, а также традиционным завершающим элементом проповеди, в фейковых текстах представлен

различными способами. Наблюдения показывают, что основной грамматической формой выражения призыва являются глагольные конструкции.

Наиболее частотным способом является использование глаголов в повелительном наклонении, что придаёт высказыванию директивный характер и активизирует поведенческую реакцию адресата: *«Передайте это своей семье, всем соседям, знакомым, друзьям, коллегам»; «Не храните эту информацию при себе, делитесь ею со всеми своими знакомыми и друзьями»; «Всех предупредите»* [19].

Другим распространённым приёмом является использование инфинитивных конструкций, обладающих высокой степенью категоричности и срочности: *«Срочно распространите!»*.

Особую форму реализации призыва представляет употребление глаголов в будущем времени первого лица множественного числа, что формирует эффект коллективной принадлежности и эмоционального единения с аудиторией: *«Мы справимся с грядущей катастрофой»*.

Кроме того, призыв может выражаться с помощью безглагольных конструкций, несущих семантику повеления, например: *«Максимальный репост»* (в значении *«перешлите максимальному количеству знакомых»*).

Таким образом, использование различных грамматических средств выражения призыва в фейковых сообщениях способствует усилению их воздействующего потенциала, побуждая адресата к активным действиям и способствуя дальнейшему распространению недостоверной информации.

Очевидный характер алармизма подобных фейковых сообщений позволяет сделать вывод о том, что они нацелены на создание тревожного или панического состояния, а также отражения негативной реакции человека.

6. Сенсационные заголовки. Поверхностное восприятие информации в Интернете помогает реализовываться быстрому распространению фейковых новостей. Авторы известий, помещая основную мысль в заголовок, который может состоять из целого предложения, рассчитывают на то, что человек не проведёт фактчекинг и легко поддастся уловке громкого названия новостной статьи, чтобы сэкономить время [1].

Классификация, предложенная И. А. Стерниным, фокусируется именно на лингвистических аспектах, что делает её особенно ценной для задач, связанных с идентификацией речевых маркеров фейков. Эта модель опирается на анализ языковых механизмов, используемых для манипуляции сознанием адресата.

В основе классификации лежат конкретные языковые и стилистические признаки: манипулятивная семантика, экспрессивная лексика, искажение цитат, анонимная атрибуция, настоятельный призыв к распространению информации, а также сенсационные заголовки. Это позволяет проводить детальный лингвистический анализ фейковых текстов с целью выявления закономерностей их построения и распознавания деструктивных элементов в речевом воздействии.

Результаты. В условиях цифровизации и глобализации медиапространства ложная информация стремительно и эффективно распространяется через разнообразные каналы коммуникации, в том числе мессенджеры, социальные сети, псевдоновостные сайты и Telegram-каналы. Подобные сообщения нередко обладают высокой степенью виральности, формируют устойчивое присутствие в общественном сознании и оказывают разрушительное воздействие на социальную стабильность. Актуальность их исследования определяется не только масштабами распространения, но и тем, что они затрудняют функционирование общественных институтов, подрывают доверие к официальным источникам и способствуют возникновению паники.

Одним из ключевых лингвистических маркеров фейка является использование гиперболизированных выражений и лексики с выраженной эмоциональной окраской. Этот приём призван активизировать эмоциональное восприятие читателя, снизить уровень критического мышления и вызвать тревожный отклик.

Примером служит новость, опубликованная оппозиционным Telegram-каналом «Центр Национального Сопротивления» в марте 2025 года (URL: <https://t.me/warfakes/27505>, дата обращения: 16.04.2025): *«Россия довела уровень загрязнения воздуха на Луганщине до **критического**. Формальдегиды, диоксид азота, диоксид серы, оксид азота, сероводород, фенол — это лишь часть вредных веществ, которыми сегодня дышит население Луганщины. И всё было бы не так страшно, если бы не **критически высокий** их уровень в воздухе»*. Намеренное искажение (преувеличение) информации об уровне загрязнения используется для того, чтобы вызвать панические настроения у населения. Это заявление было опровергнуто Луганским информационным центром почти сразу же. Было заявлено, что уже к 2019 году выбросы в атмосферу стационарными источниками удалось сократить более чем в два раза по сравнению с 2013 годом, а углекислого газа — почти в три раза.

В декабре 2025 года в Telegram-канале «Война с фейками» опубликовано сообщение, размещенное на оппозиционном сайте (URL: <https://t.me/warfakes/32051>, дата обращения 03.05.2025): *«Первокурсники **заменяют** медиков в Луганске. В Луганской Народной Республике **дефицит** медицинских кадров **пытаются компенсировать** за счет студентов без базовой подготовки, что **создает реальные риски** для безопасности пациентов»*.

Текст насыщен выражениями с яркой эмоциональной окраской и скрытой эмоциональной агрессией. Ключевое слово «заменяют» в заголовке является семантической гиперболой. Оно подразумевает полную функциональную подмену квалифицированного специалиста новичком. В реальности работа студента (даже в качестве волонтера или санитаря) не является «заменой» врача, однако использование утвердительного глагола заставляет читателя поверить написанному. Фраза «без базовой подготовки» несёт в себе яркую негативную окраску и направлена на нагнетание страха. Подобная лексика необходима для того, чтобы ввести аудиторию в состояние тревоги и спровоцировать недоверие к системе здравоохранения в целом.

Новость использует характерный прием отсутствия верифицируемых источников. Выражение «пытаются компенсировать» подано как факт, однако не уточняется, кем именно и в каких медучреждениях. Отсутствие ссылок на конкретные приказы и фамилии создаёт иллюзию масштабности проблемы, скрывая за общими словами отсутствие доказательной базы. Конструкция «создаёт реальные риски для безопасности пациентов» имитирует экспертное заключение. Употребление эпитета «реальные» призвано купировать любые сомнения в правдивости угрозы.

Использование подобной формулировки создает псевдодостоверность, переводя обсуждение из плоскости «правда или ложь» в плоскость «жизнь или смерть», что типично для фейковых новостей, нацеленных на быстрый виральный охват.

Языковой маркер, связанный с настойчивым призывом к распространению информации, имеет директивную структуру и выражается в форме побудительных высказываний. Такие конструкции апеллируют к чувству срочности и ответственности, побуждая адресата делиться информацией без должной критической оценки. В октябре 2024 сообщества Луганской Народной Республики захватило сообщение о взрывном устройстве (URL: <https://clck.su/fRxni>, дата обращения: 07.05.2025): *«Вот таких милых утят разбрасывают по населенным пунктам. **Всех оповестить, предупредить. Особенно детей! Можно учителям переслать, чтобы показали, оповестили.** Вместо батареек установлено взрывное устройство. Прошу рассылать это сообщение по всем чатам и группам»*.

Повелительные конструкции «оповестить», «переслать», «показали», «рассылать» формируют императивный характер сообщения и усиливают его быстро распространяющийся потенциал. В тексте отсутствуют конкретные подтверждения произошедшего, но используется экспрессивная лексика и эмоциональные образы. Обычно в новостях такого типа могут присутствовать побудительные предложения с использованием восклицательных конструкций, что также является лингвистическим

маркером фейкового текста, ведь это нехарактерно для фактов и указывает на высокую эмоциональность сообщения.

Сенсационные заголовки представляют собой ещё один устойчивый лингвистический признак фейков. Они ориентированы на привлечение внимания и формирование немедленного эмоционального отклика. Типичными являются такие конструкции, как: *«Шокирующее открытие!», «Всё, что мы знали — ложь!», «Этот факт поверг в шок весь мир!»*. Такие заголовки эксплуатируют эффект сенсации, усиливают тревожность и часто маскируют недостоверность материала.

Кроме того, современная тенденция в построении заголовков — это уход от краткости в пользу развернутых, нередко сложноподчинённых конструкций, содержащих всю ключевую информацию. Такая структура затрудняет быструю проверку фактов и способствует распространению фейков. В Telegram-канале «ЛУГАНСК СЕГОДНЯ» в сентябре 2025 (URL: <https://t.me/luhansktoday/24244>, дата обращения: 20.09.2025) появилось сообщение с заголовком: **«ВНИМАНИЕ! В регионе введена система электронных талонов на бензин АИ-92 и АИ-95»**.

Использование восклицательного знака и императива в самом начале является классическим сигнальным маркером. Его задача заключается в мгновенном переключении внимания читателя из режима пассивного скроллинга в режим «боевой готовности». В лингвистике это называется установкой на приоритетность сообщения и характерно для сводок ЧС или экстренных новостей. Не указано конкретное ведомство (Минэнерго, Правительство ЛНР или администрация), сделавшее заявление, что лишает возможность быстрой верификации информации. Словосочетание «электронные талоны» само по себе является триггером. В культурном коде постсоветского пространства слово «талоны» неразрывно связано с понятиями «дефицит», «кризис» и «нормирование». Заголовок имитирует официально-деловой стиль, что притупляет критическое восприятие. Конструкция «введена система» звучит как свершившийся юридический факт. Сенсационность здесь достигается не за счет ярких прилагательных, а за счет эксплуатации базовых страхов и имитации официального статуса.

В условиях продолжающейся информационной войны региональные массмедиа заполнены фейковыми сообщениями, в которых доминирует манипулятивная направленность. В том числе это делается с целью распространения фишинговых ссылок для кражи личных данных жителей Луганской Народной Республики.

В августе 2025 года в Telegram-канале «НОВОСТИ ЛНР» (URL: <https://t.me/luganskallnews/27769>, дата обращения: 21.09.2025) опубликовали новость, что от лица ГУП ЛНР «Лугансквода» был создан чат-бот для информирования жителей отдельных территорий о режимах подачи воды. Фишинговые ссылки такого формата распространяются через чаты региональных медиаканалов и представляют собой не просто техническую угрозу, а полноценный манипулятивный инструмент, воздействующий на массовое сознание.

Прежде всего, такая ссылка эксплуатирует локальную проблематику и повседневные заботы жителей. В отличие от глобального спама, региональные атаки всегда привязаны к конкретным, социально значимым вопросам. Тематическая релевантность резко повышает доверие, ведь пользователь воспринимает ссылку не как угрозу, а как оперативное решение насущной бытовой задачи. В результате когнитивный контроль ослабевает, и критическая оценка подменяется автоматическим переходом на «полезный сервис», каковым на деле оказывается фишинговый бот или поддельный сайт.

Кроме того, фишинговые ссылки могут использоваться для распространения панических слухов или ложных распоряжений, чтобы украсть личные данные жителей, и в кризисных регионах несёт прямые угрозы безопасности. Противодействие требует не только технической защиты, но и развития медийной грамотности, позволяющей распознавать языковые маркеры фальсификации.

Обсуждение. Проведённый анализ позволяет утверждать, что выделенные языковые маркеры действуют не изолированно, а в совокупности, образуя устойчивые паттерны, характерные для фейковых сообщений. Манипулятивная семантика, экспрессивная лексика, анонимная атрибуция, искажение цитат, призывы к распространению и сенсационные заголовки взаимодополняют друг друга, создавая эффект достоверности при одновременном воздействии на эмоциональную сферу адресата.

Особенно показательным является использование гипербола и оценочных эпитетов, которые не только привлекают внимание, но и снижают порог критического восприятия. Читатель, находясь под влиянием сильных эмоций (страха, возмущения, тревоги), реже прибегает к фактчекингу. В этом смысле наши результаты согласуются с выводами О. Н. Иванищевой о том, что фейки выступают как разновидность социальной информации, активно формирующей поведенческие реакции [7].

Следует также отметить, что региональный характер материала накладывает определённую специфику, потому что многие фейки апеллируют к локальным проблемам, повышают их правдоподобие для местной аудитории. Это требует особого внимания при разработке методик выявления фейков в региональном медиапространстве.

Практическая значимость полученных данных может реализоваться в возможности создания алгоритмов автоматизированной проверки текстов на наличие описанных маркеров, что может стать основой для программного обеспечения, помогающего журналистам и редакциям оперативно фильтровать контент. Кроме того, знание этих маркеров полезно для повышения медиаграмотности населения, так как позволяет пользователям самостоятельно распознавать признаки недостоверных сообщений.

Вместе с тем исследование имеет ограничения, связанные с выборкой материалов: анализировались преимущественно тексты на русском языке из нескольких региональных каналов. Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение корпуса, а также на изучение динамики изменения маркеров во времени (например, в связи с появлением новых цифровых платформ). Перспективным представляется также сопоставление маркеров фейков в региональных и федеральных СМИ, что позволит выявить как общие, так и специфические черты.

Заключение. В ходе исследования были рассмотрены теоретические и практические аспекты функционирования фейковой информации в медиапространстве, а также выявлены и систематизированы языковые маркеры, характерные для региональных медиатекстов. Установлено, что фейк представляет собой сложное и многокомпонентное явление, которое не имеет однозначной дефиниции и может рассматриваться как намеренно искажённая либо недостоверная информация, используемая для целенаправленного воздействия на массовую аудиторию. В данном контексте медиатекст выступает как базовая единица массовой коммуникации, обладающая одновременно информативной и воздействующей функциями, что создаёт благоприятные условия для распространения дезинформации.

Анализ материала позволил выделить ключевые группы языковых маркеров фейка, включающие манипулятивную семантику, экспрессивно окрашенную лексику, искажение цитирования, анонимную атрибуцию, сенсационность заголовков и призывы к репосту. Выявлено, что данные средства функционируют комплексно, усиливая суггестивное воздействие текста и смещая восприятие адресата в эмоциональную плоскость. В целом исследование подтвердило, что языковые маркеры являются значимым инструментом выявления фейковых сообщений, а перспективы дальнейшей работы связаны с разработкой автоматизированных методов их выявления и изучением функционирования в различных медиасредах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воякина, Е. Ю. Лингвистические и экстралингвистические маркеры фактоидов в современной интернет-коммуникации / Е. Ю. Воякина // Преподаватель XXI век. — 2023. — № 1(2). — С. 357–370.
2. Галиева, К. С. Понятие маркера и его виды и функции: эволюция в науке и искусстве / К. С. Галиева // Цифровая наука. — 2022. — № 2. — С. 12–21.

3. Гуськова, С. В. Технологии распространения фейковых новостей в массмедиа и способы их верификации: лингвистический аспект / С. В. Гуськова, А. М. Шестерина // *Неофилология*. 2023. — Т. 9, № 3. — С. 618–629.
4. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. — 3-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2019. — 264 с.
5. Дроняева, Т. С. Информационный подстиль // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие* / Т. С. Дроняева. — Ч.1. — М. : Изд-во МГУ, 2003. — 456 с.
6. Золян, С. Т. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность / С. Т. Золян, Н. А. Пробст, Ж. Р. Сладкевич, Г. Л. Стульчинский. — М. : Алетей, 2021. — 288 с.
7. Иванищева, О. Н. Фейки как разновидность социальной информации / О. Н. Иванищева // *Человек. Культура. Образование*. — 2020. — № 1(35). — С. 63–73.
8. Ильченко, С. Н. Фейковая журналистика. Спецкурс: учебное пособие / С. Н. Ильченко. — М. : Директ-Медиа, 2019. — 308 с.
9. Ильченко, С. Н. Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией / С. Н. Ильченко. — Санкт-Петербург : Питер, 2019. — 319 с.
10. Иоселиани, А. Д. Фейк и фейк-ньюз как инструменты влияния на формирование общественного мнения / А. Д. Иоселиани, М. А. Бунина // *Век глобализации*. — 2023. — № 2. — С. 125–135.
11. Иссерс, О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией / О. С. Иссерс // *Коммуникативные исследования*. — 2014. — № 2. — С. 112–113.
12. Качкаева, А. Г. Фейк: от академических дискуссий к практическим решениям / А. Г. Качкаева, С. А. Шомова, И. С. Душакова // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. — 2021. — Т. 6. № 2. — С. 5–32.
13. Кожина, М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. А. Котюрова, А. М. Сквородников. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Флинта: Наука, 2006. — 696 с.
14. Корф, О. В. Медиатекст как инструмент формирования дискурса в политическом конфликте: на примере конфликта 1994-1996 гг. в Чеченской Республике : автореферат дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / О. В. Корф. — Москва, 2009. — 26 с.
15. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии: очерки соврем. рус. стилистики / В. Г. Костомаров. — М. : Гардарики, 2020. — 287 с.
16. Кузнецова, А. В. К определению понятия медиатекста / А. В. Кузнецова // *Общественные науки*. — 2010. — № 5. — С. 141–145.
17. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте / Н. А. Лукьянова // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та: История, филология*, 2015. — Т. 14. — № 9. — С. 183–201.
18. Люцинский, К. О слове фейк и о том, что за ним стоит / К. Люцинский // *Respetus Philologicus*. — 2015. — № 28(33). — С. 89–99.
19. Мазикова, Н. Ю. Языковой портрет фейковых сообщений, часто пересылаемых в мессенджерах // Н. Ю. Мазикова // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: филологические науки*. — 2023. — Т. 9(75), № 1. — С. 152–165.
20. Майданова, Л. М. Структура и композиция газетного текста: средства выразительного письма / Л. М. Майданова. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 2021. — 180 с.
21. Малярчук-Прошина, У. О. Использование экспрессивной лексики в текстах СМИ [Электронный ресурс] / У. О. Малярчук-Прошина. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-ekspressivno-otsenочноy-leksiki-v-tekstah-smi/viewer>, свободный. (Дата обращения: 05.02.2024 г.).
22. Муратова, Н. В. Fake news: дезинформация в медиа: пособие / Н. Ф. Муратова, Н. К. Тошпулатова, Г. Б. Алимова. — Т. : Innovation rivojlanish nashriot-matbaa uyi, 2020. — 104 с.
23. Рождественский, Ю. В. Введение в языкознание: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Ю. В. Рождественский, А. В. Блинов; Предисл. Ю. А. Бельчикова // Под. Ред. А. А. Волкова. — М. : Академия, 2005. — 336 с.
24. Саблина, М. В. Цитата и цитирование в текстах современных российских газет [Электронный ресурс] / М. В. Саблина // *Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина: автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01*. — Красноярск, 2011. — Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/462522>, свободный. (Дата обращения : 10.04.2025 г.).
25. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры : Динам. процессы в яз. и стиле журналистики конца XX в. / С. И. Сметанина. — Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2015. — 382 с.
26. Смирнов, А. А. «Глубокие фейки»: сущность и оценка потенциального влияния на национальную безопасность / А. А. Смирнов // *Свободная мысль*. — 2019. — № 5. — С. 70.
27. Стернин, И. А. Маркеры фейка в медиатекстах: учебное пособие / И. А. Стернин. — В. : РИТМ, 2020. — 60 с.
28. Суходолов, А. П. Феномен «фейковых новостей» в современной медиасреде / А. П. Суходолов // *Евразийское сотрудничество: гуманитарные аспекты*. — 2017. — № 1. — С. 87–106.

29. Чернявская, Н. А. Современные технологии медиавоздействия: учебное пособие / Н. А. Чернявская, О. А. Усачева. — Самара : Изд-во Самарского университета, 2024. — 88 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

30. Тришин, В. Н. Большой русский словарь-справочник синонимов [Текст] / В. Н. Тришин. — М. : Дрофа, 2013. — 672 с.

REFERENCES

1. Voyakina, E. Yu. (2023). Lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie markery faktoidov v sovremennoj internet-kommunikacii [Linguistic and extralinguistic markers of factoids in contemporary internet communication]. *Prepodavatel XXI vek*, (1(2)), 357–370. (In Russian).
2. Galieva, K. S. (2022). Ponyatie markera i ego vidy i funkcii: evolyuciya v nauke i iskusstve [The concept of a marker and its types and functions: Evolution in science and art]. *Cifrovaya nauka*, (2), 12–21. (In Russian).
3. Guskova, S. V., & Shesterina, A. M. (2023). Tekhnologii rasprostraneniya fejkovyh novostej v massmedia i sposoby ih verifikacii: lingvisticheskiy aspekt [Technologies of fake news dissemination in mass media and methods of their verification: A linguistic aspect]. *Neofilologiya*, 9(3), 618–629. (In Russian).
4. Dobrosklonskaya, T. G. (2019). *Medialingvistika: sistemnyy podhod k izucheniyu yazyka SMI* [Media linguistics: A systematic approach to the study of media language] (3rd ed.). FLINTA. (In Russian).
5. Dronyaeva, T. S. (2003). Informacionnyy podstil [Informational substyle]. In *Yazyk SMI kak obekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya* [Language of the media as an object of interdisciplinary research] (Part 1). Izd-vo MGU. (In Russian).
6. Zolyan, S. T., Probst, N. A., Sladkevich, Zh. R., & Stulchinskij, G. L. (2021). *Fejki: kommunikaciya, smysly, otvetstvennost* [Fakes: Communication, meanings, responsibility]. Aletejya. (In Russian).
7. Ivanishcheva, O. N. (2020). Fejki kak raznovidnost socialnoj informacii [Fakes as a type of social information]. *Chelovek. Kultura. Obrazovanie*, (1(35)), 63–73. (In Russian).
8. Ilchenko, S. N. (2019a). *Fejkovaya zhurnalistika. Spekkurs: uchebnoe posobie* [Fake journalism: Special course]. Direkt-Media. (In Russian).
9. Ilchenko, S. N. (2019b). *Kak nas obmanyvayut SMI. Manipulyaciya informaciej* [How the media deceive us: Information manipulation]. Piter. (In Russian).
10. Ioseliani, A. D., & Bunina, M. A. (2023). Fejk i fejk-nyuz kak instrumenty vliyaniya na formirovanie obshchestvennogo mneniya [Fake and fake news as tools of influencing public opinion]. *Vek globalizacii*, (2), 125–135. (In Russian).
11. Issers, O. S. (2014). Mediafejki: mezhdru pravdoj i mistifikaciej [Media fakes: Between truth and mystification]. *Kommunikativnye issledovaniya*, (2), 112–113. (In Russian).
12. Kachkaeva, A. G., Shomova, S. A., & Dushakova, I. S. (2021). Fejk: ot akademicheskikh diskussij k prakticheskim resheniyam [Fake: From academic discussions to practical solutions]. *Kommunikacii. Media. Dizajn*, 6(2), 5–32. (In Russian).
13. Kozhina, M. N. (Ed.). (2006). *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language] (2nd ed.). FLINTA; Nauka. (In Russian).
14. Korf, O. V. (2009). *Mediatekst kak instrument formirovaniya diskursa v politicheskom konflikte: na primere konflikta 1994–1996 gg. v Chechenskoj Respublike* [Media text as a tool for discourse formation in political conflict: The case of the 1994–1996 conflict in the Chechen Republic] (Candidate dissertation abstract). Moscow. (In Russian).
15. Kostomarov, V. G. (2020). *Nash yazyk v dejstvii: ocherki sovremennoj russkoj stilistiki* [Our language in action: Essays on modern Russian stylistics]. Gardariki. (In Russian).
16. Lukyanova, N. A. (2015). Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v semanticheskom aspekte [Expressive vocabulary of colloquial usage in the semantic aspect]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, filologiya*, 14(9), 183–201. (In Russian).
17. Lyucinskij, K. (2015). O slove fejk i o tom, chto za nim stoit [On the word “fake” and what stands behind it]. *Respetus Philologicus*, (28(33)), 89–99. (In Russian).
18. Mazikova, N. Yu. (2023). Yazykovoj portret fejkovyh soobshchenij, chasto peresylyaemyh v messendzherah [Linguistic portrait of fake messages frequently forwarded in messengers]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 9(75)(1), 152–165. (In Russian).
19. Majdanova, L. M. (2021). *Struktura i kompoziciya gazetnogo teksta: sredstva vyrazitelnogo pisma* [Structure and composition of newspaper text: Means of expressive writing]. Izd-vo Krasnoyarskogo universiteta. (In Russian).
20. Malyarchuk-Proshina, U. O. (n.d.). Ispolzovanie ekspressivnoj leksiki v tekstah SMI [Use of expressive vocabulary in media texts]. Retrieved February 5, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-ekspressivno-otsenочноy-leksiki-v-tekstah-smi/viewer> (In Russian).
21. Muratova, N. V., Toshpulatova, N. K., & Alimova, G. B. (2020). *Fake news: Dezinformaciya v media* [Fake news: Disinformation in media]. Innovation rivojlanish nashriyot-matbaa uyi. (In Russian).

22. Rozhdestvenskij, Yu. V., & Blinov, A. V. (2005). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Akademiya. (In Russian).
23. Sablina, M. V. (2011). Citaty i citirovanie v tekstah sovremennyh rossijskikh gazet [Quotation and citing in modern Russian newspapers]. Retrieved April 10, 2025, from <https://www.prilib.ru/item/462522> (In Russian).
24. Smetanina, S. I. (2015). *Media-tekst v sisteme kultury: dinamicheskie processy v yazyke i stile zhurnalistiki konca XX veka* [Media text in the cultural system: Dynamic processes in the language and style of journalism of the late 20th century]. Izd-vo Mihajlova V. A. (In Russian).
25. Smirnov, A. A. (2019). "Glubokie fejki": sushchnost i ocenka potencialnogo vliyaniya na nacionalnuyu bezopasnost ["Deep fakes": Essence and assessment of potential impact on national security]. *Svobodnaya mysl*, (5), 70. (In Russian).
26. Sternin, I. A. (2020). *Markery fejka v mediatekstah* [Fake markers in media texts]. RITM. (In Russian).
27. Sukhodolov, A. P. (2017). Fenomen "fejkovyh novostej" v sovremennom mediaprostranstve [The phenomenon of fake news in the modern media space]. *Evroaziatskoe sotrudnichestvo: gumanitarnye aspekty*, (1), 87–106. (In Russian).
28. Trishin, V. N. (2013). *Bolshoj russkij slovar-spravochnik sinonimov* [Large Russian dictionary of synonyms]. Drofa. (In Russian).
29. Chernyavskaya, N. A., & Usacheva, O. A. (2024). *Sovremennye tekhnologii mediavozdejstviya* [Modern media influence technologies]. Izd-vo Samarskogo universiteta. (In Russian).

Поступила в редакцию 05.07.2026 г.

A. A. Ermolenko, V. A. Dubinina

FAKE LANGUAGE MARKERS (BASED ON REGIONAL MEDIA TEXTS)

The paper addresses the problem of identifying linguistic markers of fake messages in regional media texts, where disinformation and manipulative practices have become widespread. The aim of the study is to determine and analyze linguistic features indicating the unreliable nature of information. The research material consists of regional media texts analyzed using general scientific and specialized methods, including induction, comparison, description, as well as lexical-stylistic and pragmalinguistic analysis. The findings show that fake messages exhibit specific lexical, syntactic, and pragmatic characteristics that create an illusion of credibility and enhance the emotional impact on the audience. The results obtained make it possible to systematize linguistic markers of fake news and can be applied in developing criteria for detecting unreliable information, as well as contribute to the advancement of media literacy in the context of modern media communication.

Keywords: *fake news, regional media text, linguistic markers, media communication.*

Ермоленко Анастасия Андреевна.

Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, Российская Федерация.
Студент 1 курса магистратуры.
Направление подготовки 45.04.01 Филология, Профиль «Отечественная филология. Русский язык и литература».
ORCID 0009-0006-1549-1377.
E-mail: nsncsml@yandex.ru.

Ermolenko Anastasiia Andreevna.

Luhansk State Pedagogical University, Luhansk, Russian Federation.
A 1th year master's student.
The field of study is 45.04.01 Philology, profile "National Philology. Russian Language and literature".
ORCID 0009-0006-1549-1377.
E-mail: nsncsml@yandex.ru.

Дубинина Виктория Александровна.

Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, Российская Федерация.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и коммуникативных технологий.
ORCID 0009-0000-9604-4646
E-mail: dubinina_v@mail.ru.

Dubinina Viktoriia Aleksandrovna.

Luhansk State Pedagogical University, Luhansk, Russian Federation.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Communicative Technologies.
ORCID 0009-0000-9604-4646
E-mail: dubinina_v@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.22905711

А. А. Федорова¹, Н. В. Гладкая² © 2026

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

¹ORCID 0009-0009-8698-7099

²ORCID 0000-0003-3903-4438

ЯЗЫКОВЫЕ АНТИНОМИИ И ПОЛИКОДОВОСТЬ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И МЕССЕНДЖЕРОВ)

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена анализу функционирования русского языка в современной интернет-среде как качественно новой коммуникативной реальности, формирующей особый тип речевой культуры. Актуальность исследования обусловлена активными языковыми изменениями, вызванными цифровизацией общения и трансформацией языковой личности. На материале сообщений из социальных сетей («ВКонтакте», Telegram) за 2023–2026 гг. рассматриваются основные тенденции: демократизация речи, экспансия заимствований, жаргонизация, а также реализация языковых антиномий. Особое внимание уделяется трансформации языковой личности по формуле «личность = текст». Методология включает функционально-стилистический и структурно-семантический анализ. Результаты показывают, что интернет актуализирует разговорные синтаксические конструкции, графическую креативность (эмодзи, цифровые коды) и «письменно-устную» форму речи, что свидетельствует не о разрушении языка, а о периоде его активного адаптационного экспериментирования в цифровой среде.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, русский язык, языковая личность, языковые антиномии, заимствования, синтаксис сетевой речи, цифровая среда.

Для цитирования: Федорова А. А. Языковые антиномии и поликодовость как ключевые характеристики современной интернет-коммуникации (на материале социальных сетей и мессенджеров) / А. А. Федорова, Н. В. Гладкая // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 3. — С. 35–43. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.22905711>.

Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).

Введение. Проблема функционирования русского языка в интернет-пространстве приобретает особую значимость в связи с формированием новой языковой личности, изменением соотношения устной и письменной речи, а также экспансией заимствований и разговорных конструкций в виртуальную коммуникацию. **Актуальность** работы обусловлена необходимостью системного описания новейших тенденций (2020–2026 гг.), включая трансформацию языковых антиномий, синтаксическую сегментацию и графическую креативность. **Цель** исследования — выявить и охарактеризовать основные механизмы и особенности функционирования русского языка в современной интернет-среде, а также определить влияние цифрового пространства на языковую личность. Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**: 1) рассмотреть интернет как специфическую коммуникативную среду; 2) проанализировать лексические, словообразовательные и синтаксические процессы в Рунете; 3) изучить роль графических

и орфографических средств в формировании образа языка; 4) описать реализацию языковых антиномий в условиях сетевого общения.

Материалом исследования послужили тексты естественной письменной речи, зафиксированные в русскоязычных сегментах социальных сетей и мессенджеров — «ВКонтакте» и Telegram — в период 2023–2026 гг.

Современный этап развития языка характеризуется беспрецедентным влиянием цифровой среды. Интернет, ставший основным пространством повседневного языкового существования, выступает мощным катализатором языковых изменений. Русский язык в глобальной сети подвергается воздействию двух разнонаправленных тенденций: демократизации и раскрепощения, с одной стороны, и падения речевой культуры, жаргонизации и экспансии заимствований — с другой.

Согласно И. Н. Розиной, под «интернет-коммуникацией» понимается применение человечеством электронных сообщений для развития знаний и взаимопонимания в различных сферах, контекстах и культурах [8, с. 18].

В отличие от языков программирования, составляющих лишь технологическую основу, естественный язык становится не просто средством, а подлинным строительным материалом интернет-реальности. Как пишет Л. Воборил, «в данный момент многие языки мира, в том числе русский, функционируют в двух взаимообусловленных, связанных друг с другом сферах — в традиционной (реальной) действительности и в виртуальном пространстве интернета. С одной стороны, язык и речь приспособляются к техническим возможностям и., с другой стороны, основным средством создания новой коммуникативной среды является живой язык» [2, с. 23]

Виртуальная среда создает уникальные условия для реализации языковой личности. Интернет позволил фиксировать спонтанную устную речь в письменной форме, что привело к переносу особенностей устного общения (ошибок, сокращений) в письменный текст. Все речевые индивидуальности оказываются на виду, формируя аксиому «личность = текст или личность = язык» [9, с. 46]. Так возникает новая языковая личность: по манере общения, словам, фразам можно условно определить возраст, пол и сферу интересов человека. Например, в групповых чатах Telegram, созданных для самых разных обсуждений, люди более старшего возраста пишут заметно грамотнее, сохраняя пунктуацию, заглавные буквы и часто весь текст помещают в рамки одного сообщения целиком (*Добрый вечер. Подскажите, пожалуйста, где в Донецке можно купить выпускное платье?*). В то же время, молодые люди предпочитают писать без заглавных букв, с обилием сокращений, заимствований, сленга, разговорных форм, отсутствием знаков препинания, разбивая текст на несколько небольших сообщений (*мдааа я просто написал теорию и меня захейтили или хотя ты мб просто байтер*). В условиях письменной коммуникации, приближенной к реальному времени, текст становится эквивалентом личности.

Все основные функции языка находят в интернете свое отражение, но с определенной спецификой. Так, посредством формирования виртуальной языковой личности актуализируется **фатическая (контактоустанавливающая) функция** — говорящий презентует себя при установлении контакта с собеседником. Раньше, чтобы понять, кто перед вами, нужно было увидеть или услышать человека. Когда вы выходите в Интернет, у людей нет возможности посмотреть вам в глаза или оценить ваш костюм. Единственное, что у вас есть — это текст. Так, например, чтобы составить впечатление эксперта в какой-либо сфере, пользователь может использовать узкоспециальную терминологию без расшифровки. Такой комментарий мне удалось найти в сообществе для цифровых художников социальной сети «ВКонтакте»:

У вас очень милые, светлые, «теплые» работы, даже жизнеутверждающие. Определенные паттерны из изображения в изображение читаются (цветовая гамма, преимущественно теплые тона, характерные текстурные кисти, пропорции героев), поэтому да, стиль у вас есть.

Подобным образом реализуется **волюнтаривно-персуазивная функция**, направленная на воздействие и убеждение. Для обычного пользователя целью становится создание определенного образа в сети, однако эта функция играет более значительную роль при выходе в интернет с информационными или коммерческими целями. Например, таким образом презентует себя один из юристов на своей странице «ВКонтакте»:

Я — юрист с многолетним опытом, который не просто помогает решать юридические вопросы, а искренне заботится о каждом клиенте. Не просто решаю проблемы, а защищаю интересы и масштабирую компании. Для меня самое важное — это доверие и искреннее отношение к каждому клиенту.

Кроме того, Интернет выступает как инструмент приобретения знаний и как их накопитель (тезаурус), что реализует **когнитивную и мемориальную функции** языка. К когнитивной можно отнести множество групп и сообществ, направленных на публикацию интересных и познавательных фактов, к мемориальной — например, новостные каналы.

Культурообразующую функцию определяет «формирование новой информационной культуры, в которой языковое присутствие является концептуально основополагающим» [9, с. 75]. Так создаются новые тенденции, мемы, тренды, пополняется сленг.

Также, подобно языку, Интернет служит площадкой для раскрытия творческого потенциала виртуальной личности и удовлетворения её стремления к развлечениям. В этом процессе находит свое воплощение ещё одна важная функция языка — **эстетическая**. Пользователи могут намеренно нарушать нормы, чтобы текст звучал красиво или необычно, использовать различные художественные средства, остроумные обороты, смайлы, стикеры и даже особое оформление текста.

Особенно важны для понимания процессов в интернете языковые антиномии, выступающие внутренними стимулами развития.

Антиномия говорящего и слушающего: противоречие между стремлением «письменно-говорящего» к упрощению и сокращению высказывания и стремлением «письменно-слушающего» к облегчению его восприятия [9, с. 81]. Говорящий может публиковать минималистичный контент, рассчитывая на то, что аудитория сама додумает смысл или начнёт задавать вопросы в комментариях. Слушающий же ожидает развёрнутой информации, но получает лишь «крючок» для вовлечения в диалог. Например, такое объявление в одной из групп «ВКонтакте»: *«Продам стиральную машину, пишите»*.

Антиномия кода и текста: противоречие между набором языковых единиц (код) и их употреблением в связной речи (текст) приводит к увеличению кода за счет заимствований, когда иноязычное слово может быть переведено только словосочетанием. Однако сейчас наблюдается тенденция к минимизации данной антиномии за счет большего внедрения заимствований в Интернете, а позже и в живом общении («*кринж*», а не «*испанский стыд*» или «*рофл*» вместо «*удачная шутка*»).

Антиномия узуса и возможностей языка: возможности языка шире, чем принятое употребление. Норма языка предполагает строгие правила написания слов и расстановки знаков препинания, однако у пользователей распространено сознательное упрощение или игнорирование норм ради скорости и экспрессии (сообщение из диалога в Telegram: «*спс я тож ухожу*» вместо «*Спасибо, я тоже ухожу.*»).

Антиномия информационной и экспрессивной функций: противоречие между стремлением сетевой речи к стандартности и к новизне и оригинальности выражения. Стремление максимально точно передать информацию сталкивается с желанием ярко выразить чувства (новостная группа «ВКонтакте»: *За что мы платим, если во дворе убирают жильцы дома?! Если приходит дворник (раз в неделю), работать не работает, а деньги заплати и вовремя...*).

Антиномия устной и письменной речи: сближение устной и письменной форм, появление «письменно-устной» речи, где зависимость средств от формы снижается, а привязанность к теме и ситуации общения возрастает [9, с. 82] (комментарий из группы для

обсуждения кино: «*Че как фильмец?*» вместо «*Понравился ли вам фильм?*»). Сюда же можно отнести используется редукцию звуков, имитирующую разговорность: *Подруга сказала, что с водителем можно не разговаривать... И можно его даже не замечать... Чета разозлилась... Целый час уже злюсь...*

Интернет обостряет эти антиномии, актуализируя наиболее яркие процессы в языке: усиление личностного начала, стилистический динамизм и диалогичность общения.

Другим звеном в формировании языковых особенностей интернета выступают узконаправленные термины, заимствования и профессиональная лексика, стремительно проникающие в бытовой язык. Расширение интернета ведет к расширению тематического кругозора пользователей: локальная терминология становится доступной, а пользователи пополняют словарный запас удобными и емкими выражениями, зачастую заимствованными. Характерны:

1. Нарочитая фонетическая неграмотность («ваще», «канешна»), вульгаризирующая зрительный образ слова.

2. Активное словообразование на базе англоязычных основ (аффиксация, усечение: *комп, конфа*; словосложение: *веб-дизайн*); использование соответствующих префиксоидов для создания неологизмов [7, с. 281].

3. Англоязычные аббревиатуры (*LOL, IMHO*), переходящие в устную речь в статусе междометий.

Причем иностранная лексика в нынешнем Рунете становится не просто дополнением, а «сросшейся» с ним, неотъемлемой частью. Заимствованные слова и выражения, даже если они пришли из другого языка и сохраняют внешние признаки «чужого», со временем становятся частью русского языка и русской культуры. Иными словами, они перестают восприниматься как инородные и начинают жить по законам русского языка. Этот процесс «присвоения» иноязычных элементов можно отследить по конкретным фонетическим и орфоэпическим, семантическим, лексическим, словообразовательным, грамматическим, функционально-стилистическим признакам. Эти признаки Т. Б. Радбиль предлагает именовать **параметрами оценки степени культурной апроприации**, которые выделяются на разных уровнях системы языка и в разных сферах её функционирования:

1) на уровне лексико-семантическом — «идиоматичность» как наличие смысловых и эмоционально-оценочных приращений, в сравнении с языком-источником;

2) на уровне словообразовательном — вовлеченность в типично русские модели словообразования, в том числе экспрессивного;

3) на уровне грамматическом — грамматическая оформленность по законам русской морфологии (утрата несклоняемости, категоризация по роду, пассивизация, безличность и пр.).

4) на уровне коммуникативно-дискурсивном — актуализация какой-либо национально-культурной установки говорящих (эмпатия, чрезмерная гиперболизация, гипертрофия оценочности, ориентация на духовный идеал, ироническое «отстранение» карнавального типа и пр.) в различных речевых ситуациях; расширение изначально специализированной сферы употребления и перенос моделей употребления в другие сферы [1, с. 40].

Общую тенденцию к разговорности, аналитизму и экспрессивности отражает и **синтаксис** сетевой коммуникации. Основными чертами являются:

–**активизация разговорных конструкций** — предложения становятся короче, формальные синтаксические связи ослабевают, возрастает роль контекста и порядка слов (сообщение в чате Telegram: «*Не, я в пятницу занята, потом схожу*»);

–**расчлененность и сегментация** — такие конструкции имитируют разговорную непринужденность и сам процесс размышления (сообщение в чате Telegram: «*Да. Проблемы у меня. Вот пишу*»);

–**эллиптичность** — пропуск ожидаемых членов предложения, особенно в диалогах, где реплики подхватывают и продолжают друг друга (комментарий в группе по обработке

фотографий, «ВКонтакте»: *«Утречка. В стиле викинга, пожалуйста. Фильтры потемнее»*);

– **экспансия именительного падежа** — именительный падеж активно используется в заголовках, рубриках, рекламных баннерах для достижения лаконичности и броскости (заголовков объявления, «ВКонтакте»: *«Пассажирские перевозки. Ежедневно.»*);

– **контаминация** — смешение синтаксических структур, включение предикативных единиц в состав предложения, что имитирует «формирование мысли на ходу» (сообщения в чатах Telegram: *«Это было, ну, как сказать, неожиданно»*, *«Надо бы сходить. Хотя нет.»*) [5, с. 28-30].

Анализ состояния русского языка в пространстве интернета свидетельствует о развитии в нем новых тенденций, которые отмечаются на каждом уровне языковой системы:

– **графический уровень** отражает тенденцию к визуализации в языке интернета и тесно взаимодействует с орфографическим и пунктуационным уровнями, на которых прослеживаются изменения, связанные с использованием знаков мультимедиаальности как яркого экспрессивного приема. Смайлики, эмодзи и прочее активно включаются в традиционные пунктуационные знаки и становятся вспомогательными для выражения авторских эмоций и оценок;

– на **лексическом уровне** языка и тесно с ним связанном словообразовательном отмечается взрыв новизны: неологизмы, словообразовательные окказионализмы, пополнение лексической системы заимствованиями. Неология способствует развитию тематических групп, синонимических рядов, созданию новых антонимических пар и омонимов;

– **морфологический уровень** интернет-языка демонстрирует тенденцию к обыгрыванию различных просторечных форм и нарушений грамматических норм, пополнению класса междометий за счет заимствований из английского интернет-жаргона;

– **синтаксис** в интернет-коммуникации соотносится с синтаксисом разговорной речи, поскольку такая рамка задается условиями сетевого общения и её устно-письменным характером [4, с. 383].

Графический уровень современного интернет-языка усложняется. Он включает в себя знаки различных семиотических систем, а не только буквы. Развитие медиадизайна как целого направления позволяет говорить о важности графики не только для передачи смысла, но и для реализации прагматической функции (воздействие на адресата), эстетической (украшение текста) и креативной (языковая игра).

При этом именно графический уровень позволяет провести так называемую «компенсацию» невербального, «телесного» общения [10, с. 21]. Передача ярких эмоций текстом для обычного пользователя, очевидно, задача нелегкая, тем более что почти каждый человек сейчас стремится к максимальному упрощению высказывания в Интернете, с целью сэкономить силы и время. Поэтому «эмоциональный дефицит» компенсируется путем введения в виртуальную среду частично типизированных эмоциональных реакций — «смайликов» или «эмодзи». Появились и прочие способы выразить эмоции быстро и точно:

1. Акцент на наиболее эмоциональных или важных фрагментах высказывания с помощью выделения заглавными буквами (писать «капсом»). (Комментарий в новостной группе Telegram: *Ну и что прикажете делать? Ну конечно ходить и УПРАШИВАТЬ, кто ж мы такие*).

2. Повторение звуков, чтобы интонационно растянуть нужное слово. (Описание товара «ВКонтакте»: *В продажу поступил такой ну ооочень милый набор для вашего дома*).

Таким образом, ключевой формально-структурной характеристикой интернет-языка в аспекте плана выражения выступает его **мультимедийная природа**. Поскольку сетевая коммуникация лишена привычного паралингвистического сопровождения (жестов, мимики, интонации, тембра голоса), возникла объективная потребность в компенсаторных

механизмах. В ответ на этот вызов сетевое общение породило новые семиотические системы, призванные восполнить отсутствие невербальной информации. Наиболее заметными из них стали: *во-первых*, пиктограммы (эмодзи и смайлики) — стилизованные графические изображения эмоций, передающие улыбку, удивление, иронию или огорчение; *во-вторых*, аббревиатуры преимущественно англоязычного происхождения, которые функционируют как свернутые эмоциональные или оценочные междометия; *в-третьих*, графическое выделение заглавными буквами (так называемый КАПС), имитирующее повышение громкости или эмоциональный акцент в устной речи. Все перечисленные особенности накладывают специфический отпечаток на язык и стиль разговорных жанров интернета, где органично сочетаются:

- а) вербальные (словесные) средства;
- б) специальные графические знаки, замещающие невербальную коммуникацию;
- в) элементы как устной (спонтанность, эллиптичность, разговорные конструкции), так и письменной (фиксация, обдуманность, возможность редактирования) формы речи.

Так как в коммуникативной среде интернет взаимодействуют вербальный текст с визуальным или акустическим (мультимедийным) сопровождением, что служит известным средством преодоления линейности языка, что, в свою очередь усиливает его возможности по передаче сложного концептуально значимого содержания, экспрессии и перлокутивный (воздейственный) эффект. Это свойство «языка интернета» принято именовать *поликодовость*, а тексты, созданные посредством использования нескольких знаковых систем, называют поликодовыми, гибридными или креолизованными. Однако первичным, доминантным является все же вербальный текст. При этом вербальный текст тяготеет к предельной краткости и экономности, он не перенасыщен информативностью, в силу объективного недостатка времени для создания сообщения в режиме интерактивного общения.

Читатель, превратившись в пользователя Сети, обрел новые функции: теперь он может управлять порядком следования композиционных частей текста в пределах общей гипертекстовой структуры, передавать свою реакцию на прочитанное практически в реальном масштабе времени и т. д. Данные отличия письменной электронной коммуникации принято обозначать как *интерактивность*. [3, с. 29]

Синтаксический уровень также в полной мере отражает тенденции к разговорности, экспрессивности и креативности, проявляющиеся в сетевом общении.

Пародируются ошибки, связанные с неправильным управлением, и этим достигается ироническая стилизация под просторечие. Активно используются разговорные экспрессивные конструкции, такие, как нанизывание простых предложений, которые в сетевом общении «складываются» в сложное, но с редукцией союзов:

– *Нет, во вторник там всегда мало народу, я всю жизнь хожу в Инженерный корпус во вторник, раньше народ путался...*». Или:

«Съездила в издательство за книжкой — учебное пособие, авторы с двух лучших кафедр факультета — респект, коллеги...».

Частотна парцелляция как маркер разговорности:

«— Я в отпуске. По-настоящему. Во всех смыслах».

В интернет-общении доминирует диалог, поэтому диалогизация также является важнейшей синтаксической чертой в Рунете:

«— А что вы думаете по этому поводу?»

«— А как вы спасаетесь от жары?»

Напрашивается вывод, что рождение сетевого языка общения преследует такую цель, главной задачей которого есть придание тексту максимальной информативности, его максимальное сокращение и упрощение [6, с. 71].

Заключение. Таким образом, интернет представляет собой не просто технологическую платформу, а качественно новую среду функционирования русского языка, актуализирующую заложенные в нем потенции и порождающую новые формы его

существования. В отличие от традиционных каналов коммуникации, цифровая среда формирует особый тип речевой культуры.

В ходе исследования были решены поставленные задачи и сделаны следующие основные выводы:

1. Интернет как лингвофилософская реальность базируется на естественном языке, который становится главным инструментом создания виртуального пространства. Гипертекстовая природа сети отражает особенности нелинейного мышления и порождает новые формы текстuality. Важно подчеркнуть, что язык в интернете перестаёт быть только средством передачи информации — он выступает одновременно и средой обитания, и способом конструирования идентичности.

2. Русская виртуальная языковая личность сохраняет национально-культурную специфику, реализуя себя в условиях, где формула «личность = текст» становится определяющей. При этом цифровая среда не нивелирует, а, напротив, обнажает социальные, возрастные и профессиональные различия носителей языка (например, в стилистике написания сообщений), одновременно создавая возможности для языковой игры, самопрезентации и стилизации.

3. Традиционные функции языка в интернете не только сохраняются, но и обогащаются новыми оттенками. Они получают в сети специфическую реализацию, часто опосредованную визуальными, графическими и мультимедийными элементами (эмодзи, стикеры, особая пунктуация, латиница в кириллическом контексте). Внутренние законы развития языка действуют в сети с особой силой, обостряя языковые антиномии и стимулируя развитие «письменно-устной» формы речи.

4. Прагматический аспект интернет-коммуникации заслуживает отдельного внимания: пользователи не просто обмениваются информацией, но целенаправленно конструируют свой речевой образ, управляют восприятием аудитории, используют заимствования и окказионализмы как маркеры групповой принадлежности, языковой компетенции или, напротив, намеренной небрежности. Это свидетельствует о формировании особой — интернет-прагматики — русской речи, где успешность коммуникации часто зависит не от нормативной правильности, а от уместности, креативности и способности к языковой рефлексии.

Дополнительно выявлено, что графический, орфографический, лексический, морфологический и синтаксический уровни русского языка демонстрируют в интернете разнонаправленные, но системно связанные изменения. Среди наиболее устойчивых тенденций: визуализация речи (включение цифр, эмодзи, латиницы), намеренное нарушение орфографических и пунктуационных норм как стилистический приём, экспансия разговорных и эллиптических конструкций, активное неологическое словотворчество (в том числе на базе англицизмов), а также диалогизация как один из ведущих принцип синтаксической организации текста.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с необходимостью мониторинга динамики описанных процессов, особенно в контексте развития технологий искусственного интеллекта, нейросетевых моделей языка (включая генеративные), а также изменений речевого поведения новых поколений пользователей. Актуальным остаётся вопрос о границах допустимых нарушений языковой нормы в разных типах интернет-дискурса (от неформальных чатов до официальных аккаунтов организаций) и о возможных путях нормализации цифровой коммуникации без подавления её естественного развития.

Как итог, Интернет не разрушает русский язык, но существенно трансформирует условия его существования, актуализируя одни механизмы развития и временно ослабляя другие. Современный этап эволюции языка следует рассматривать не как эпоху падения речевой культуры, а как период активного адаптационного экспериментирования, результаты которого в долгосрочной перспективе приведут к обогащению и функциональной дифференциации русского литературного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Активные процессы в языке интернета: лингвокогнитивный и прагматический аспекты : коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Е. В. Маринова, Л. В. Рацибурская [и др.] ; под редакцией Л. В. Рацибурской. — Москва : Нестор-История, 2019. — 257 с.
2. Воборил Л. Русский язык — его развитие и функционирование — в коммуникационных условиях виртуального веб-пространства // ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II (XIX Оломоуцкие дни русистов). — Olomouc, 2008. — С. 23–37.
3. Дедова О.В. О языке интернета / О.В. Дедова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 2010. — № 3. — С. 25–37.
4. Иванова М. В. Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции развития / М. В. Иванова, Н. И. Клушина // Русистика. — 2021. — №4. — С. 367–382.
5. Лекант П.А. Современный русский язык: учебник для вузов / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков. — 5-е изд. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 493 с.
6. Масликова О.С. Языковые особенности общения в интернет-пространстве / О.С. Масликова // Инновационная наука. — 2019. — № 9. — С. 69–72.
7. Орехов Б.В. Суперминимум и нанодержава: префиксоиды в языке интернета / Б.В. Орехов // Современный русский язык в интернете. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — С. 281–290.
8. Розина И.Н. Педагогическая компьютерно-опосредованная коммуникация: теория и практика. — М.: Логос, 2005. — 437 с.
9. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: Монография. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: РУДН, 2009. — С. 39–132.
10. Тюленева В.Н. Язык интернета: характеристика, особенности и влияние на речь / В.Н. Тюленева, И.А. Шушарина // Курганский государственный университет. — Курган, 2018. — С. 20–25.

REFERENCES

1. Radbil, T. B., Marinova, E. V., Ratsiburskaya, L. V., et al. (2019). *Aktivnye protsessy v yazyke interneta: lingvokognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty* [Active processes in the language of the internet: Linguocognitive and pragmatic aspects]. Nestor-Istoriya. (In Russian).
2. Voboril, L. (2008). *Russkiy yazyk — ego razvitie i funktsionirovanie — v kommunikatsionnykh usloviyakh virtual'nogo veb-prostranstva* [The Russian language — its development and functioning — in the communicative conditions of virtual web space]. In *ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II (XIX Olomoucké dny rusistů)* (pp. 23–37). Olomouc. (In Russian).
3. Dedova, O. V. (2010). O yazyke interneta [About the language of the internet]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology], (3), 25–37. (In Russian).
4. Ivanova, M. V., & Klushina, N. I. (2021). *Russkiy yazyk v sovremennom internet-prostranstve: dinamicheskie protsessy i tendentsii razvitiya* [The Russian language in the modern internet space: Dynamic processes and development trends]. *Rusistika* [Russian Studies], (4), 367–382. (In Russian).
5. Lekant, P. A., Dibrova, E. I., Kasatkin, L. L., & Klobukov, E. V. (2025). *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language] (5th ed.). Izdatel'stvo Yurayt. (In Russian).
6. Maslikova, O. S. (2019). Yazykovye osobennosti obshcheniya v internet-prostranstve [Linguistic features of communication in the internet space]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative Science], (9), 69–72. (In Russian).
7. Orekhov, B. V. (2014). Superminimum i nanoderzhava: prefiksoidy v yazyke interneta [Superminimum and nanopower: Prefixoids in the language of the internet]. In *Sovremennyy russkiy yazyk v internete* [Modern Russian language on the internet] (pp. 281–290). Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).
8. Rozina, I. N. (2005). *Pedagogicheskaya komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: teoriya i praktika* [Pedagogical computer-mediated communication: Theory and practice]. Logos. (In Russian).
9. Trofimova, G. N. (2009). *Yazykovoy vkus internet-epokhi v Rossii. Funktsionirovanie russkogo yazyka v Internetе: kontseptual'no-sushchnostnye dominanty* [Linguistic taste of the internet era in Russia. Functioning of the Russian language on the internet: Conceptual and essential dominants] (2nd ed., pp. 39–132). RUDN. (In Russian).
10. Tyuleneva, V. N., & Shusharina, I. A. (2018). Yazyk interneta: kharakteristika, osobennosti i vliyanie na rech' [The language of the internet: Characteristics, features and influence on speech]. In *Kurganskiy gosudarstvennyy universitet* [Kurgan State University] (pp. 20–25). Kurgan. (In Russian).

Поступила в редакцию 13.05.2026 г.

LINGUISTIC ANTINOMIES AND POLYCODE AS KEY CHARACTERISTICS OF MODERN INTERNET COMMUNICATION (BASED ON THE MATERIAL OF SOCIAL NETWORKS AND MESSENGERS)

The article is devoted to the analysis of the functioning of the Russian language in the modern Internet environment as a qualitatively new communicative reality that forms a special type of speech culture. The relevance of the research is due to the active language changes caused by the digitalization of communication and the transformation of linguistic personality. Based on the material of messages from social networks (VKontakte, Telegram) for 2023-2026, the main trends are considered: the democratization of speech, the expansion of borrowings, jargonization, as well as the implementation of linguistic antinomies. Special attention is paid to the transformation of the linguistic personality according to the formula "personality = text". The methodology includes functional-stylistic and structural-semantic analysis. The results show that the Internet actualizes colloquial syntactic constructions, graphic creativity (emojis, digital codes) and the "written and oral" form of speech, which indicates not the destruction of language, but the period of its active adaptive experimentation in the digital environment.

Keywords: *Internet communication, Russian language, linguistic personality, linguistic antinomies, borrowings, syntax of network speech, digital environment.*

Федорова Арина Александровна.

Донецкий государственный университет, г. Донецк, Российская Федерация.

Студент 4 курса бакалавриата.

Направление подготовки 45.03.01 Филология, профиль «Русский язык и литература».

ORCID 0009-0009-8698-7099

E-mail: arinafedorova333@gmail.com

Fedorova Arina Alexandrovna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation.

A 4th year undergraduate student.

The field of study is 45.03.01 Philology, profile "Russian language and literature".

ORCID 0009-0009-8698-7099

E-mail: arinafedorova333@gmail.com

Гладкая Наталия Витальевна.

Донецкий государственный университет, г. Донецк, Российская Федерация.

Кандидат филологических наук.

Доцент кафедры русского языка.

2ORCID 0000-0003-3903-4438

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.

Donetsk State University,

Donetsk, Russian Federation.

Candidate of Philology.

Associate Professor of the Department of the Russian Language.

2ORCID 0000-0003-3903-4438

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Один из авторов статьи — ответственный секретарь журнала. Редакционные решения по рукописи принимались без участия ответственного секретаря (включая выбор рецензентов и редакционные решения). Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81'373.48
DOI: 10.5281/zenodo.22909964

Ц. Чжан © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
ORCID 0009-0001-4091-1082*

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЙ ДИАЛОГ В КОМИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-ЖАНРАХ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Проблема научного анализа: презентация фразеологизированного диалога как нового вида идиоматического синтаксического конструкта и определение его специфики. Основные методы исследования: описательный, методы контекстуального анализа, семантико-стилистический и сопоставительный. В результате было выявлено, что фразеологизированный диалог нельзя назвать новым видом фразеологизма из-за непоследовательности проявления признаков данных идиоматических единиц. Фразеологизированный диалог имеет синкретичную природу, что проявляется в его идиоматичности и синтаксичности; семантика его носит мерцательный характер, а имплицитная информация способствует развитию различных семантических процессов, отражающих сложные когнитивные процессы, предсказуемость которых базируется на основных компонентах фразеосхем. К идиоматичным характеристикам фразеологизированного диалога относятся воспроизводимость, компонентную и акцентологическую раздельнооформленность, вариативность, полную или частичную десемантизацию компонентов, эмоционально-экспрессивную выразительность, стилистическую окраску. Фразеологизированные диалоги влияют на чувства и эмоции собеседника, представляют отношение человека к ситуациям и другим людям; несут в себе скрытые смыслы. Основное содержание фразеологизированных диалогов сводится к негативной оценке ситуации и поступков человека, имплицитной оценке того, что не соответствует определенной норме; невозможности осуществления чего-либо.

Ключевые слова: *идиома, паремия, интернет-жанр, интернет-коммуникация, комизм, фразеологизированный диалог.*

Для цитирования: Чжан Ц. Фразеологизированный диалог в комических интернет-жанрах // Ц. Чжан // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 3. — С. 44–56. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.22909964>.

Введение. В современном русском языке под влиянием различных экстра- и интралингвальных процессов (приток заимствований, неологизация, жаргонизация, карнавализация, коллоквиализация и пр.) активизировалось появление фразеологических инноваций, одним из источников которых являются малые комические интернет-жанры. Ю. В. Щурина отмечает: «Специфика интернет-коммуникации определяется глобальностью масштабов и возможностью практически мгновенного свободного распространения любой информации. Это открытое пространство является почти идеальной средой для существования и развития смеховой стихии» [23, с. 219–220] и, добавим мы, быстрому распространению с дальнейшей идиоматизацией отдельных языковых единиц (о неофразеологизации см., например, комплексное исследование Н. Ф. Алефиренко [1], статью В. М. Мокиенко [9]).

Целью статьи является презентация фразеологизированного диалога как нового вида идиоматического синтаксического конструкта. Задачи: 1) выявить специфику процесса фразеологизации, 2) определить основные черты фразеологизированных диалогов в плане построения их фразеосхемы и возможности варьирования, 3) определить базовый набор смыслов, который используется коммуникантами в определенных коммуникативных ситуациях.

Материалы и методы исследования. Материал исследования черпался нами прежде всего на сайтах metepedia.ru, comicsbook.ru, bash.org.ru и др. В качестве основных методов исследования, помимо описательного, были задействованы методы контекстуального анализа, семантико-стилистический и сопоставительный.

Основная часть. Одной из последних работ, связанной с проблемами неофразеологии, стала кандидатская диссертация Е. В. Бодровой [2]. Лингвист определил специфику функционирования сверхсловных неоединиц; разработал типологию неофразем, описаны специфические признаки четырёх базовых типов; показал нелинейность процесса неофразеологизации, его потенциальную многовекторность, способствующую перемещению новой сверхсловной единицы в пределах некоторого ограниченного набора вариантов. Е. В. Бодрова показала зависимость смены статуса единицы от изменения её категориальных признаков, а также исследователь ввел в научный обиход такие термины, как *жизненный цикл неофраземы*, *вектор движения неофраземы*, *модель с нулевым вектором движения*; *фразеокреативы*, *фразеоальтернативы*, *фразеопопуляризмы*, *потенциальные фразеологизмы*. В ходе наших наблюдений мы отметили ещё одно синтаксическое явление, которое обладает идиоматичностью и включает в себе отдельные признаки фразеологических единиц, не относясь к ним, — фразеологизированный диалог. Этот вид синтаксической фразеологизации обладает рядом характерных признаков, одним из которых является наличие «фразеосхемы» [11, с. 107]. П. С. Дронова дает следующее определение термину *фразеосхема* — «это устойчивое, воспроизводимое и идиоматическое выражение со структурой словосочетания или предложения, которая содержит некую переменную, заполняемую в конкретном контексте, и которое построено по регулярной модели и в плане выражения, и в плане содержания» [6, с. 96]. Т. А. Тулина полагает, что для фразеосхем характерно минимальное предикативное построение, служащее экономному кодированию смысла [18, с. 150]. На наш взгляд, фразеосхема может быть расширена до диалогического единства, структура которого обладает стабильностью — полной или частичной. Д. Н. Шмелев писал об «... отдельных синтаксических конструкциях, имеющих фразеологический характер: в них отсутствует лексическая неподвижность, но им присуща стабильность в схеме построения» [2, с. 33], причем отмечается свободное варьирование лексического состава [21, с. 327-328]. Фразеологизированным диалогам присуща эта характеристика, что мы и покажем далее в ходе анализа.

С целью определения признаков, характерных для фразеологизированных диалогов, рассмотрим вначале понимание таких терминов, как *фразеологизм*, *паремия*, *идиома*. «Нет единства мнений относительно терминологической фиксации единиц, называемых в разных концепциях *идиомами*, *идиоматизмами*, *фразеологическими единицами*, *(собственно) фразеологизмами*, *фразеологическими оборотами*, *фразеолексемами*, *фраземами*, *фразеосочетаниями* и т. п.» [10, с. 680].

Понятия *идиома* и *идиоматичность* большинством ученых считается тесно связанными. В «... англо-американской традиции под идиомой понимается всякое образное выражение, обладающее национальным своеобразием (словосочетания, пословицы, поговорки, восклицания, некоторые клише и даже звукоподражательные слова)» [10, с. 681] (см. также: [24; 25; 26]). В европейской традиции, связанной с учением Ш. Балли и трудами российских ученых (А. А. Потебня, И. И. Срезневский, Ф. Ф. Фортунатов и др.), представлено узкое понятие *идиомы*. Л. А. Булаховский и А. А. Реформатский предлагали использование термина *идиома* в отношении всех устойчивых словосочетаний. Вслед за В. М. Савицким [14] и К. Н. Мочалиной [10] мы берем за основу критерий идиоматичности, который присущ как ряду фразовых, так и ряду лексических образований. Таким образом, *идиома* становится понятием более широким, чем понятие *фразеологическая единица* [10, с. 684] (как известно, в широком смысле к фразеологизмам относят фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения).

Понятие *паремия* тоже неоднозначно. М. А. Черкасский определяет паремию как «минимальную единицу надязыкового семиотического яруса, обладающую свойствами клишированности, афористичности и сентенциозности» [19, с. 36]. Согласно определению, данному Г. Г. Матвеевой и М. А. Серегиной, «паремии — это одна из подсистем языка синтаксического уровня, представленная в виде полного или незаконченного предложения, обладающего лаконичностью и ритмичностью. Для них характерны устойчивость в языке и воспроизводимость в речи, частичное или полное переосмысление, а также семантическая многозначность. Они общеизвестны, широко используются народом, употребляются в дидактических целях, являются единицами осознанного выбора в зависимости от речевой ситуации, что делает их прагматически многозначными. К ним относятся пословицы, поговорки и пословично-поговорочные комплексы» [15, с. 157]. Г. Л. Пермиков, кроме всего вышеперечисленного, также относил к паремиям сказки, басни, анекдоты. Как пишет Л. Б. Савенкова, «само понятие отношений предполагает наличие по крайней мере двух сущностей, между которыми возникают, существуют, меняются или прекращаются взаимосвязи, поэтому отмечающее их сознание может сосредоточиваться на различных ракурсах их наблюдения и оценки. Возможность возникновения нетождественных позиций анализирующих и оценивающих субъектов речи (например, наблюдателя или участника) закономерно обуславливает собой способность паремийного знака корректировать семантику как в денотативном, так и в прагматическом плане. В этом смысле паремия выступает как мерцательный знак. Эта мерцательность может быть двух типов, каждый из которых по-разному отражается в формальном плане... Первый тип мерцательности можно охарактеризовать как имплицитированный. Он обусловлен, с одной стороны, иерархическим характером семантической структуры, в принципе обнаруживаемой у любой языковой единицы и делающей возможными процессы расширения или сужения значения, с другой же — отсутствием одно-однозначных отношений между единицами логики и языка, позволяющим по-разному «достраивать» модели отношений тогда, когда лингвистически они не выражены в явной форме. Эти две разновидности мерцательности паремийного знака объединяет в один тип именно проявленность её при сохранении константной формы» [13, с. 280-281]. Исходя из сказанного, мы предположили, что фразеологизированный диалог тоже обладает мерцательной семантикой, так как его прочтение базируется на пресуппозиции, позволяющей идти процессам сужения или расширения семантики лексем, входящих в эту синтаксическую конструкцию; невербализованные смыслы провоцируют вариативность прочтения и/или употребления фразеологизированного диалога в зависимости от ситуации и интенции продуцента речи.

Поскольку фразеологизированный диалог относится к синтаксическим построениям, некоторые признаки роднят его с предложениями фразеологизированной структуры (ФС). К последним относятся «нестандартные предикативные синтаксические структуры, построение и семантика которых не подчиняются регулярным синтаксическим связям и действующим в языке закономерностям. Компоненты в них связаны идиоматически, а прямые лексические и грамматические значения компонентов, создающих структуру, утрачены или крайне ослаблены. Специфика ФС и их важная роль в речевом общении обусловлены их когнитивным характером: в них наиболее сложно, специфически, своеобразно реализуется механизм, связывающий мысли, т. е. мыслительные, ментальные репрезентации с формами выражения» [3, с. 387]. Во фразеологизированных диалогах предикативные синтаксические структуры стандартны, но экспликация когнитивных операций специфична. Сближает предложения фразеологизированной структуры с фразеологизированным диалогом следующее: «Предложения ФС не сообщают о каком-либо положении дел реальной действительности, не передают сообщение как таковое; они предназначены для выполнения фатической функции в коммуникативном процессе. Эта функция реализуется в ФС как выражение субъективной модальности, т. е. они выражают отношение говорящего к содержанию сообщения. Они используются

в первую очередь для того, чтобы говорящий мог адекватно участвовать в общении, чтобы мог выразить отношение к содержанию информации, ситуации реальной действительности в виде рациональной и эмоциональной реакции на сообщаемое» [3, с. 387]. Так же, как и фразеологизированный диалог, предложение фразеологизированной структуры «... манифестирует сложную ситуацию, представляющую собой цепочку смысловых фрагментов, в которой ФС является одним из звеньев, причем связующим, организующим» [3, с. 387].

Как мы уже говорили выше, фразеологизированный диалог представлен в малых комических интернет-жанрах, по нашим наблюдениям, чаще в веб-комиксах и мемах. Определимся в этих базовых понятиях.

Интернет-жанры (*виртуальные жанры, электронные жанры, сетевые жанры*), возникшие в большом количестве в виртуальной коммуникативной среде, стали источниками различных фразеологизированных образований. Они представляют собой не только текст, часто в них присутствует иконическая часть, что дает право относить их к креолизированным текстам. Их фактура «... состоит из двух негомогенных частей (вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык» [17, с. 180-181]. Именно благодаря наличию невербальной составляющей такие тексты наиболее полно передают чувства, эмоции, интонации голоса и многие другие смыслы, которые также могут проявляться и скрытом (имплицитном, который нужно дешифровать) и в открытом виде. Очень часто такие тексты имеют развлекательно-юмористический характер. Таким образом, в интернет-дискурсе можно выделить группу комических жанров, которые обладают своими языковыми и визуальными особенностями (о специфике виртуального дискурса см. работы Е. И. Горошко [5] О. В. Лутовиновой [8]).

Веб-комикс (web-комикс) представляет собой серию рисунков (численностью обычно от четырех до шести) с краткими текстами (филактерами, «словесными пузырями», «текстовыми облаками» — с их помощью передается речь персонажа), которые образуют связное повествование. Благодаря взаимодействию вербальных и невербальных компонентов, комикс сочетает в себе высокий объем информации, который рассчитан на максимальную простоту восприятия. К вербальному компоненту можно отнести речь персонажа комикса или речь автора. К невербальным компонентам относится графика комикса, т. е. определенная последовательность рисунков с характерной рамкой или изображения, выполненные в конкретной цветовой гамме [4, с. 97].

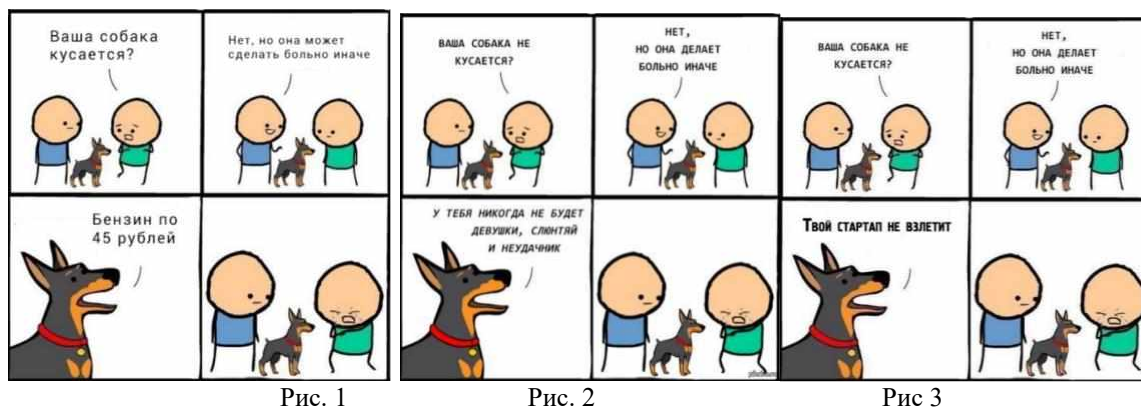
Мемы — это вербальные, невербальные и гибридные образования, обладающие высокой воспроизводимостью и большой скоростью распространения в Интернете, они могут передавать и хранить культурную информацию. По мнению Ю.В. Щуриной, «мемы постоянно обновляются, смешиваются, мутируют, формируя все более сложный и специфичный вербально-визуальный язык интернет-сообществ» [22, с. 87]. Как считает В.В. Красных, мемы являются разновидностями прецедентных явлений, т. е. регулярно воспроизводимых, хорошо известных всем представителям культурно-языкового коллектива [7, с. 52], и, как мы понимаем, прецедентность является одним из основных факторов процесса фразеологизации (об этом мы писали подробно, см.: [20, с. 63-64]).

Рассмотрим комикс из серии «Цианид и счастье», который стал распространителем следующего фразеологизированного диалога:

– *Ваша собака кусается?*

– *Нет, она делает больно иначе.*

Завершением диалога в веб-комиксе как реакция на последнюю реплику в иронической форме пишутся фразы, которые могут ранить собеседника, доставив ему душевную боль, которая сильнее укуса собаки: экономические проблемы (рост цен на товары) (Рис. 1), проблемы в личной жизни (Рис. 2) или бизнесе (Рис. 3).

Таким образом, во фразеосхеме фразеологизированного диалога есть три компонента: два постоянных (реплики двух людей) и один переменный (реплика собаки). Первый компонент представляет собой вопросительное предложение, в котором отражается настороженность адресанта, второй — отрицательный ответ с перспективной подачей возможных негативных последствий и интенцией предостережения. Переменный компонент презентует различные негативные ситуации, которые происходят в окружающем мире или в касаются непосредственно жизни собеседника.

В следующем фразеологизированном диалоге есть три постоянных компонента (правда, вариативность их состава в дальнейшем не стала затрагивать смысл этих высказываний):

Как видим, отмечается как постоянный семантический компонент игра на многозначности лексемы *поддерживать* (от *поддержать* — ‘оказать помощь, содействие в чем-либо, помочь’ [16, т. 3, с. 184]) и его субстантивного деривата *поддержка* (*поддерживать* от *поддержать* — ‘выразить свое согласие с чем-либо, выступить в защиту кого-, чего-либо’ [16, т. 3, с. 184]) (Рис. 4 и Рис. 5). Таким образом, фразеосхема включает обычно четыре компонента, из которых первый, третий и четвертый постоянные и связаны с разными значениями глагола, которые в первом случае через отглагольное существительное согласуются с концептом помощи, во четвертом — с концептом одобрения. Второй компонент, часто варьируемый, представляет ответ-подтверждение, который может дополняться вопросительной репликой-уточнением *Что произошло?* Переменные компоненты обычно показывают несерьезные ситуации, которые не требуют вмешательства службы экстренной психологической помощи. Так, игра на важном и посредственном создает комический эффект.

Похожая игра смыслов наблюдается в приведенных ниже диалогах. Но в этих коммуникативных ситуациях может быть игра не только на многозначности (Рис. 6: *сварищик* — ‘рабочий, занимающийся сваркой чего-либо’ [16, т. 4, с. 38] от *сварить* — ‘произвести сварку чего-либо, соединить путем сварки’ [16, т. 4, с. 38] и *сварить* от *варить*

— ‘приготавливать пищу, питье кипячением’ [16, т. 1, с. 138]), а также на морфологической категории одушевленности/неодушевленности (Рис. 7) и активизации прагматического компонента (Рис. 8: *отдохнуть* — ‘провести некоторое время в отдыхе, восстановить свои силы отдыхом’ [16, т. 2, с. 676] и *отдохнуть* — близкое к значениям ‘быть не у дел, быть отстраненным от чего-л., не участвовать в чем-л.’ и ‘уйди, будь свободен’ [27])).

- Алло, это сварщики ??
- Да...
- Сварите мне пожрать....

Рис. 6

Рис. 8

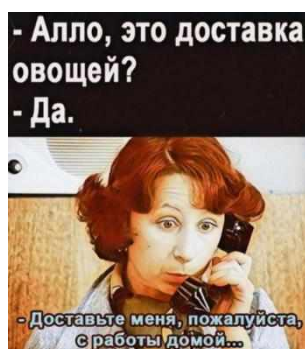

Рис. 7

Фразеосхема представленных выше фразеологизированных диалогов включает три компонента, первый и второй — постоянные и представляют собой вопросительные предложения с опорным компонентом-стимулом, на котором далее строится языковая игра, а второй — утвердительный ответ либо уточняющий вопрос-переспрос. Переключатель языковой игры находится в третьем варьируемом компоненте, который связан непосредственно с первой репликой различными семантическими и/или прагматическими связями.

Еще одним фразеологизированным диалогом, получившим наибольшую популярность во время пандемии, стал отраженный в мемах про Наташу. Постоянными компонентами фразеосхемы являются начальные реплики *Наташ, вставай!* или *Наташ, ты спишь?*, а также идущая далее в диалоге и не имеющая фиксированной позиции фраза *Мы (там) всё уронили* (Рис. 9). Первые два компонента представляют собой восклицательное или вопросительное предложение с императивной семантикой побуждения к действию, они получили варьирование в различных мемах. Последний компонент превратился в факультативный, однако имплицитно этот смысл, нам представляется, присутствует, поскольку речь во всех мемах идет о каких-то негативных ситуациях и их последствиях. Другие реплики, появляющиеся в производных мемах, непостоянны, но всегда в содержательном плане отражают тот или иной фрагмент реальной действительности, иногда с включением интертекстуальных элементов (например, аллюзий: см. Рис. 13, Рис. 14).

Помимо бытовых и экономических тем, фиксировались в меме особенности жизни в условиях пандемии (Рис. 10), различные события в стране и в мире (Рис. 11); тема религиозных праздников (Рис. 12) и празднования дня рождения А.С. Пушкина (Рис. 13).

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Мемы про Наташу стали настолько распространены в Интернете, что это породило иронию со стороны пользователей, создавших следующий текст, в котором известная фраза *Наташ, вставай!* преобразовалась в антитезу — *Наташ, ляг обратно* (Рис. 14), а также появилась пародия на сам мем (Рис. 15).

Рис. 14

Рис. 15

Помимо приведенных выше фразеологизированных диалогов, можно выделить ещё один вид этой идиоматичной синтаксической единицы — потенциальный фразеологизированный диалог, особенностью которого является наличие нулевых компонентов. К таким конструктам можно отнести мем, включающий фразу Уиллема Дефо из фильма «Человек-паук» *Знаете, я и сам своего рода учёный*. В комическом интернет-жанре эта ироничная фраза служит комментарием сомнительных достижений/антидостижений, что подчёркивается в ней употребленным фразеологизмом *своего рода* — ‘в известной степени, с какой-л. точки зрения’ [16, т. 3, с. 723]). Последнее слово *учёный* может заменяться другими лексемами (*врач, инженер, физик, поэт, шеф-повар* и т. д.) согласно ситуации (см., например, Рис. 17, Рис. 18, Рис. 19), в которой употребляется эта реплика. Таким образом, реплика *Знаете, я и сам своего рода...* входит в диалог (Рис. 16 и Рис. 17), начальная часть которого остается «за кадром», то есть является нулевым компонентом.

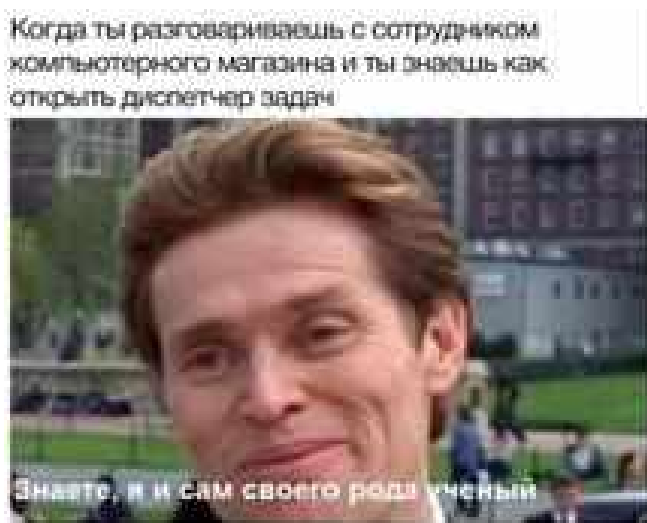

Рис. 16 Рис. 17

Когда ты добавил соль и перец в свою лапшу быстрого приготовления

Рис. 18 Рис. 19

Нулевой компонент присутствует в меме *Я тебе какое плохое зло сделал* (Рис. 20), эта фраза является ответом на негативную первую реплику, остающуюся «за кадром», сопровождаемую иногда агрессивными действиями адресанта, что вызывает определенную реакцию адресата. В его ответе присутствует эрратив *сделал* и плеоназм *плохое зло*, маркирующие негативные эмоции говорящего. Во фразеосхеме, таким образом, эксплицирован постоянный компонент — рогатив, однако по смыслу в нем заключается императив-мольба: «Оставьте меня в покое, прошу вас, не обижайте меня!» как ответная реакция на угрозы или агрессивные требования собеседника (Рис. 21).

Рис. 20 Рис. 21

Заключение. Итак, мы представили новый вид синтаксических идиом, функционирующих в комических интернет-жанрах — фразеологизированный диалог. Благодаря высокой популяризации в Интернете, в диалогических построениях стал происходить процесс фразеологизации, однако отнести данные синтаксические конструкты к отдельным видам фразеологизмов нельзя, поскольку признаки последних в них проявляются не все.

Фразеологизированный диалог имеет синкретичную природу: его характеризует идиоматичность и синтаксичность; в его состав входят постоянные (части фразеосхемы) и переменные компоненты. Фразеосхема обычно представляет вопрос-ответную конструкцию, таким образом, к её постоянными компонентами будут относиться начальное вопросительное (иногда восклицательное) предложение от адресанта с семантикой побуждения или уточнения, второй или иной по счету компонент — утвердительный или отрицательный ответ на поставленный собеседником вопрос или продолжение рассуждения адресанта.

Семантика фразеологизированного диалога носит мерцательный характер с определенным набором коннотативных сем (оценочных, прагматических), а невербализованные смыслы провоцируют вариативность его прочтения и/или употребления в зависимости от коммуникативной ситуации и интенции

говорящего/пишущего; к характеристикам названной синтаксической идиомы можно также отнести воспроизводимость в речи, компонентную (сверхсловность) и акцентологическую раздельнооформленность, вариативность, полную или частичную десемантизацию компонентов, эмоционально-экспрессивную выразительность, стилистическую окраску; несмотря на стандартность синтаксических структур, экспликация когнитивных операций специфична. Если брать во внимание прагматические составляющие фразеологических единиц, выделенные М.М. Рыжковой, то можно отметить, что фразеологизированный диалог обладает такими признаками, как изменение эмоционального состояния адресата; включает авторскую оценку, отражает отношение автора к действительности; содержит косвенные смыслы (коннотативные значения) [12, с. 7].

Нами выделен особый тип фразеологизированного диалога, который можно назвать потенциальным, поскольку он содержит нулевой компонент — первую реплику первого собеседника, остающуюся «за кадром», но побуждающую второго собеседника на ответ, вербализированный в тексте мема.

Базовый набор смыслов, который используется коммуникантами в определенных коммуникативных ситуациях, можно свести к следующему: негативная оценка ситуации и поступков другого человека; имплицитная оценка того, что не соответствует определенной норме; невозможность осуществления чего-либо; редкая констатация во фразеологизированных диалогах положительной оценки и принятия какой-либо ситуации или какого-либо человека.

Перспективой исследования станет сопоставительный анализ фразеологизированных диалогов, формирующихся не только в комических интернет-жанрах, но и дискурсообразующих (чат, форум) и дискурсообращённых (сетевой флирт, виртуальный роман), что, предположительно, поможет установить более полный набор фразеосхем, а также тематическую отнесенность и языковые средства, формирующие названный выше вид синтаксических неоидиом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н.Ф. Алефиренко. — М.: ЭЛПИС 2008. — 270 с.
2. Бодрова, Е. В. Неологизация русской фразеологии в современном цифровом пространстве: дис. ... кандидата филол. наук / Е.В. Бодрова. — Магнитогорск, 2026. — 280 с.
3. Величко, А. В. Синтаксические фразеологизмы в языковой картине мира / А.В. Величко // Сборник научных трудов по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26-27 марта 2019 года) / Н.Ф. Алефиренко, Е.Г. Озерова, К.К. Стебунова и др. — Белгород : ООО «Эпицентр», 2019. — 464 с. — С. 386-390.
4. Гладкая, Н. В. Комические речевые жанры в интернет-дискурсе: дис. ... кандидата филол. наук / Н.В. Гладкая. — Донецк, 2018. — 211 с.
5. Горошко, Е. И. К уточнению понятия «Компьютерно-опосредованная коммуникация»: проблемы терминоведения / Е.И. Горошко // Образовательные технологии и общество. Казань, 2009. Т. 12. № 2. — С. 445-454.
6. Дронов, П.С. Фразеосхема: между пословицей, идиомой и коллокацией / П.С. Дронов // Сб. науч. ст. к 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко «Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем». — Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. — С. 94 — 97.
7. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В.В. Красных. — М.: Изд-во АО "Диалог-МГУ", 1998. — 350 с.
8. Лутовинова, О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: дисс. ... д-ра филол. наук / О.В. Лутовинова. — Волгоград, 2009. — 519 с.
9. Мокиенко, В. М. Жизнь русской фразеологии в современной речи / В.М. Мокиенко // Вестник КемГУ. — 2012. — № 4 (52). — Т. 4. — С. 59-62.
10. Мочалина, К. М. К определению понятия «идиома» в отечественной и зарубежной лингвистике / К.М. Мочалина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — Т. 13, №2(3). — 2011. — С. 680-685.
11. Ройзензон, Л.И. Фразеологизация как лингвистическое явление / Л.И. Ройзензон // Труды Самарк. ун-та. Нов. сер. — Вып. 113. — Самарканд: Самаркандский государственный университет, 1961. — С. 101 — 117.
12. Рыжкова, М. М. Передача прагматической составляющей образных фразеологических единиц в публицистическом тексте: автореф. дис. ... кандидата филол. наук / М.М. Рыжкова. — Тюмень, 2008. — 21 с.

13. Савенкова, Л. Б. Мерцательный характер семантики как отражение прагматики пословичного знака / Л.Б. Савенкова // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры : сборник научных трудов по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26-27 марта 2019 года) / Н.Ф. Алефиренко, Е.Г. Озерова, К.К. Стебунова и др. — Белгород: ООО «Эпицентр», 2019. — 464 с. — С. 280-289.
14. Савицкий, В. М. Теория идиоматики как отрасли лингвистики / В.М. Савицкий // Вестник ПГСГА. Факультет иностранных языков. — Вып.10. — Самара, 2010. — С.169 — 175.
15. Серегина, М. А. Синтагматические связи немецких паремий с контекстом / М.А. Серегина // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. — 2014. — № 1. — С. 153–158.
16. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981 — 1984.
17. Сонин, А. Г. Комикс: психолингвистический анализ / А.Г. Сонин. — Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1999. — 110 с.
18. Тулина, Т. А. Образование и структурно-семантические свойства фразеосхем русского языка / Т.А. Тулина // Проблемы русской фразеологии: респ. сб. — Тула: ТулГПИ, 1976. — С. 127.
19. Черкасский, М. А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) / М.А. Черкасский // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст). — М.: Наука, 1978. — 320 с.
20. Чжан, Ц. Процесс фразеологизации в малых комических интернет-жанрах с анималистическим компонентом *собака* / Ц. Чжан // Наука и мир в языковом пространстве: сб.науч. трудов X Международной научной конференции (20 ноября 2024 г.). — Магеевка, 2024. — 123 с. — С. 62-70.
21. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык: учеб. пособ. для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит-ра» / Д.Н. Шмелев. — Москва: Просвещение, 1977. — 335 с.
22. Щурина, Ю. В. Интернет-мемы: проблема типологии / Ю.В. Щурина // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2014. — № 6 (59). — С. 85-89.
23. Щурина, Ю. В. Комические речевые жанры в интернет-коммуникации (а материале сайта bash.org.ru) / Ю.В. Щурина // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. — Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. — 232 с. — 219–228.
24. Cruse, D. A. Lexical Semantics / D. A. Cruse. — Cambridge: Cambridge university press, 1997. — 310 p.
25. Malmkjaer, K. The linguistics encyclopedia / K. Malmkjaer. — New York: Routledge, 1996. — 575 p.
26. Singleton, D. Language and the lexicon: an introduction / D. Singleton. — New York: Cambridge University Press Inc., 2000. — 259 p.
27. https://russian_argo.academic.ru/8227/отдыхать?ysclid=mtrhk4uyyx604741651

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F. (2008) Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms]. Moscow: ELPIS, 2008. 270 s. (In Russian)
2. Bodrova, E. V. (2026) Neologizatsiya russkoj frazeologii v sovremennoy tsifrovom prostranstve: dis. ... kandidata filol. nauk [Neologization of Russian phraseology in the modern digital space]. Magnitogorsk, 2026. 280 s. (In Russian)
3. Velichko, A. V. (2019) Sintaksicheskie frazeologizmy v yazykovoy kartine mira [Syntactic phraseological units in the linguistic worldview] // Sbornik nauchnykh trudov po itogam 4-j Mezhdunar. nauch. konf. po kognitivnoj frazeologii (g. Belgorod, 26-27 marta 2019 goda) / N.F. Alefirenko, E.G. Ozerova, K.K. Stebunova i dr. — Belgorod : ООО «Epitsentr», 2019. 464 s. S. 386-390. (In Russian)
4. Gladkaya, N. V. (2018) Komicheskie rechevye zhanry v internet-diskurse: dis. ... kandidata filol. nauk [Comic speech genres in online discourse]. Donetsk, 2018. — 11 s. (In Russian)
5. Goroshko, E. I. K utochneniyu ponyatiya «Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya»: problemy terminovedeniya [Clarifying the concept of “computer-mediated communication”: problems in terminology studies] // Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo. Kazan', 2009. T. 12. № 2. S. 445-454. (In Russian)
6. Dronov, P.S. (2020) Frazeoskhema: mezhdru poslovicej, idiomoy i kollokatsiej [Phraseological scheme: between a proverb, an idiom, and a collocation.] // Sb. nauch. st. k 80-letiyu so dnya rozhdeniya professora V. M. Mokienko «Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya: tradicionnye i novatorskie resheniya problem». — Gomel': GGU im. F. Skoriny, 2020. S. 94-97.
7. Krasnykh, V. V. (1998) Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya) [Virtual reality or real virtuality? (Human. Conscience. Communication)]. Moscow: Izd-vo AO "Dialog-MGU", 1998. 350 s. (In Russian)
8. Lutovinova, O. V. (2009) Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa: diss. ... d-ra filol. nauk [Linguoculturological characteristics of virtual discourse]. Volgograd, 2009. 519 s. (In Russian)
9. Mokienko, V. M. (2012) Zhizn' russkoj frazeologii v sovremennoj rechi [The life of Russian phraseology in modern speech] // Vestnik KemGU. 2012. № 4 (52). T. 4. S. 59-62. (In Russian)

10. Mochalina, K. M. (2011) K opredeleniyu ponyatiya «idioma» v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike [On the definition of the concept of “idiom” in Russian and foreign linguistics] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk. T. 13, №2(3). 2011. S. 680-685. (In Russian)
11. Rojzenzon, L.I. (1961) Frazeologizatsiya kak lingvisticheskoe yavlenie [Phraseologization as a linguistic phenomenon] // Trudy Samark. un-ta. Nov. ser. Vyp.113. Samarkand: Samarkandskij gosudarstvennyj universitet, 1961. S. 101–117. (In Russian)
12. Ryzhkova, M. M. (2008) Peredacha pragmaticeskoy sostavlyayushchej obraznykh frazeologicheskikh edinit v publitsisticheskom tekste: avtoref. dis. ... kandidata filol. nauk [The pragmatic component of figurative phraseological units in journalistic text]. Tyumen', 2008. 21 s. (In Russian)
13. Savenkova, L. B. (2019) Mertsatel'nyj kharakter semantiki kak otrazhenie pragmatiki poslovichnogo znaka [The flickering nature of semantics as a reflection of the pragmatics of the proverbial sign] // Frazeologiya v yazykovoj kartine mira: kognitivno-pragmaticheskie registry: sbornik nauchnykh trudov po itogam 4-j Mezhdunar. nauch. konf. po kognitivnoj frazeologii (g. Belgorod, 26-27 marta 2019 goda) / N.F. Alefirenko, E.G. Ozerova, K.K. Stebunova i dr. Belgorod: OOO «Epitsentr», 2019. 464 s. S. 280-289. (In Russian)
14. Savitskij, V. M. (2010) Teoriya idiomatiki kak otrasli lingvistikij [The theory of idiomatics as a branch of linguistics] // Vestnik PGSGA. Fakul'tet inostrannykh yazykov. Vyp.10. Samara, 2010. S.169 — 175. (In Russian)
15. Seregina, M.A. Sintagmaticheskie svyazi nemetskikh paremij s kontekstom [Syntagmatic connections of German paremias with the context] // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 1. S. 153–158.
16. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes] / pod red. A.P. Evgen'evoy. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Russkij yazyk, 1981 — 1984. (In Russian)
17. Sonin, A. G. (1999) Komiks: psikholingvisticheskij analiz [Comic: Psycholinguistic Analysis]. Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo gosuniversiteta, 1999. 110 s. (In Russian)
18. Tulina, T. A. (1976) Obrazovanie i strukturno-semanticheskie svoystva frazeoskhem russkogo yazyka [The formation and structural-semantic properties of phraseological schemes in the Russian language.] // Problemy russkoj frazeologii: resp. sb. Tula: TulGPI, 1976. S. 127. (In Russian)
19. Cherkasskij, M. A. (1978) Opyt postroeniya funktsional'noj modeli odnoj chastnoj semioticheskoy sistemy (poslovitsy i aforizmy) [The experience of constructing a functional model of one particular semiotic system (proverbs and aphorisms)] // Paremiologicheskij sbornik. Poslovitsa. Zagadka (strukтура, smysl, tekst). Moscow: Nauka, 1978. 320 s. (In Russian)
20. Chzhan, Ts. (2024) Protsess frazeologizatsii v mal'kikh komicheskikh internet-zhanrakh s animalisticheskim komponentom sobaka [The process of phraseologization in small comic Internet genres with an animalistic component dog] // Nauka i mir v yazykovom prostranstve: sb.nauch. trudov X Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (20 noyabrya 2024 g.). Makeevka, 2024. 123 s. S. 62-70. (In Russian)
21. Shmelev, D.N. Sovremennyy russkij yazyk: ucheb. posob. dlya ped. in-tov po spec. «Rus. yaz. i lit-ra» [Modern Russian language: textbook. the manual. for pedagogical in-tov on spec. "Russian language and literature"]. Moscow: Prosveshchenie, 1977. 335 s. (In Russian)
22. Shchurina, Yu. V. (2014) Internet-memy: problema tipologii [Internet memes: the problem of typology] // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 6 (59). — S. 85-89. (In Russian)
23. Shchurina, Yu. V. (2011) Komicheskije rechevye zhanry v internet-kommunikatsii (a materiale sajta bash.org.ru) [Comic speech genres in online communication (based on the material from the bash.org.ru website)] // Rechevoe obshchenie: spetsializirovannyj vestnik / pod red. A.P. Skovorodnikova. — Vyp. 13 (21): Kategoriya komicheskogo v aspekte teorii i praktiki rechevogo vozdejstviya. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2011. — 232 s. S. 219–228. (In Russian)
24. Cruse, D. A. Lexical Semantics. Cambridge: Cambridge university press, 1997. 310 p.
25. Malmkjaer, K. The linguistics encyclopediar. New York: Routledge, 1996. 575 p.
26. Singleton, D. Language and the lexicon: an introduction. New York: Cambridge University Press Inc., 2000. 259 p.
27. https://russian_argo.academic.ru/8227/отдыхать?ysclid=mrhk4uypx604741651

Поступила в редакцию 09.09.2026 г.

Z. Zhang

PHRASEOLOGICAL DIALOGUE IN COMIC INTERNET GENRES

The problem of scientific analysis: presenting a phraseologized dialogue as a new type of idiomatic syntactic construct and defining its specific features. The main research methods are descriptive, contextual analysis methods, semantic-stylistic, and comparative. As a result, it was revealed that a phraseologized dialogue cannot be called a new type of phraseology due to the inconsistency in the manifestation of the characteristics of these idiomatic units. The phraseologized dialogue has a syncretic nature, which is manifested in its idiomaticity and syntactic structure; its semantics are of a flickering nature, and the implicit information contributes to the development of various semantic processes that reflect complex cognitive processes, the predictability of which is based on the basic components of phraseological schemes. The idiomatic characteristics of a phraseologized dialogue include reproducibility, component and accentological

distinctness, variability, complete or partial desemantization of components, emotional and expressive expressiveness, and stylistic coloring. Phraseologized dialogues can alter the emotional state of the addressee; they include the author's assessment, reflect the author's attitude towards reality, and contain indirect meanings. The main content of phraseologized dialogues boils down to a negative assessment of the situation and a person's actions, an implicit assessment of what does not conform to a certain norm, and the impossibility of achieving something.

Key words: *idiom, paremia, internet genre, internet communication, comedy, phraseologized dialogue.*

Чжан Цзысин.

Волгоградский государственный
социально-педагогический университет.
Аспирант 3 курса кафедры русского языка и
методики его преподавания.
ORCID 0009-0001-4091-1082.
e-mail: 1321033736@qq.com.

Zhang Zixing.

Volgograd State Socio-Pedagogical University.
Third-year postgraduate student of department of the
Russian Language and its teaching methods.
ORCID 0009-0001-4091-1082.
e-mail: 1321033736@qq.com.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 811.161.1'276.1'373.4
DOI: 10.5281/zenodo.22910129

Е. Ю. Сорочинская © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
ORCID 0009-0006-1072-2498*

РОЛЬ ГИПЕРБОЛЫ И СРЕДСТВ ПРЕУМЕНЬШЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ ИНТЕРНЕТ-ТРАНСЛЯЦИЙ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена изучению гиперболы и средств преуменьшения (мейозиса, диминутивности, смягчения) как тропов и прагматических средств, формирующих коммуникативную тональность в интернет-трансляциях (стримах). Актуальность исследования обусловлена необходимостью описания языковых средств, используемых в новом речевом жанре цифрового дискурса. В процессе анализа языкового материала, собранного во время просмотра стримов на платформе Twitch (общей длительностью более 100 часов), выявлены и систематизированы случаи употребления гиперболы и средств преуменьшения, установлены их функции в интерактивном взаимодействии стримера и аудитории. Гипербола в исследуемом материале преимущественно реализуется как средство эмоциональной оценки, иронии и самопрезентации; собственно литота не зафиксирована, а смежные явления — мейозис, диминутивность, смягчение — встречаются эпизодически и выполняют функцию смягчения и создания комического контраста. Сделан вывод о том, что гипербола является одним из ключевых маркеров коммуникативной тональности стрима, тогда как средства преуменьшения проявляются периферийно.

Ключевые слова: гипербола, литота, мейозис, диминутивность, интернет-дискурс, стрим, коммуникативная тональность, языковая игра, экспрессивность, интерактивность.

Для цитирования: Сорочинская Е. Ю. Роль гиперболы и средств преуменьшения в формировании коммуникативной тональности интернет-трансляций / Е. Ю. Сорочинская // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 3. — С. 57–65. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.22910129>.

Введение. Стремительное развитие цифровых технологий и платформ потокового вещания привело к формированию новых речевых жанров, требующих детального лингвистического описания. Интернет-трансляции, или стримы, представляют собой особый тип коммуникации, в котором совмещаются черты устной и письменной речи, публичного и приватного общения, профессионального и любительского дискурса. Игровой стрим, по определению Е. Н. Галичкиной и О. В. Акимовой, представляет собой «онлайн-трансляцию в интернете, в ходе которой стример демонстрирует аудитории процесс игры в режиме реального времени, а пользователи имеют возможность наблюдать за ведущим, поощрять его действия и эмоции в виде пожертвований, а также комментировать происходящее в общем чате» [1, с. 456]. При этом стрим не сводится к игровому формату: наряду с трансляциями игрового процесса распространены разговорные стримы, реакция-стримы, кулинарные и обзорные трансляции. В настоящей работе материал охватывает разные типы стримов, что позволяет говорить о стримовом дискурсе в целом, а игровой стрим рассматривать как один из его подвидов.

Одной из ключевых характеристик стрима как речевого жанра является его экспрессивность, обусловленная необходимостью удерживать внимание аудитории в условиях массовой конкуренции контента. Средства создания экспрессии в разговорном

дискурсе многообразны: как показывает исследование В. К. Харченко, в спонтанной речи выделяется до 48 параметров речевой выразительности, среди которых метафора занимает первое место (95 зафиксированных случаев), а гипербола — 25 [9, с. 140]. При этом, как отмечает исследователь, «царствующая на первом месте» метафора и гипербола играют ведущую роль не только в художественном, но и в разговорном дискурсе [9, с. 140].

Несмотря на значительное количество работ, посвящённых интернет-дискурсу и его жанрам, гипербола и средства преуменьшения как средства формирования коммуникативной тональности в стримах остаются недостаточно изученными. Цель настоящей работы — описать функционирование гиперболы и средств преуменьшения в интернет-трансляциях, выявить их роль в создании особой коммуникативной атмосферы, характерной для данного жанра цифрового дискурса. В задачи исследования входит: 1) систематизировать случаи употребления гиперболы и средств преуменьшения в стримовом дискурсе; 2) определить основные функции данных средств в интерактивном взаимодействии стримера и аудитории; 3) охарактеризовать специфику гиперболы и средств преуменьшения в стриме по сравнению с другими речевыми жанрами.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили русскоязычные стримы, размещённые на платформе Twitch. Отбор проводился методом сплошной выборки в период с 7 мая по 15 сентября 2026 г. Общий объём проанализированного материала — более 100 часов. В корпус вошли 24 трансляции, принадлежащие 14 стримерам (каналам). Выбор Twitch обусловлен тем, что именно эта платформа является основной средой бытования стрима.

Критерии включения материала: 1) русскоязычная речь; 2) жанровая принадлежность к стриму; 3) наличие синхронного авторского комментария; 4) интеракция с чатом (чтение сообщений, реакция на них); 5) сохранность полной записи без монтажных сокращений; 6) длительность не менее 1,5 часа; 7) спонтанный характер речи. Не включались трейлеры, подкасты, киберспортивные трансляции без комментария стримера, а также записи, в которых речевой компонент был представлен преимущественно заранее подготовленными текстами. Корпус охватывает разные типы стримов: игровые, разговорные, реакция-стримы, кулинарные и обзорные.

В работе использовались метод сплошной выборки, описательный метод, метод контекстуального анализа, а также элементы количественного анализа для выявления частотности употребления исследуемых тропов. Для повышения надёжности разметки спорные случаи проверялись по расширенному контексту (реакция чата, повторное обращение стримера к той же реплике, игровая ситуация). Теоретической базой послужили работы по стилистике и риторике, исследования разговорной речи и её экспрессивных средств, а также работы по интернет-лингвистике и жанроведению.

Основная часть

Гипербола традиционно определяется как «образное выражение, содержащее преувеличение размера, силы, значения и т. д. какого-либо предмета, явления» [7, с. 315]. Литота, в свою очередь, представляет собой «образное выражение, содержащее непомерное преуменьшение размера, силы, значения и т. д. какого-либо предмета, явления» [7, с. 315]. При этом, как отмечает В. К. Харченко, в разговорной речи литота может выступать в трёх ипостасях: «как собственно литота, и как мейозис, и как троп смягчения» [8, с. 273]. Именно многозначность литоты, её способность выполнять различные прагматические функции, делает данный троп особенно востребованным в определённых жанрах, однако, как показывает анализ, в стриме она проявляется эпизодически.

Критерии идентификации гиперболы и литоты

Гипербола квалифицировалась как троп в тех случаях, когда в высказывании содержалось намеренное преувеличение количественного или качественного признака, не соответствующее реальному положению дел и осознаваемое участниками коммуникации как небуквальное. Такое понимание опирается на традиционное определение гиперболы как «образного выражения, содержащего преувеличение размера, силы, значения и т. д.

какого-либо предмета, явления» [7, с. 315]. Обязательными признаками гиперболы в нашем материале были: экспрессивная интенция говорящего; контекстуальная поддержка (интонация, игровая ситуация, реакция чата); наличие формальных маркеров преувеличения — квантификаторов (*все, каждый, миллиард, триллион, бесконечный*), превосходной степени, градационных повторов, усилительных эпитетов (*лютый, страшный, жесткий*) или сочетания с метафорой/сравнением. Высказывания, в которых количественное слово употреблялось буквально (например, точное указание времени или числа), в корпус гипербол не включались.

Литота в настоящей работе понимается узко — как троп, построенный на отрицании противоположного или на двойном отрицании и создающий утверждение через отрицание (*не без помощи* = с помощью; *не скажу, что плохо* = хорошо). Такое понимание соответствует классическому определению литоты как «образного выражения, содержащего непомерное преуменьшение размера, силы, значения и т. д. какого-либо предмета, явления» [7, с. 315] и позволяет отграничить литоту от смежных явлений. Выбор узкого понимания обусловлен тем, что широкий подход, представленный, в частности, в работах В. К. Харченко, где литота выступает «как собственно литота, и как мейозис, и как троп смягчения» [8, с. 273], не позволяет провести чёткую границу между собственно тропеическими и нетропеическими явлениями. При широком подходе в одну категорию попадают разнородные факты: образное утверждение через отрицание, количественное преуменьшение и прагматическое снижение категоричности. Между тем эти явления различаются и по формальному, и по функциональному основанию.

Мейозис, вслед за Т. А. Дороговой, понимается как намеренное преуменьшение признака без отрицания (*немножко, чуть-чуть, маленький*) [3, с. 1]. В отличие от литоты, он не строится на отрицании противоположного и не создаёт утверждения через отрицание. Диминутивность — словообразовательная категория, которая, как отмечает В. К. Харченко, является активным средством экспрессии в разговорной речи [9, с. 141], однако сама по себе тропом не является: уменьшительно-ласкательный суффикс — это морфологическое средство, а не фигура речи. Смягчение — прагматическая стратегия снижения категоричности высказывания, также не обязательно имеющая тропеическую природу: говорящий может смягчать оценку без какого-либо образного сдвига.

Таким образом, в настоящем исследовании как литота квалифицируются только высказывания, построенные на отрицании противоположного или двойном отрицании и обладающие образной функцией. Мейозис, диминутивность и смягчение рассматриваются как смежные явления, которые фиксировались в корпусе отдельно. В количественных подсчётах как литота в широком смысле учитывались только те случаи мейозиса и диминутивности, которые обладали образной функцией, создавали комический контраст или иронический подтекст. Если признак лишь смягчался без тропеического сдвига, высказывание не квалифицировалось как литота. Приведённые ниже примеры с уменьшительно-ласкательными суффиксами и наречиями неполноты действия рассматриваются соответственно как мейозис, диминутивность или смягчение; они привлекаются для характеристики периферии литоты, но не отождествляются с собственно литотой.

Исследователи выделяют два семантических варианта гиперболы: гиперболы-преувеличения (максимизация признака) и гиперболы-преуменьшения (минимизация признака). При этом, как справедливо отмечает Т. А. Дорогова, «гиперболическое представление подразумевает изменение, утрирование количественных и качественных характеристик» [3, с. 1]. Для стримового дискурса характерно активное использование обоих вариантов, однако гиперболы-преувеличения, по нашим наблюдениям, преобладают, что согласуется с утверждением о том, что «природой языка объясняется неограниченность возможностей преувеличения» [3, с. 1].

Следует также учитывать, что гипербола и средства преуменьшения в разговорной речи, в том числе в стримах, тесно связаны с языковой игрой. Как отмечает В. З. Санников, языковая игра представляет собой «языковую неправильность (или неточность), намеренно

допущенную говорящим и именно так и понимаемую слушающим» [7, с. 5]. Гипербола и средства преуменьшения в этом смысле становятся не просто стилистическими фигурами, но инструментами игрового поведения, где сознательное отклонение от нормы (преувеличение или преуменьшение) служит для создания комического эффекта, установления доверительных отношений с аудиторией или подчёркивания субъективной оценки. В контексте стрима, где общение носит спонтанный, интерактивный и зачастую шуточный характер, языковая игра становится одной из ключевых стратегий удержания внимания зрителей.

В проанализированном материале гипербола реализуется в нескольких основных функциях: эмоционально-оценочной, иронической и самопрезентационной.

Эмоционально-оценочная функция гиперболы проявляется в стремлении стримера максимально ярко выразить своё отношение к происходящему в игре или к обсуждаемой ситуации. Так, в стриме ДК (Twitch, канал dkincc) от 25.07.2026, где он комментирует выпуск шоу «Вписка» с участием 9mice, звучит реплика последнего: *«Я вообще я суперздоровый. Я в своем прайме»*. Преувеличение собственного состояния подчёркивает уверенность говорящего и создаёт комический эффект, а сам стример ДК реагирует на это гиперболой: *«Я ненавижу вас. Я ненавижу каждого из вас, ребята»* — очевидно, что это высказывание не следует понимать буквально, оно служит средством выражения сильной, но игровой эмоции, характерной для неформального общения в стриме.

В реплике Stray (Twitch, канал stray228) *«Насколько я превосхожу его по скилу просто. Миллиарды триллионов планет»* гипербола служит для выражения превосходства игрока над соперником. Преувеличение в разговорной речи часто связано с желанием говорящего подчеркнуть значимость собственного высказывания [9, с. 140]. В контексте стрима гиперболическое преувеличение становится инструментом самоутверждения и поддержания имиджа успешного игрока. В другом стриме, у Борка (Twitch, канал Борка), находим схожий пример: *«Туда шел Роналдо с желанием завезти»*. В данном контексте имя знаменитого футболиста используется стримером иронически для шуточного обозначения другого игрока в Minecraft. Говорящий гиперболизирует его умения в данной игре, называя именем талантливого игрока в футбол.

Ироническая функция гиперболы особенно продуктивна в стримах, где объектом насмешки становятся другие участники медийного пространства. В стриме Каши (Twitch, канал kussia88) от 20.07.2026 звучит: *«То есть он хочет сказать, что к нему пришла целая страна и сказала: "Вот мы нунейм по сравнению с вами, как нам стать такими же популярными, как и вы?"»*. Гиперболическое *«целая страна»* создаёт иронический эффект за счёт несоответствия между масштабом описываемого события и его реальной значимостью.

В стриме Кореша (Twitch, канал koreshzy) от 26.06.2026 звучит: *«Ребята, я с Андреем Кокошкой общаюсь раз в год»*. Гиперболическое *«раз в год»* вместо *«редко»* — это типичный пример преувеличения, которое в разговорной речи служит для подчёркивания нерегулярности контактов, но при этом создаёт иронический оттенок, поскольку говорящий явно намекает на эпизодичность общения, а не на буквальную годовую периодичность.

Особый интерес представляет использование гиперболы в сочетании с другими стилистическими приёмами. Гипербола часто сочетается с метафорой, сравнениями, эпитетами [9, с. 141]. В стриме ДК от 18.07.2026 читаем: *«"Я из шахтерского городка, мы тут всем городом плачем от того, как он перетрутился", — мне пишут. Ну, ребята, с пониманием относимся»*. Здесь гипербола (*«всем городом плачем»*) сочетается с иронией, создавая сложный эмоциональный комплекс, характерный для саркастической манеры общения стримера с аудиторией.

В стриме Дипинса (Twitch, канал deepins02) от 05.08.2026 звучит: *«Вот это место, где она стоит и красуется, в миллиард раз лучше того, где они были»*. Гипербола *«в миллиард раз лучше»* — это намеренное преувеличение, усиливающее контраст между двумя локациями; она служит не столько для точной количественной оценки, сколько для выражения резкого эмоционального отношения говорящего к происходящему. В этом же стриме встречается и другая гипербола: *«Как они её топят, причем незаслуженно»* —

глагол «*топят*» в значении «*критикуют*» представляет собой метафору, усиленную гиперболическим контекстом (подразумевается интенсивная, несправедливая критика). Сочетание гиперболы и метафоры в подобных случаях значительно усиливает экспрессивный потенциал высказывания.

Самопрезентационная функция гиперболы связана с созданием образа стримера как яркой, нестандартной личности. В стриме ДК от 15.08.2026 звучит: «*Подписывайтесь на меня, я последняя надежда поколения*». Гиперболическое самоопределение — это не только способ привлечь внимание, но и элемент игровой стратегии, где говорящий сознательно преувеличивает собственную значимость, создавая комический эффект. Аналогичный пример находим в стриме Бустера (Twitch, канал buster) от 26.07.2026: «*Я вообще жесткий пропагандист любви*» — гиперболическое самоопределение (жесткий пропагандист) в сочетании с иронией создаёт образ стримера как человека, который сознательно иронизирует над собой, что способствует установлению доверительных отношений с аудиторией.

Как отмечает В. К. Харченко, «в разговорной стихии речи весьма велика роль повтора» [9, с. 140]. В стримах гипербола часто усиливается повтором, что создаёт эффект градации: «*все больше, и больше, и больше*» — реплика Насти Федько из видео, которое комментирует ДК в стриме от 11.07.2026. Этот приём позволяет постепенно наращивать эмоциональное напряжение, вовлекая аудиторию в переживание. В стриме Тохи (Twitch, канал T2x2) от 28.07.2026 находим другой пример градации: «*Он всегда был самый-самый лучший, самый-самый добрый*» — повтор с частицей «*самый*» и нагнетание превосходной степени создаёт не только гиперболический, но и иронический эффект, поскольку говорящий явно не принимает всерьёз описываемую характеристику.

В отличие от гиперболы, собственно литота в исследуемом материале не встречается. Периферийные явления — мейозис, диминутивность и смягчение — представлены эпизодически и реализуются преимущественно через уменьшительно-ласкательные суффиксы и наречия со значением неполноты действия («немножко», «чуть-чуть»). Это согласуется с наблюдением В. К. Харченко о том, что в разговорной речи «диминутив и дисфемизм почти равновесны» и диминутивы являются активным средством экспрессии [9, с. 141]. Однако если В. К. Харченко рассматривает литоту широко, включая мейозис и смягчение, то в настоящей работе эти случаи квалифицируются как смежные с литотой, но не тождественные ей.

Функция создания комического контраста реализуется через намеренное использование уменьшительных форм для описания объектов, не предполагающих уменьшения. В стриме Глеба Сасавота от 22.07.2026 звучит: «*Почему бы мне не сделать себе, так сказать, миниатюрненький, маленький, скромненький подарок*». Употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов («*миниатюрненький*», «*скромненький*») при описании дорогой покупки создаёт комический контраст между формой и содержанием высказывания — это мейозис, усиленный диминутивами, где преуменьшение формы подчёркивает значимость содержания [8, с. 274].

Функция смягчения реализуется через наречия, снижающие категоричность оценки или описания. В стриме Chopper (Twitch, канал chopper) от 24.07.2026 находим: «*Спирит немножко сейчас плывут*». Наречие «*немножко*» смягчает описание потери контроля над игровой ситуацией, создавая эффект преуменьшения. Аналогичный пример зафиксирован в комментариях ДК от 18.07.2026, где он иронизирует: «*Душенько, да?*» — суффикс -еньк- в наречии «*душенько*» смягчает негативную оценку, превращая её в шуточный вопрос.

В стриме Кореша (Twitch, канал koreshty) от 26.06.2026 звучит: «*Я поживу здесь чуть-чуть*» — наречие «*чуть-чуть*» смягчает указание на время пребывания, создавая эффект неопределённости и снижая категоричность утверждения. Это типичный приём разговорной речи, который в стримовом дискурсе помогает стримеру сохранить неформальный, дружеский тон общения.

Таким образом, собственно литота в стримовом дискурсе не является частотным средством; смежные явления — мейозис, диминутивность и смягчение — в отдельных

случаях успешно выполняют прагматические задачи: смягчают критику, создают иронический подтекст и сокращают дистанцию между стримером и аудиторией.

Коммуникативная тональность стрима, как показал анализ, формируется преимущественно за счёт гиперболических высказываний, которые задают эмоциональный градус и создают эффект «накала страстей», характерный для развлекательного контента. Периферийные явления — мейозис, диминутивность, смягчение — напротив, служат эпизодическим средством «сбивки» напряжения, возвращая общение в русло неформального, дружеского взаимодействия.

Примечательно, что в стримах, где участвуют несколько ведущих, гипербола часто используется как средство распределения ролей. В стриме Генсухи (Twitch, канал gensuxa), Акулич (Twitch, канал akuuliych), Гаечки (Twitch, канал gaechkatm) и Ураниум (Twitch, канал uraniumrr) от 07.05.2026 звучат реплики: *«Мне кажется, он не вывезет нас»* (метафора с оттенком преуменьшения) и *«бесконечное количество»* (гипербола). Чередование этих средств создаёт динамичную, игровую тональность, где каждый участник получает возможность проявить себя как в роли «преувеличивающего» (эмоционального, экспрессивного), так и в роли «преуменьшающего» (ироничного, сдержанного).

Как отмечает О. В. Лутовинова, «интернет-коммуникация характеризуется синтезом письменной и устной речи» [5, с. 212]. В стримах этот синтез проявляется в том, что гипербола и средства преуменьшения функционируют одновременно в устной речи стримера и в письменных комментариях чата, создавая единое экспрессивное поле. Стример, зачитывая гиперболические реплики из чата, усиливает их эффект, включая аудиторию в совместное создание коммуникативной тональности.

Кроме того, как отмечает Г. В. Романова, «современная интернет-коммуникация становится основным источником новых лексических единиц и словосочетаний» [6, с. 3]. В этом смысле гипербола и средства преуменьшения в стримах — не только стилистические приёмы, но и маркеры новой языковой реальности, где преувеличение и преуменьшение становятся частью повседневной коммуникативной практики, формируя особый тип дискурса, ориентированный на эмоциональность, интерактивность и игровое начало. В этом контексте гипербола выступает не просто как фигура речи, но как один из конститутивных признаков самого жанра — стрим без гиперболы теряет свою эмоциональную напряжённость и становится менее привлекательным для зрителей.

Стрим как речевой жанр обладает рядом особенностей, влияющих на функционирование гиперболы и средств преуменьшения. Во-первых, это синхронность и спонтанность общения, что делает использование тропов преимущественно неподготовленным, интуитивным. Во-вторых, это интерактивность, предполагающая постоянную обратную связь с аудиторией.

Как отмечает Е. Н. Галичкина, «суть интерактивного взаимодействия между стримером и зрителями сводится к следующему: стример одновременно осуществляет разные виды деятельности, среди которых отметим комментирование игры, реакцию на сообщения в чате и др.» [1, с. 458]. В этой многозадачности гипербола становится инструментом быстрого реагирования: стример использует преувеличение, чтобы мгновенно выразить эмоцию и вовлечь аудиторию. В стриме ДК от 11.07.2026 находим характерный пример: ДК читает из чата реплику *«Она как будто рэп читает»* (сравнение, близкое к гиперболе) и тут же реагирует иронической гиперболой: *«А ты думала, приедешь в Америку, у тебя прямо с аэропорта все кайсенаты такие: "О, к нам давай"»*. Здесь гипербола служит не только для выражения эмоции, но и для вовлечения аудитории в совместное обсуждение, поддержания интерактивности.

В-третьих, игровой стрим характеризуется высокой степенью металюдичности — «языковое взаимодействие по теме игр и игрового процесса» [1, с. 457]. Гипербола в этом контексте часто связана с игровой терминологией и жаргоном, что усиливает её экспрессивный потенциал. В стриме Chopрег от 24.07.2026 звучит: *«Это страшный раунд может быть для Спирита»* — гиперболический эпитет *«страшный»* усиливает драматизм

ожидания и вовлекает зрителей в переживание за игровую команду. В стриме Nix (Twitch, канал nix) от 02.08.2026 находим: *«Потолок его скила, он всегда выше, даже если за год может где-то сдуваться»* — здесь гипербола *«всегда выше»* в сочетании с метафорой *«потолок»* создаёт эффект непререкаемости авторитета игрока, что характерно для киберспортивного дискурса.

Сравним функционирование гиперболы в стриме с другими жанрами интернет-коммуникации. В блогах и социальных сетях гипербола также активно используется, однако там она чаще выступает как средство привлечения внимания в заголовках или кратких сообщениях, тогда как в стриме гипербола разворачивается в пространстве устной речи, сопровождается интонацией, мимикой и жестами стримера, что многократно усиливает её воздействие. Кроме того, в стриме гипербола получает мгновенную обратную связь от аудитории — зрители реагируют в чате, что позволяет стримеру корректировать интенсивность преувеличения в зависимости от реакции публики. Этот интерактивный аспект принципиально отличает стрим от традиционных монологических жанров, где гипербола является фиксированным элементом текста и не может быть скорректирована в процессе коммуникации.

В отличие от гиперболы, собственно литота в стриме, как было показано, не встречается и не играет значительной роли в формировании коммуникативной тональности. Это может быть связано с тем, что жанр стрима ориентирован на эмоциональное вовлечение аудитории через максимизацию переживаний, а не через их минимизацию. Смежные явления — мейозис, диминутивность, смягчение — в стриме скорее являются эпизодическим приёмом, используемым для создания контраста с общей гиперболизированной атмосферой или для смягчения потенциально конфликтных ситуаций.

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что гипербола является активным и регулярным средством формирования коммуникативной тональности в интернет-трансляциях, реализуя эмоционально-оценочную, ироническую и самопрезентационную функции. Её высокая частотность и разнообразие форм — от одиночных преувеличений до цепочек градационных конструкций — свидетельствуют о том, что преувеличение становится одним из ключевых приёмов удержания внимания аудитории в стриме, что обусловлено как жанровой природой стрима (спонтанность, интерактивность, установка на развлечение), так и общей тенденцией разговорной речи к гиперболизации. Литота в узком смысле в исследуемом материале не зафиксирована; периферийные явления — мейозис, диминутивность и смягчение — встречаются эпизодически, связаны с созданием комического эффекта или снижением категоричности и не носят регулярного характера, не являясь жанрообразующим признаком стрима. Если понимать литоту широко, вслед за В. К. Харченко, её роль в стриме ограничивается эпизодической «сбивкой» напряжения и созданием иронического подтекста. Таким образом, если гипербола выступает одним из конститутивных маркеров коммуникативной тональности стрима, то собственно литота в исследуемом материале не зафиксирована, а смежные с ней явления (мейозис, диминутивность, смягчение) занимают периферийное положение, проявляясь лишь эпизодически в тех ситуациях, когда стример намеренно прибегает к эффекту преуменьшения для усиления иронического или шутливого подтекста. Перспективным представляется дальнейшее исследование гиперболы и средств преуменьшения в различных типах стримов (игровых, разговорных, образовательных), а также изучение их взаимодействия с другими средствами выразительности в цифровом дискурсе, что позволит более полно описать экспрессивный потенциал новых речевых жанров интернет-коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галичкина, Е. Н. Игровой стрим как интернет-жанр / Е. Н. Галичкина, О. В. Акимова // Жанры речи. — 2025. — Т. 20, № 4 (48). — С. 456–465.
2. Горошко, Е. И. К построению типологии жанров социальных медий / Е. И. Горошко // Жанры речи. — 2015. — № 2 (12). — С. 119–127.
3. Дорогова, Т. А. Взаимодействие гиперболы, мейозиса и литоты / Т. А. Дорогова. — М. : Московский педагогический государственный университет, 2011.
4. Кронгауз, М. А. Приставки и глаголы в русском языке : семантическая грамматика / М. А. Кронгауз. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. — 288 с.
5. Лутовинова, О. В. Шейминг как речевой жанр / О. В. Лутовинова // Жанры речи. — 2022. — Т. 17, № 3 (35). — С. 212–219.
6. Романова, Г. В. Влияние цифрового дискурса на формирование новой языковой реальности / Г. В. Романова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. — № 4. — С. 6–14.
7. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 552 с.
8. Харченко, В. К. Литота в речевом жанре бытового разговора / В. К. Харченко // Жанры речи. — 2019. — № 4 (24). — С. 273–280.
9. Харченко, В. К. Лингвоэстетика разговорного дискурса / В. К. Харченко // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. — 2012. — № 18 (137). — С. 139–146.
10. Щурина, Ю. В. Метафора как источник комического в современном российском медиа-дискурсе / Ю. В. Щурина. — М., 2008.

REFERENCES

1. Galichkina, E. N., & Akimova, O. V. (2025). Igrovoi strim kak internet-zhanr [Video game stream as an Internet speech genre]. *Speech Genres*, 20(4), 456–465. (In Russian)
2. Goroshko, E. I. (2015). K postroeniyu tipologii zhanrov sotsial'nykh medii [The construction of genre typology of the social media]. *Speech Genres*, 2(12), 119–127. (In Russian)
3. Dorogova, T. A. (2011). Vzaimodeistvie giperboly, meiozisa i litoty [Interaction between hyperbole, meiosis and litotes]. Moscow. (In Russian)
4. Krongauz, M. A. (1998). Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika [Prefixes and verbs in Russian: Semantic grammar]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». (In Russian)
5. Loutovinova, O. V. (2022). Sheiming kak rechevoi zhanr [Shaming as a speech genre]. *Speech Genres*, 17(3), 212–219. (In Russian)
6. Romanova, G. V. (2022). Vliyanie tsifrovogo diskursa na formirovanie novoi yazykovoi real'nosti [The influence of digital discourse on the formation of a new linguistic reality]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 6–14. (In Russian)
7. Sannikov, V. Z. (2002). Russkii yazyk v zerkale yazykovoi igry [Russian language in the mirror of language game]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)
8. Kharchenko, V. K. (2019). Litota v rechevom zhanre bytovogo razgovora [The litotes in the speech genre of a life-talk]. *Speech Genres*, 4(24), 273–280. (In Russian)
9. Kharchenko, V. K. (2012). Lingvoestetika razgovornogo diskursa [Linguistic aesthetics of colloquial discourse]. *Scientific Bulletin of BelSU. Series: Humanities*, 18(137), 139–146. (In Russian)
10. Shchurina, Yu. V. (2008). Metafora kak istochnik komicheskogo v sovremennom rossiiskom media-diskurse [Metaphor as a source of comic in the present-day Russian media-discourse]. Moscow. (In Russian)

Поступила в редакцию 26.08.2026 г.

E. Yu. Sorochinskaya

ROLE OF HYPERBOLE AND MEANS OF UNDERSTATEMENT IN SHAPING THE COMMUNICATIVE TONALITY OF INTERNET BROADCASTS

The article is devoted to the study of hyperbole and means of understatement (meiosis, diminutiveness, mitigation) as tropes and pragmatic means shaping communicative tonality in internet broadcasts (streams). The relevance of the study is determined by the need to describe linguistic means used in a new speech genre of digital discourse. In the process of analyzing linguistic material collected while watching streams on the Twitch platform (over 100 hours), cases of hyperbole and means of understatement were identified and systematized, and their functions in the interactive interaction between the streamer and the audience were established. In the studied material, hyperbole is predominantly realized as a means of emotional evaluation, irony, and self-presentation; litotes proper was not recorded, while related phenomena — meiosis, diminutiveness, mitigation — occur sporadically and perform the function of mitigation and creating comic contrast. It is concluded that hyperbole is one of the key markers of the communicative tonality of a stream, whereas means of understatement manifest peripherally.

Keywords: *hyperbole, litotes, meiosis, diminutiveness, internet discourse, stream, communicative tonality, language play, expressiveness, interactivity.*

Сорочинская Елена Юрьевна.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация.
Аспирант третьего года обучения.
Направление подготовки 5.9.5 Русский язык.
Языки народов России.
ORCID 0009-0006-1072-2498.
E-mail: elena.sorochinskaya@bk.ru.

Sorochinskaya Elena Yurievna.

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation.
Third-year postgraduate student.
The field of study is 5.9.5 Russian Language.
Languages of the peoples of Russia.
ORCID 0009-0006-1072-2498.
E-mail: elena.sorochinskaya@bk.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Словообразование и грамматика

Научная статья

УДК 811.161.1'367.625:004.77:316.472.4

DOI: 10.5281/zenodo.22910644

Е. В. Алимпиева © 2026

Учреждение образования

«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»

ORCID 0000-0001-8841-6550

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛЬНЫХ НЕОНОМИНАЦИЙ НАЧИНАТЕЛЬНОГО И ЗАВЕРШИТЕЛЬНОГО СПОСОБОВ ДЕЙСТВИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Работа посвящена описанию начинательного и завершительного способов глагольного действия — фазисно-временных модификаций, входящих в макроструктуру темпоральных способов действия и реализуемых в современных глагольных неoderиватах с префиксами за-, по-, от- и до-. Определен прагматический потенциал инхоативных и финитивных новообразований, раскрыта роль процессов языковой компрессии в их формировании. Обоснована специфика указанных способов действия как эффективных инструментов структурирования аморфного цифрового времени. Одним из главных функционально-прагматических свойств исследуемых акционсартов как лингвистической категории мы считаем возможность минимизации речевых усилий интернет-пользователей за счет свертывания поликомпонентных описательных оборотов в емкие однословные эквиваленты. Материалом исследования выступают 33 аффиксальные глагольные единицы (517 употреблений) с начинательной и завершительной семантикой, извлеченные из подкорпуса «Социальные сети» НКРЯ. В результате проведенного анализа определены и описаны количественные, семантические и функционально-прагматические характеристики исследуемых единиц, а также установлена их системная компаративная связь с ограничительным (делимитативным) способом действия.

Ключевые слова: темпоральные способы глагольного действия, начинательный способ действия, завершительный способ действия, цифровой дискурс, морфемный неoderиват, семантический дериват, прагматика.

Для цитирования: Алимпиева Е. В. Прагматический потенциал глагольных неономинаций начинательного и завершительного способов действия в русскоязычном дискурсе социальных сетей / Е. В. Алимпиева // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 3. — С. 66–78. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.22910644>.

Исследование проводилось в рамках научно-исследовательской темы БелИСА «Гуманитарные науки как фактор сохранения и укрепления ценностного суверенитета белорусского государства» (№ госрегистрации 20260078 от 18.02.2026).

Введение. На современном этапе развития общества язык является эффективным инструментом диагностики и демонстрации происходящих в нем социальных, политических, культурных процессов.

При этом одну из наиболее динамичных и активно развивающихся коммуникативных систем в современной русской речевой практике представляет собой языковая среда социальных сетей, демонстрирующая специфические инновационные тенденции и трансформации, обусловленные особым характером интернет-коммуникации: дискурс социальных сетей демонстрирует такие «маркированные черты устного спонтанного общения, как импровизационность, ситуативная обусловленность, эмоциональная насыщенность и диалогическая ориентация, и в то же время он сохраняет фундаментальные

свойства письменного текста — потенциал многоэтапного редактирования, структурную организованность и темпоральную перманентность» [7, с. 34].

Под влиянием публичности, асинхронности, полиадресности и отсутствия невербальных каналов коммуникации сетевого взаимодействия трансформации подвергаются также традиционные механизмы реализации речевых актов. В связи с тем, что интернет «создает беспрецедентные возможности для конструирования идентичности, позволяя пользователю выбирать, какие аспекты своего “я” предъявить аудитории, а какие скрыть» [8, с. 267], новое осмысление получает проблема идентичности в интернет-коммуникации.

Имеющая место избирательность в конструировании виртуального образа напрямую соотносится с прагматическими стратегиями самопрезентации субъекта коммуникации — человека с новым типом сознания, или «человека эпохи цифровых технологий (англ. *homo digitalis*)» [1, с. 12].

В современной лингвосоциологии данные процессы находят свое выражение в концепции «цифрового лица» (англ. *digital face*), экстраполирующей классические идеи И. Гофмана о представлении себя в повседневном взаимодействии [6] на интернет-пространство и подчеркивающей перформативный, множественный и платформенно-вариативный характер самопрезентации в социальных сетях.

По мнению ряда исследователей, *digital face* представляет собой «совокупность коммуникативных стратегий, языковых средств и визуальных элементов, посредством которых пользователь конструирует свой образ в социальных сетях и управляет восприятием этого образа аудиторией» [4, с. 69].

Одним из наиболее ярких проявлений речевой практики *homo digitalis* выступает массовое появление в русскоязычном сетевом дискурсе гибридных именных и глагольных новообразований, обусловленное тем, что «интернет не только не требует соблюдения языковых норм, но зачастую поощряет их нарушение, рассматривая его как проявление креативности, иронии или принадлежности к определенной группе» [8, с. 203].

Данное явление осмысливается в контексте концепции вторичной грамотности, которая, с точки зрения Е. Н. Галичкиной, представляет собой «способность сознательно оперировать нормами и отклонениями от них, используя нарушения нормы как стилистический прием или маркер идентичности» [5, с. 47].

Инструментарием для реализации этой способности выступает намеренная девиация на словообразовательном, орфографическом, графическом и других уровнях языковой системы. Прагматическая установка автора на достижение конкретного коммуникативного эффекта превращает такие нарушения в значимый элемент сетевого дискурса, который «выполняет функцию языковой игры, иронического маркирования высказывания или демонстрации принадлежности к определенному интернет-сообществу» [12, с. 114].

Стремление интернет-пользователей к языковой игре, экспрессии и / или экономии речевых усилий приводит также к активной интеграции иноязычных заимствований (преимущественно англицизмов) в русскую морфологическую систему.

Особый исследовательский интерес в данном контексте, с нашей точки зрения, вызывают узуальные и незузуальные глаголы различных способов действия, образованные от заимствованных корней в соответствии с русскими моделями грамматического оформления акциональной семантики начала, ограничения, завершения, однократности, сатуративности, дистрибутивности, интенсивности и т. д. действия (*зафолловить*, *посвайпать*, *нарепостить*, *перебанить*, *захейтить* и др.), которые, будучи порождением специфической устно-письменной среды, не просто номинируют фазы протекания процессов, но и аккумулируют в себе скрытые прагматические смыслы, оценки и интенции сетевого сообщества, демонстрируя тем самым «отношение говорящего не только к тому действию, о котором идет речь, но и к его собеседнику и, собственно говоря, к языку, которым они пользуются» [9, с. 114].

Следовательно, в подобных неонминациях отражаются и закрепляются ценностные приоритеты определенного социума, а также национально-специфические особенности категоризации и вербализации окружающей действительности, что обуславливает актуальность их системного лингвопрагматического анализа в контексте сохранения и укрепления ценностного суверенитета государства и вносит вклад в осмысление динамических процессов в современном социокультурном и информационном пространстве.

Целью настоящей работы является выявление и описание специфики и прагматического потенциала глагольных неонминаций начинательного и завершительного способов действия в контексте неформального интернет-общения, а также установление их роли в реализации интенций сетевых коммуникантов. **Объектом исследования** выступают узуальные и неузуальные новообразования с начинательной и завершительной акциональной семантикой, созданные посредством включения иноязычного глагольного корня в русские модели грамматического оформления лексемы, а также семантические дериваты исконной глагольной лексики, а **предметом** — прагматический потенциал указанных единиц в неформальной сетевой коммуникации.

Материалы и методы. Представленное в данной статье исследование осуществлено в границах классической классификации способов глагольного действия (далее — СГД), разработанной в русистике на основе семантико-структурной общности характеристик типа протекания, распределения во времени действия и состояния [10, с. 596–599].

Материалом исследования послужили 33 аффиксальных глагольных новообразования начинательного и завершительного СГД (в совокупности — 517 употреблений), представляющие собой морфемные неoderиваты (результаты адаптации иностранных корней, сленгизмов и жаргонизмов — 84,8 %) и семантические дериваты (исконно русские глаголы в переносном значении — 15,2 %).

Материал отобран методом сплошной выборки из подкорпуса «Социальные сети» Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) [14]. Данный подкорпус содержит коммуникативные высказывания из записей в блогах и сообщений в мессенджерах, таких как VK, Telegram, LiveJournal, LiveInternet и Blogspot (2001–2025 гг.). Примеры НКРЯ приведены нами с сохранением авторской орфографии и пунктуации и оформлены в соответствии с рекомендациями, представленными на сайте <https://ruscorpora.ru> [14]. Семантические и стилистические характеристики анализируемой глагольной лексики начинательного и завершительного СГД установлены по [13; 15].

Теоретическую базу исследования составили работы российских, белорусских и зарубежных лингвистов, выполненные на стыке грамматики, прагматики, лингвосоциологии и цифровой лингвистики, таких как Т. Ю. Беликова, Е. Н. Галичкина, Л. Ю. Иванов, М. А. Кронгауз, Л. П. Крысин, Е. В. Маринова, Б. Ю. Норман, Т. Б. Радбиль, И. А. Стернин, Г. Н. Трофимова, В. И. Шляхова и др., что позволило рассматривать СГД не только как морфологическую, но и как прагматическую категорию.

В ходе исследования применялись метод сплошной выборки, методы контекстуально-семантического и лингвопрагматического анализа, описательный метод, элементы количественного метода.

Основная часть. По словам Г. Н. Трофимовой, «интернет-реальность как новая сфера функционирования общества и языка закрепляет и продолжает тенденцию демократизации языка... Усиливается тенденция карнавализации, которая проявляется, прежде всего, на уровне лексики и фразеологии, а также — отчасти — и словообразования. Наиболее отчетливо это наблюдается и в языковом освоении компьютерно-языкового мира и интернет-реальности» [11, с. 229].

В этом контексте особую значимость приобретает изучение СГД — «типологической категории, представляющей собой совокупность языковых единиц с обобщенными

временными, количественными и специально-результативными значениями фазового членения и хода действия и реализуемой средствами различных языковых уровней на парадигматической и синтагматической осях» [3, с. 10].

Рассматриваемые в настоящей статье фазисно-временные модификации глаголов представляют собой отражающие значимые для интернет-пользователей явления семантические новообразования и гибридные неогериваты, в которых иноязычный компонент сочетается с исконно русскими словообразовательными формантами, формирующими также и их экспрессивную составляющую.

Вслед за Н. А. Бакич мы придерживаемся того мнения, что «экспрессивными языковыми единицами следует считать те, которые выполняют прагматическую функцию» [1, с. 224]. Это значит, что такие лексические единицы не только называют фрагмент действительности, но и, прежде всего, выражают отношение говорящего к содержанию или адресату речи и тем самым воздействуют на реципиента.

При этом в данных модификациях часто возникают «культурно-обусловленные коннотативно-оценочные приращения смысла, которые эксплуатируют исконно-русские культурные установки и ценностные стереотипы» [1, с. 224]. Как отмечает Т. Б. Радбиль, в таких словах «выделяется своего рода диктумная часть, актуализующая номинативное содержание понятия, выраженное заимствованным элементом, и модусная часть, представляющая точку зрения говорящего на объект номинации, сложный комплекс оценочной реакции говорящего на данное понятие, выраженный исконно-русским формантом» [1, с. 38].

Рассматриваемые нами экспрессивные новообразования с точки зрения семантико-грамматической классификации, принятой в русском языкознании, относятся к группе темпоральных, или временных, СГД, в состав которой входят [10, с. 596]:

- 1) начинательный СГД: инхоативный и ингрессивный подтипы;
- 2) ограничительный (делимитативный) СГД: уменьшительно-ограничительный и длительно-ограничительный подтипы;
- 3) завершительный (финитивный) СГД: эгрессивный и комплетивный подтипы.

Результаты исследования семантики и прагматики гибридных глагольных новообразований уменьшительно-ограничительного и длительно-ограничительного подтипов делимитативного типа темпоральных СГД, выступающих инструментом психологической регуляции и эвфемизации и снижающих коммуникативную нагрузку и ответственность коммуниканта за счет искусственного сужения временных рамок действия, представлены в нашей предыдущей работе [2, с. 32–38].

Дальнейшее описание репрезентирует семантические особенности, контекстуальную специфику и прагматический потенциал гибридных глагольных новообразований начинательного и завершительного СГД, что позволяет выявить новые паттерны речевого поведения *homo digitalis*.

Начинательный СГД, имплицитное значение «приступа к дальнейшему действию, обладающему длительностью» [10, с. 597], в исследуемом материале представлен группой глаголов преимущественно совершенного вида с приставками **за-** (инхоативный подтип) и **по-** (ингрессивный подтип), в том числе в сочетании с постфиксом **-ся** (17 ед. — 411 употреблений).

Выявлено, что реализация прагматического потенциала начинательного СГД в дискурсе социальных сетей направлена чаще всего на интенсификацию внимания адресата и создание эффекта сопричастности происходящему в режиме реального времени.

Для обеспечения наглядности и сопоставимости данных отобраны экспрессивные неогериваты начинательного СГД представлены нами в форме таблицы, отражающей количественные характеристики их употребления, семантическую структуру, контекст функционирования в социальных сетях и доминирующие прагматические функции (таблица 1).

Таблица 1. — Семантико-прагматические характеристики экспрессивных глагольных новообразований начинательного СГД

Глагол (кол-во употреблений)	Семантика	Контекст из соцсетей	Прагматика
<i>затупить</i> (116 примеров)	<i>разг.</i> начать плохо соображать / плохо функционировать	<i>Там немножко лотерея, может почта затупить</i> [Cyprus Animals. telegram (23.01.2020)]	Дедрамматизация когнитивной / функциональной ошибки, констатация её временного характера.
<i>зафолловить</i> (51 пример)	<i>неол., сленг., интернет.</i> начать отслеживать чьи-л. обновления в сети; стать фолловером (от англ. <i>to follow</i> <i>so. / sth.</i> 'последовать за кем-л./чем-л.')	<i>Зафолловить меня как всегда можно здесь: TwitterЯ в facebook! Я в сми2</i> [grustniy-kot. livejournal.com (2013)]	Маркирование начала долгосрочного мониторинга объекта, акт цифрового признания.
<i>затусить</i> (41 пример)	<i>жарг.</i> пойти на вечеринку; встретиться для совместного временипрепровождения, развлечения (от франц. <i>tasser</i> 'уплотнять, сгущивать')	<i>Кто сегодня хочет затусить с нами, пишите в лс. [vk</i> (07.04.2016)]	Интенсивный старт действия, коммуникативная компрессия, перевод взаимодействия в регистр неформальной коммуникации.
<i>завируситься</i> (10 примеров)	<i>неол., интернет.</i> начать распространяться в сети подобно вирусу от одного пользователя к другому (от англ. <i>to go viral</i> 'стать вирусным')	<i>А недавно выложила в соцсети фото с богатым уловом с речки Чукусамаль, которое внезапно завирусилось.</i> [Рыбалка Сахалин и Дальний Восток (01.2024)]	Акцентирование внезапного и стихийного начала процесса и его бесконтрольности, смещение фокуса с личности автора на сам процесс.
<i>законнектиться</i> (8 примеров)	<i>неол., сленг., интернет.</i> подключиться к интернету, установить связь между электронными устройствами программами; установить контакт, начать общение с кем-л. (от англ. <i>to connect sth.</i> <i>to sth.</i> 'подключать что-л. к чему-л.')	<i>Доброго времени суток. Можно с кем-то законнекти ться? Хочу в шоле на машине прокатиться по Италии, пляжи, шопинг. [vk</i> (30.03.2016)]	Инициация контакта, коммуникативный старт, символическое сокращение социальной дистанции, экспрессивный перевод делового или дружеского контакта в цифровой формат.
<i>заигнорить</i> (6 примеров)	<i>интернет.</i> начать применять к учетной записи определенного пользователя режим игнора — режим, при котором все сообщения от него скрываются; <i>неол., жарг.</i> то же, что игнорировать (от англ. <i>to</i> <i>ignore so. / sth.</i> 'игнорировать кого-л. / что-л., пренебрегать')	<i>Виктор меня заигнорил. Видимо не понравилось то, что сам предлагает</i> [Чат для художников. telegram (23.06.2022)]	Демонстрация коммуникативного превосходства, разрыв цифрового контакта как инструмент психологического давления или самозащиты.
<i>закринжевать</i> (3 примера)	<i>мол. жарг.</i> начать стыдиться чего-л.; почувствовать отвращение, возмущение и т. п. из-за чего-л., сделанного	<i>Я хочу ещё фанарт сделать, но потом очень страшно закринжевать [Чат</i>	Внезапный переход субъекта в новое психоэмоциональное состояние, экспрессивная

¹ Проект Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

	другим человеком либо самим собой (от англ. <i>to cringe</i> ‘сжежиться, содрогнуться’)	для художников. telegram (06.02.2022)]	вербализация этико-эстетического отторжения и дистанцирования.
<i>зафрендиться</i> (3 примера)	<i>интернет.</i> включить чью-л. учетную запись в список избранных контактов на том или ином интернет-сайте и начать виртуальное общение друг с другом (от англ. <i>friend</i> ‘друг’)	<i>А давайте зафрендимся в инстаграме² и т. п.</i> [Cyprus Animals. telegram (17.10.2021)]	Интенсификация сетевых контактов, расширение персонального цифрового пространства, манифестация перехода к неформальному общению.
<i>залончить</i> (1 пример)	<i>неол., мол. жарг., проф. сленг.</i> запустить проект, сайт, продукт, мобильное приложение, рекламную кампанию и т. п., начать работу (от англ. <i>to launch</i> ‘начинать, стартовать, запускать, выпускать на рынок’)	<i>Алекс показал весь свой хард мейд контрибьюшн, прежде чем залончить новый проджект.</i> [vk (28.01.2016)]	Маркирование официального старта или публичного релиза проекта (продукта), коммуникативная компрессия, демонстрация профессиональной вовлеченности в бизнес- или IT-среду.
<i>залончевать</i> (1 пример)	<i>неол., мол. жарг., проф. сленг.</i> то же, что и <i>залончить</i>	<i>Пора залончевать (вывести марку на рынок) бренд.</i> [vk (10.04.2016)]	Вербализация неформального характера командного взаимодействия, смещение фокуса на ход развертывания проекта.
<i>зафрендиваться</i> (1 пример)	<i>неол., сленг., интернет.</i> находиться в процессе добавления в список контактов учетных записей интернет-пользователей; инициировать виртуальное общение друг с другом (от англ. <i>friend</i> ‘друг’)	<i>Во-вторых, как сказал бы сейчас поэт, «дружить бы рад — зафрендиваться тошно».</i> [vk (30.05.2014)]	Ироническая рефлексия процесса, демонстрация отстраненного или критического отношения к самой процедуре установления сетевых связей.
<i>затильтовать</i> (1 пример)	<i>жарг., интернет.</i> войти в состояние эмоционального срыва, злости или уныния из-за череды неудач, потеряв контроль над своими действиями, поддаться эмоциям (от англ. <i>tilt</i> ‘наклон, крен’; <i>to tilt</i> ‘злиться, терять контроль и ошибаться из-за этого’)	<i>После третьего удаления поста админ просто затильтовал и закрыл комменты</i> [mrs_levda. Лайфстайл блог (24.12.2020)]	Вхождение в новое психоэмоциональное состояние, переход к деструктивному поведению под влиянием эмоций; демонстрация крайней степени психологической уязвимости в сети.
<i>затриггериться</i> (1 пример)	<i>жарг., психол.</i> внезапно начать испытывать интенсивный эмоциональный дискомфорт (неприятные переживания, тяжелые воспоминания и т. п.), вызванный внешним раздражителем (от англ. <i>trigger</i> ‘спусковой крючок, курок’)	<i>Вообще, смешно, как ты затриггерился на мое высмеивание максимальной скорости этого мопеда</i> [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (05.08.2022)]	Психоэмоциональный старт, констатация и неконтролируемости ответной эмоциональной реакции на сетевой стимул, коммуникативная компрессия.

² Instagram — соцсеть, принадлежащая компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещённой на территории РФ по решению Тверского суда Москвы от 21.03.2022.

<i>захайпить</i> (1 пример)	неол., сленг. поднимать шумиху, ажиотаж вокруг чего-л., начать стимулировать интерес к чему-л. (от англ. <i>hype</i> 'шумиха в СМИ, навязчивая реклама')	<i>А если придумывают, то не могут нормально захайпить это.</i> [Rozetked Discuss. telegram (14.09.2022)]	Акцентирование субъектности, доминирования; искусственная интенсификация внимания, констатация системности и длительности начала входа в процесс.
<i>посыпаться</i> (125 примеров)	перен., разг. начать приходить / поступать; последовать в большом количестве друг за другом	<i>Вот не так давно как из рога изобилия посыпались просьбы принять в друзья.</i> [Ольга Гузанова. Ольга Гузанова (12.2021)]	Вербализация стихийного старта сетевых реакций, гиперболизация эффекта востребованности субъекта / релевантности обсуждаемой темы / утраты контроля над объемом входящей информации.
<i>пойти</i> (32 примера)	перен., разг. начаться; начать функционировать / транслироваться (о медиапотоке, процессе)	<i>Все, стрим пошел.</i> [Нужна помощь! (2022)]	Экспрессивная фиксация технологического старта коммуникации, синхронизация коммуникативного пространства; мобилизация внимания аудитории.
<i>потечь</i> (10 примеров)	перен., разг. начать испытывать нежное, теплое чувство, возбуждаемое чем-л. трогательным	<i>Ты бы сам бы потек от такого.</i> [Rozetked Discuss. telegram (11.09.2022)]	Дерационализация и гиперболизация чувств с целью стимулирования ответного отклика, манифестация высшей степени одобрения.

Завершительный СГД, семантизирующий конечный временной момент возможности реализации действия с дополнительным оттенком результативности его завершения, в исследуемом языковом материале представлен глагольными единицами с приставками **от-** (эгрессивный подтип) и **до-** (комплетивный подтип), иногда также в сочетании с постфиксом **-ся**.

Установлено, что в дискурсе социальных сетей приставка **от-** маркирует освобождение субъекта от коммуникативной нагрузки, приставка **до-** верифицирует достижение прагматической цели в условиях информационной избыточности. Группа эгрессивных и комплетивных неоминаций в исследуемом материале представлена 16 глаголами (в совокупности — 106 употреблений) (таблица 2).

Таблица 2. — Семантико-прагматические характеристики экспрессивных глагольных новообразований завершительного СГД

Глагол (кол-во употреблений)	Семантика	Контекст из соцсетей	Прагматика
<i>отфоткать</i> (33 примера)	разг. завершить процесс фотографирования какого-либо объекта, человека или локации в полном / необходимом объеме.	Я уже <i>отфоткала</i> там все. [vk (07.04.2016)]	Снижение регистра общения, репрезентация рутинности завершеного действия и исчерпанности потребности в фиксации объектов.
<i>отсканить</i> (32 примера)	проф. то же, что отсканировать, т. е. завершить процесс сканирования какого-л.	Заполнил все данные, все <i>отсканил</i> , последний этап — подпись.	Редукция социальной дистанции, трансляции эмоции удовлетворения от завершения выполнения

	объекта (от англ. <i>to scan sth.</i> 'сканировать что-л.')	[Электронное ОСАГО (2015-2021)]	рутинной механической задачи.
<i>отлайкать</i> (11 примеров)	<i>интернет.</i> завершить процесс одобрения какого-л. действия, фотографии, публикации и т. п. в социальных сетях с помощью специальной кнопки с пиктограммой или надписью «Like» (от англ. <i>to like so. / sth.</i> 'нравиться кому-л. / чему-л.')	<i>Девушка выполнила все необходимые процедуры: отписалась в микроблоге, обновила статус в социальной сети, отлайкала новые фото всех знакомых.</i> [vk (31.10.2015)]	Демонстрация одобрения, ритуализированное подтверждение социального контакта в цифровой среде, маркер лояльности к автору контента.
<i>отлагать</i> (8 примеров)	<i>комп., жарг.</i> перестать испытывать задержки отклика, вернувшись в режим стабильной работы (о системе, программе, устройстве) (от англ. <i>lag</i> 'запаздывание, замедление, задержка')	<i>У всех отлагало? У меня до сих пор не идет</i> [tvOS (AppleTV4/4K). telegram tvOS (02.09.2022)]	Экспрессивное выражение облегчения после восстановления стабильного цифрового соединения или нормального функционирования интерфейса.
<i>откомментить</i> (7 примеров)	<i>жарг.</i> закончить давать комментарии, пояснения к чему-л. (от англ. <i>to comment on sth.</i> 'комментировать что-л.')	<i>Ну буду переводить всю статью, мне кажется, что её должны были уже и перевести, и откомментить.</i> [medandu. blogspot.com medandu (27.06.2012)]	Констатация финализирования акта высказывания под постом; маркирование выполненного социального обязательства
<i>отстримить</i> (3 примера)	<i>комп., жарг.</i> закончить передачу данных (в потоковом видео, компьютерных играх); <i>интернет.</i> завершить проведение стрима, прямой трансляции на видеохостинге (от англ. <i>stream</i> 'поток')	<i>За три дня летних стримов отстримил 30 часов всем спасибо кто сидит лю мы ток начали</i> [Помощь нужна! (2022)]	Демонстрация выполненного обязательства перед аудиторией (зрителями), фиксация завершения профессионального или коммуникативного сеанса.
<i>отинстаграмить</i> (2 примера)	<i>неол., сленг., интернет.</i> закончить обработку фото / видео в стиле Инстаграма ³ , полностью отснять / выложить красивые кадры для этой соцсети (от названия социальной сети Instagram ³)	<i>За два дня в Риме у нас стояла задача посмотреть и отинстаграмить все достопримечательности и из списков «спеиште видеть»</i> [Блогер Денис Блищ (01.12.2025)]	Символическое присвоение географического или социокультурного пространства путем его визуальной фиксации и публикации в эстетизированном цифровом поле.
<i>отфоллофить(-ся)</i> (2 примера)	<i>неол., сленг., интернет.</i> перестать отслеживать чьи-л. обновления в сети; прекратить быть чьим-л. фолловером (от англ. <i>to follow so. / sth.</i> 'последовать за кем-л. / чем-л.')	<i>Streamhound — сервис, который показывает разную статистику по зрителям твоего Twitch канала. Можно даже посмотреть кто отфолловился!</i> [vk (28.05.2016)]	Фиксация прекращения долгосрочного мониторинга объекта, акт цифрового непризнания, манифестация разрыва коммуникативной связи и в виртуальном пространстве.
<i>откринжевать</i> (1 пример)	<i>мол. жарг.</i> перестать стыдиться чего-л.; закончить переживать	<i>Я свое уже откринжевала. Самый большой кринж моей жизни — это работа в</i>	Фиксация преодоления вынужденного эмоционального дискомфорта,

³ Instagram — соцсеть, принадлежащая компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещённой на территории РФ по решению Тверского суда Москвы от 21.03.2022

	эмоции отвращения, возмущения и т. п. из-за чего-л., сделанного другим человеком либо самим собой (от англ. <i>to cringe</i> 'сжаться, содрогнуться')	<i>том банке. Кто там работал, тот поймет.</i> [Чат для художников. telegram Чат для художников (29.09.2022)]	маркирование отстранения от травмирующего или коммуникативного опыта (как чужого, так и своего собственного).
<i>отлабутениться</i> (1 пример)	неол., прост.-ирон. прекратить эпатажную публичную, сценическую деятельность; завершить определенный яркий этап активности, полностью исчезнуть из медийного (сетевого) пространства (от франц. <i>Louboutins</i> 'лабутены' — модные женские туфли французского модельера Кристиана Лубутена)	<i>Узнал, что сегодня на концерте Ленинград, на который я пойду — не будет Алисы Вокс. Отлабутенилась. И это очень сильно меня расстроило.</i> [vk (25.03.2016)]	Ироничное или саркастическое маркирование прекращения чьей-либо эпатажной деятельности, верификация контекстуальной осведомленности участников интернет-дискурса.
<i>отсканерить</i> (1 пример)	проф., разг. то же, что отсканировать, т. е. завершить процесс сканирования какого-л. объекта (от англ. <i>to scan sth.</i> 'сканировать что-л.')	<i>Не проще ли дождаться, пока её трудолюбиво отсканерит обиженная жадными авторами флибуста.</i> [volha. livejournal.com volha (2013)]	Маркирование групповой идентичности, редукция социальной дистанции, трансляции эмоции удовлетворения от завершения выполнения рутинной механической задачи.
<i>отскриншотить</i> (1 пример)	комп. жарг. завершить процесс создания цифровых копий изображения на экране монитора компьютера, мобильного телефона и т. п. (от англ. <i>screenshot</i> 'моментальный снимок экрана')	<i>Все. Отскриншотила. Больше меня это не интересует</i> [nestoy. blogspot.com nestoy (26.09.2013)]	Интенциональное архивирование цифрового следа; фиксация факта, который может служить аргументом, доказательством или памяткой в интернет-коммуникации.
<i>отфидбейчить</i> (1 пример)	неол., проф., сленг., интернет. завершить процесс предоставления обратной связи, оценки или комментария к какому-л. объекту, действию, событию (от англ. <i>feedback</i> 'обратная связь, ответная реакция')	<i>Эту историю надо отфидбейчить (прокомментировать). После такого фак-апа (провала) возьму дэй-офф (отгул).</i> [vk (10.04.2016)]	Трансляция мнения или ответной реакции в рамках сетевой коммуникации, прагматическая фиксация исполнения запроса на оценку, сокращение социальной дистанции.
<i>довируситься</i> (1 пример)	неол., интернет. закончить распространение в сети подобно вирусу от одного пользователя к другому, достигнув при этом определенного (обычно очень высокого) предела или результата (от англ. <i>to go viral</i> 'стать вирусным')	<i>Для знакомства с песней, которая дововирусилась до мировой аудитории и возглавила многие плейлисты, посмотрите её живое исполнение</i> [fedor_artefakt Channel. мысли автора (19.08.2022)]	Экспрессивное подчеркивание триумфального финала стихийного медиапроцесса; констатация выхода контента на максимально высокий уровень репрезентации.
<i>доскроллить</i> (1 пример)	неол., интернет. завершить просмотр веб-контента, осуществляемый путем прокрутки экрана сверху-вниз или влево-вправо (от англ. <i>to</i>	<i>А на страничке книги в магазине, если доскроллить её до конца, появилась читалка-листалка, где можно прочитать</i>	Маркирование исчерпанности информационного потока; экспрессивная фиксация преодоления коммуникативного

	<i>scroll sth.</i> ‘прокручивать, скроллить что-л.’)	<i>начало.</i> [Павел Иевлев. Радио Морзе. Авторский блог писателя Павла Иевлева. Заметки мизантропа (2018)]	барьера (перенасыщенности ленты) и трансляция удовлетворения от завершения процесса.
<i>доспамить</i> (1 пример)	<i>интернет. жарг.</i> завершить публикацию большого числа нерелевантных электронных сообщений, фотографий и пр.; завершить серию постов (от англ. <i>spam</i> ‘спам’ — массовая рассылка корреспонденции, рекламы лицам, не выразившим желания её получить; <i>нариц.</i> от аббревиатуры торговой марки консервированного мяса, производимого американской компанией Hormel Foods.)	<i>Позвольте доспамить прошедшими выходными на Валдае, поскольку память в телефоне не резиновая, а надо на новые фотографии место освободить</i> [vk (13.01.2016)]	Маркирование финальной точки в процессе массового продуцирования однотипного контента; экспрессивный маркер коммуникативного насыщения субъекта и истощения его медиаресурсов.

Приведенные в таблице 1 и таблице 2 данные позволяют заключить, что глаголы начинательного и завершительного СГД в сетевой коммуникации служат прежде всего эффективным инструментом структурирования аморфного цифрового времени и интенсивной языковой компрессии. Будучи порождением специфической устно-письменной среды, данные экспрессивные неоминации минимизируют речевые усилия пользователей, заменяя поликомпонентные описательные обороты емкими однословными эквивалентами.

При этом инхоативные и ингрессивные единицы с префиксами **за-** и **по-** реализуют стратегии интенсификации внимания адресата, фиксируя компактный речевой старт и спонтанный вход субъекта в новое психоэмоциональное состояние.

В свою очередь, финитивные глаголы с приставками **от-** и **до-** акцентируют терминацию процессов в условиях информационной избыточности, где префикс **от-**, выполняя функцию речевой декомпрессии, маркирует освобождение пользователя от коммуникативной нагрузки, а префикс **до-** верифицирует достижение прагматической цели, сворачивая пространное описание финала медиапроцесса до одной лексемы.

Выявленная количественная диспропорция в употреблении лексем исследуемых СГД также обусловлена их прагматическим статусом и степенью узуализации в интернет-дискурсе.

В группе начинательного СГД, которая составляет большинство выборки по количеству употреблений — 79,5 % (411 употреблений из 517), наиболее частотными выступают глаголы *посыпаться* (30,4 % от объема группы, или 125 примеров) и *затупить* (28,2 %, или 116 примеров). Они служат для экспрессивной гиперболизации стихийности сетевых реакций или дедраматизации когнитивных и функциональных ошибок. В группе завершительного СГД, занимающей 20,5% от общего массива данных (106 употреблений из 517), доминируют профессионально и коммуникативно маркированные лексемы *отфоткать* (31,1 % от объема финитивных глаголов, или 33 примера) и *отсканить* (30,2 %, или 32 примера), транслирующие эмоцию удовлетворения от завершения рутинной механической работы.

В то же время лексемы начинательного СГД (*залончить, затильтовать, захайпить*) и завершительного СГД (*откринжевать, отфидбейчить, доскроллить*), описывающие узкоспецифические психоэмоциональные паттерны или ИТ-практики, носят единичный характер (по 0,2 % от общей выборки, или по 0,9 % в рамках своего СГД). Это подтверждает гипотезу о том, что массовое сетевое сознание наиболее активно адаптирует и преобразует

в узус лишь те глаголы, которые обслуживают универсальные, ежедневные и ценностно значимые для интернет-пользователей коммуникативные ситуации, оставляя узкопрофессиональные сленгизмы на периферии цифрового дискурса.

Заключение. Проведенное исследование показало, что система способов глагольного действия в русскоязычной сетевой среде обладает высокой адаптивностью и выступает в качестве ключевого инструмента прагматического воздействия и темпоральной модуляции дискурса. Одним из доминирующих векторов развития данной системы в цифровом пространстве является активное включение англицизмов, которые в кратчайшие сроки осваивают русскую словообразовательную парадигму. Этот процесс «культурной русификации» иноязычных элементов приводит к созданию гибридных неолексем с разной степенью экспрессии, находящихся на различных этапах узуализации.

В плане когнитивной и культурной интерпретации в интернет-коммуникации органично сосуществуют две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, инновации отражают глобализацию коммуникативных моделей; с другой стороны — они расширяют репрезентацию исконно русских ментальных схем и моделей оценочной реакции, интегрируя «чужое» в категориальные рамки родного языка. В производных словах возникают культурно обусловленные коннотативно-оценочные приращения смысла, которые не разрушают, а обогащают экспрессивный и креативный потенциал русского языка.

Лингвопрагматический анализ отобранного фактического материала позволил установить специфику функционирования исследуемых темпоральных акциональных классов. *Начинательный СГД*, составляющий абсолютное большинство по числу текстовых употреблений, сосредоточен на актуализации момента входа в коммуникативное или психоэмоциональное состояние, интенсификации внимания адресата и создании эффекта сопричастности в режиме реального времени посредством префиксов **за-** и **по-**. В свою очередь, *завершительный СГД* служит инструментом терминации действия и речевой компрессии, где префикс **от-** верифицирует освобождение субъекта от коммуникативной нагрузки, а префикс **до-** фиксирует достижение прагматической цели в условиях информационной избыточности.

Описанные фазовые модификации обнаруживают глубокую системную связь с ограничительным (делимитативным) СГД, исследованным нами ранее [2], который также входит в макроструктуру временных СГД. Если начинательный и завершительный типы фиксируют границы цифровых процессов, то делимитативы с приставками **по-** и **про-** выступают в роли инструментов непосредственной темпоральной модуляции самой виртуальной активности, предлагая пользователям механизмы психологической регуляции и эвфемизации. Примечательно, что в составе группы темпоральных СГД неоминации ограничительного типа демонстрируют значительное количественное преобладание (1 324 употребления) [2, с. 33], что, с нашей точки зрения, указывает на первоочередной запрос сетевого сообщества на сознательное ограничение временных рамок процессов ради снятия ответственности за результат деятельности. Выявленная общая асимметрия доказывает, что массовое сетевое сознание наиболее активно адаптирует и интегрирует в узус лишь те глаголы темпоральных способов действия, которые обслуживают универсальные, ежедневные практики цифрового досуга и неформального взаимодействия, оставляя узкопрофессиональные сленгизмы на периферии интернет-дискурса.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении категориальных рамок анализа и системном описании иных акциональных классов, также активно вовлекаемых в процессы цифровой деривации (в частности, сатуративного, дистрибутивного и интенсивного СГД). Научный интерес, с нашей точки зрения, представляет также проведение сопоставительного лингвопрагматического анализа функционирования данных неоминаций в разноструктурных языках (например, в русском и немецком), а также детальное изучение динамики узуализации сетевых новообразований в хронологическом аспекте, что позволит глубже осмыслить

закономерности лингвокреативной деятельности *homo digitalis* и выявить новые тенденции в развитии национальной языковой системы в эпоху тотальной цифровизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Активные процессы в языке интернета: лингвокогнитивный и прагматический аспекты : коллективная монография / Т. В. Радбиль, Е. В. Маринова, Л. В. Рацибурская [и др.] ; под ред. Л. В. Рацибурской. — М.: Нестор-История, 2019. — 257 с.
2. Алимпиева, Е. В. Прагматический потенциал делимитативного способа действия русского глагола в дискурсе социальных сетей / Е. В. Алимпиева // Языковое образование XXI века: философия, перспективы и проблемы, принципы и подходы : сборник научных статей : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И. П. Зайцева (гл. ред.) [и др.]. — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2026. — Т. 2. — С. 32–38.
3. Алимпиева, Е. В. Способы глагольного действия в русском и немецком языках: система и функционирование : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. В. Алимпиева. — Минск, 2022. — 29 с.
4. Беликова, Т. Ю. Коммуникативно-прагматические особенности интернет-дискурса / Т. Ю. Беликова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика, 2018, Т. 22, № 1. — С. 65–81.
5. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (в аспекте жанра) / Е. Н. Галичкина // Филологические науки, 2001, № 3. — С. 45–52.
6. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман ; пер. с англ. А. Д. Ковалева. — М.: Канон-пресс-Ц, 2000. — 304 с.
7. Иванов, Д. В. Критическая теория и виртуализация общества / Д. В. Иванов // Социологические исследования, 1999, № 1. — С. 32–40.
8. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. — М.: АСТ: Corpus, 2015. — 480 с.
9. Норман, Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б. Ю. Норман. — Минск: БГУ, 2009. — 183 с.
10. Русская грамматика : [в 2 т.] / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. — М.: Наука, 1980. — Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова и др.]. — 783 с.
11. Трофимова, Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты : монография / Г. Н. Трофимова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: РУДН, 2009. — 436 с.
12. Шляхова, В. И. Неология в цифровую эпоху: тенденции и перспективы / В. И. Шляхова // Вопросы языкознания, 2020, № 5. — С. 112–125. — DOI: 10.31857/S0373658X0011831-2.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Викисловарь. — URL: wiktionary.org (дата обращения: 15.04.2026).
14. Национальный корпус русского языка. — URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 14.04.2026).
15. Oxford Learner's Dictionaries. — URL: oxfordlearnersdictionaries.com (дата обращения: 15.04.2026).

REFERENCES

1. Alimpieva, E. V. (2026). Pragmatischenkiy potentsial delimitativnogo sposoba deystviya russkogo glagola v diskurse sotsial'nykh setey [Pragmatic potential of the delimitative actional type of the Russian verb in the social networks discourse]. *Yazykovoe obrazovanie XXI veka: filosofiya, perspektivy i problemy, printsipy i podkhody* [Language Education of the 21st Century: Philosophy, Prospects and Issues, Principles and Approaches], 2, 32–38. (In Russian).
2. Alimpieva, E. V. (2022). *Sposoby glagol'nogo deystviya v russkom i nemetskom yazykakh: sistema i funktsionirovanie* [Actional types of verbs in Russian and German: System and functioning] (Thesis abstract). Minsk. (In Russian).
3. Belikova, T. Yu. (2018). Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti internet-diskursa [Communicative and pragmatic features of Internet discourse]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 22(1), 65–81. (In Russian).
4. Galichkina, E. N. (2001). Spetsifika komp'yuternogo diskursa na angliyskom i russkom yazykakh (v aspekte zhanra) [Specificity of computer discourse in English and Russian (in the aspect of genre)]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 3, 45–52. (In Russian).
5. Goffman, E. (2000). *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The presentation of self in everyday life] (A. D. Kovalev, Trans.). Kanon-press-C. (In Russian).
6. Ivanov, D. V. (1999). Critical theory and virtualization of society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1, 32–40. (In Russian).

7. Krongauz, M. A. (2015). Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva [Russian language on the verge of a nervous breakdown]. AST: Corpus. (In Russian).
8. Norman, B. Yu. (2009). Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugih slavyanskikh yazykov) [Linguistic pragmatics (based on Russian and other Slavic languages)]. BGU. (In Russian).
9. Radbil, T. V., Marinova, E. V., Ratsiburskaya, L. V., Shchenikova, E. V., Zhdanova, E. A., & Bakich, N. A. (2019). Aktivnye protsessy v yazyke interneta: lingvokognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty [Active processes in the Internet language: linguo-cognitive and pragmatic aspects]. Nestor-Istoriya. (In Russian).
10. Shlyakhova, V. I. (2020). Neologiya v tsifrovuyu epokhu: tendentsii i perspektivy [Neology in the digital era: Trends and prospects]. Voprosy yazykoznaniiya [Topics in the Study of Language], 5, 112–125. doi.org (In Russian).
11. Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). Russkaya grammatika: T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Russian grammar: Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Nauka. (In Russian).
12. Trofimova, G. N. (2009). Yazykovoy vkus internet-epokhi v Rossii. Funktsionirovanie russkogo yazyka v Internetе: kontseptual'no-sushchnostnye dominanty [Language taste of the Internet era in Russia. Functioning of the Russian language on the Internet: Conceptual and essential dominants] (2nd ed.). RUDN. (In Russian).

Поступила в редакцию 28.07.2026 г.

E. V. Alimpiyeva

PRAGMATIC POTENTIAL OF VERBAL NEONOMINATIONS REPRESENTING INCHOATIVE AND FINITIVE MANNERS OF ACTION IN RUSSIAN-LANGUAGE SOCIAL MEDIA DISCOURSE

The paper characterizes the concepts of inchoative manner of verbal action and terminative manner of verbal action used in linguopragmatics, interpreted as phasal-temporal modifications with the prefixes *za-*, *po-*, *ot-*, and *do-*, which are included in the macrostructure of temporal manners of action. The pragmatic potential of inchoative and finitive neoderivatives is defined, and the role of linguistic compression processes in their formation is determined. The key characteristics of the inchoative and terminative manners of verbal action as effective tools for structuring amorphous digital time are formulated. As the main property of the studied verbal new formations as a linguistic category, we highlight the possibility of minimizing the rhetorical efforts of Internet users by collapsing polycomponent descriptive phrases into concise single-word equivalents. As a material for analysis, 33 affixal verbal neologisms (517 tokens) extracted from the «Social Networks» subcorpus of the Russian National Corpus were selected. Based on the results of their analysis, the quantitative and functional-pragmatic characteristics of the actional classes included in them are determined and described, and their systemic comparative connection with the delimitative manner of action is established.

Keywords: *temporal manners of verbal action, inchoative manner of action, terminative manner of action, digital discourse, morphemic neoderivative, semantic derivative, pragmatics.*

Алимпиева Елена Викторовна.
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь.
Кандидат филологических наук.
Доцент кафедры мировых языков.
ORCID 0000-0001-8841-6550.
E-mail: elena.alimpieva@gmail.com.

Alimpiyeva Elena Viktorovna.
Vitebsk State P. M. Masharov University,
Vitebsk, Republic of Belarus.
Candidate of Philology.
Associate professor of the World Languages
Department.
ORCID 0000-0001-8841-6550.
E-mail: elena.alimpieva@gmail.com.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81'373.611
DOI: 10.5281/zenodo.22910245

А. В. Чистоклетова © 2026

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
ORCID 0009-0002-2259-7218

АББРЕВИАТУРНЫЕ ГНЕЗДА В АББРЕВИАТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ «АВТО-МОТО-ВЕЛО»

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматривается аббревиатурная парадигма «авто-мото-вело» как совокупность аббревиатурных групп, объединённых общим аббревиатурно-ономасиологическим полем «транспортные средства». Уточняются ключевые понятия теории Донецкой дериватологической школы: аббревиатурная парадигма, аббревиатурное гнездо и гнездо эквивалентности. На материале 651 сложносокращённого слова, отобранного из словаря «Толкового словаря сложносокращённых слов», выделено 39 аббревиатурных гнезд. Для каждого гнезда составлены формальные схемы эквивалентов и выявлены структурно сходные дешифровальные стимулы. Установлено, что в рамках одной парадигмы реализуется минимум один общий для всех групп ряд дешифровальных стимулов, при этом наиболее регулярным является презентативный дешифровальный стимул — адъективный эквивалент, фиксируемый в 33 из 39 гнезд. Результаты вносят вклад в системное описание аббревиатурной лексики и могут быть использованы при составлении специализированных словарей.

Ключевые слова: аббревиатурная группа, аббревиатурная парадигма, аббревиатурно-ономасиологическое поле, гнездо эквивалентности, дешифровальный стимул, сложносокращённое слово.

Для цитирования: Чистоклетова А. В. Аббревиатурные гнезда в аббревиатурной парадигме «авто-мото-вело» / А. В. Чистоклетова // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 3. — С. 79–91. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.22910245>.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-20134, <https://rscf.ru/project/26-18-20134>. «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении».

Целью работы является описание аббревиатурных гнезд, представленных в аббревиатурной парадигме *авто-мото-вело* (*автомобильный* — *велосипедный* — *мотоциклетный*). Под **аббревиатурной парадигмой** нами понимается «совокупность аббревиатурных групп с аббревиатурными конструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле» [8, с. 91].

Для достижения данной цели были сформулированы следующие **задачи**:

- уточнить понятия «аббревиатурная парадигма» и «аббревиатурное гнездо»;
- доказать принадлежность включенных в рассматриваемую парадигму аббревиатурных групп к одному аббревиатурно-ономасиологическому полю;
- определить степень структурного сходства гнезд эквивалентности аббревиатурных групп, входящих в одну аббревиатурную парадигму.

Актуальность работы определяется тем, что в ней впервые представлено описание аббревиатурных гнезд, входящих в одну аббревиатурную парадигму, с точки зрения структурного сходства реализуемых в них дешифровальных стимулов.

Объектом исследования является аббревиатурная парадигма *авто-мото-вело*, объединяющая аббревиатурные группы *авто-*, *мото-* и *вело-* и входящие в них сложносокращенные слова, а **предметом** — формируемые ими аббревиатурные гнезда.

Материалом для исследования стала 651 частично сокращённая и слоговая аббревиатура (и, соответственно, 651 гнездо эквивалентности). Источником материала послужил словник создаваемого Донецкой дериватологической школой «Толкового словаря сложносокращённых слов».

Аббревиатурная парадигма — это «совокупность аббревиатурных групп с абброконструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле» [8, с. 91]. **Аббревиатурная группа** представляет собой объединение сложносокращенных слов, имеющих одинаковый начальный абброконструкт. Например, слова *автоавария*, *автовладелец*, *автокомпания* и под. имеют одинаковый начальный конструкт *авто-*, на основании чего входят в аббревиатурную группу «*авто*»; слова *зоолаборатория*, *зоомагазин*, *зооуголок* и под. имеют одинаковый начальный конструкт *зоо-* и входят в аббревиатурную группу «*зоо*» и т. д.

Под **сложносокращённым словом** мы понимаем аббревиатуру, «связанную мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащую в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом)» [9, с. 74], определяемым как «часть аббревиатуры, представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [8, с. 74]. Абброконструкт служит для «замещения слова/слов исходного идиоматизированного словосочетания-синлекса» [7, с. 21]. Например, сложносокращёнными являются слово *мототрасса*, состоящее из абброконструкта *мото-* и полного эквивалента слова (< *мотоциклетная трасса*, *трасса для мотоциклов*), слово *сельхозорганизация*, также состоящее из абброконструкта *сельхоз-* и полного эквивалента слова (< *сельскохозяйственная организация*, *организация сельскохозяйственного производства*), а также слоговая аббревиатура *завлит*, состоящая из двух абброконструктов (< *заведующий литературной частью*). Эквивалентные сложносокращённым словам словосочетания употребляются с ними в эквивалентных текстах — текстах, «в которых аббревиатура и эквивалентное словосочетание используются для обозначения одного и того же референта, то есть как абсолютные синонимы» [8, с. 76], например, аббревиатура *сельхозоборудование* и её эквивалент *оборудование для сельхозтехники: По итогам участия делегации Дагдизеля в Агропромышленном форуме юга России завод уже заключил контракты на производство сельхозоборудования. — Предварительное соглашение достигнуто на производство навесного оборудования для сельхозтехники (плуги, культиваторы, опрыскиватели, дисковые бороны и комплектующие к ним) с ООО «Ростовский завод сельхозмашин»*. (<https://dagdizel.ru/news/172-dagdizel-zaklucil-dogovor-na-postavku-selhozoborudovania>).

Аббревиатурные группы, объединённые одной аббревиатурной парадигмой, входят в одно **аббревиатурно-ономасиологическое поле** (объединение сложносокращенных слов, «которые характеризуются наличием тождественного компонента в составе значений, но обладают различной спецификой представленности концептуальных знаний» [1, с. 22]; «такое объединение аббревиатур, которое раскрывает особенности номинативной деятельности индивидуума при назывании объектов одного понятийного класса» [5, с. 14]), понимаемое нами как объединение сложносокращенных слов, базисные компоненты которых относятся к одной лексико-семантической группе. Аббревиатурные группы «*агро*» (*аграрный*) и «*сельхоз*» (*сельскохозяйственный*) объединяют сложносокращенные слова с синонимичными абброконструктами, выражающими принадлежность объекта номинации к сфере сельского хозяйства, например *агроавиация* — «структурное подразделение агрохозяйства, использующее самолёты и вертолёты для выполнения разнообразных сельхозработ». Такое же значение имеет сложносокращённое слово *сельхозавиация* — они употребляются в одном тексте как абсолютные синонимы: *По сей день агроавиация*

остается незаменимым инструментом сельхозпроизводителей, помогающим добиваться рекордных урожаев. — 8 июля 2022 г. исполнилось 100 лет **сельхозавиации** России. (<https://www.aviaport.ru/news/724061/>). Подобное синонимичное употребление возможно и для пары *агровуз* — *сельхозвуз*: Согласно статистике, в **агровузы** почти не поступают олимпиадники, а медалистов просто очень мало.» — «К тому же, многие выпускники школ идут в **сельхозвуз** только «ради корочки», заведомо зная, что не будут работать по специальности, — согласно крайне грустной статистике, это 85-90 % молодых людей. (<https://direct.farm/post/samyye-ostryye-problemy-agroobrazovaniya-11239>); для пары *агрополитика* — *сельхозполитика*: Продуманная **агрополитика** позволила ЕС в течение 10—15 лет пройти путь от импортера сельхозпродукции до положения (близкого к самообеспечению) второго мирового экспортера. — Однако со временем общая **сельхозполитика** стала не столько способствовать интеграции и подталкивать другие сферы к взаимопереплетению, сколько тормозить поступательность движения. (<https://economics.studio/mejdunarodnaya-ekonomika/obschaya-selskohozyaystvennaya-politika-primer-87399.html>) и под.

Сложносокращенные слова, входящие в аббревиатурные группы «**авто**» (автомобильный), «**мото**» (мотоциклетный) и «**вело**» (велосипедный), имеют общий для них всех базовый компонент значения — они обозначают понятия, относящиеся к сфере транспортных средств и их функционирования. Так, сложносокращенные слова *автоавария*, *мотоавария* и *велоавария* имеют практически идентичные значения — «дорожное происшествие, произошедшее в процессе движения **автомобиля** / **велосипеда** / **мотоцикла**, при котором погибли или пострадали люди или повреждены транспортные средства, сооружения, грузы, либо причинён иной материальный ущерб». Подобное сходство значений наблюдается и в ряде *автоаксессуары* — *велоаксессуары* — *мотоаксессуары*: «вспомогательные, необязательные детали, обычно декоративного назначения, используемые в автомобилях / мотоциклах / на велосипедах» и других. Данные аббревиатурные группы можно объединить в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле — «транспортные средства», на основании чего мы делаем вывод, что они входят в одну аббревиатурную парадигму.

Каждое сложносокращенное слово имеет хотя бы один текстовый эквивалент, под которым подразумевается «единица, полностью или частично совпадающая с данным конструктом на уровне формы и имеющая с ним текстуально подтверждаемое тождественное значение, то есть могущая заменить его в эквивалентном тексте при замене аббревиатуры словосочетанием без изменения её значения» [8, с. 87]. Например, словосочетание *автомобильная база* употребляется в одном тексте с сложносокращенным словом *автобаза* как его абсолютный синоним: В период Великой Отечественной войны **автобаза** выполняла специальные задания командования, осуществляя связь с армиями по координации военных действий. — **Автомобильная база** принимала непосредственное участие в обеспечении боевых операций (<http://redstar.ru/vyhodyat-na-osobo-vazhnye-rejsy/>), следовательно, является его эквивалентом.

Многие сложносокращенные слова могут иметь несколько текстовых эквивалентов. Это объясняется наличием в сознании говорящих нескольких дешифровальных стимулов для одного и того же абброконструкта. Под дешифровальным стимулом понимается «способ развертывания сокращенного конструкта аббревиатуры» [3, с. 491], «имплицитные знания носителя языка, которые стимулируют возможность дешифрования сложного слова тем или иным способом» [6, с. 85-86]. Например, эквивалентом абброконструкта *вело-* в сложносокращенном слове *велогонка* является существительное *велосипед* (*велогонка* — *гонка на велосипедах*). Сложносокращенное слово, имеющее несколько эквивалентов, формирует **гнездо эквивалентности**, то есть «совокупность актуально сосуществующих словосочетаний, связанных отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с ней в эквивалентных текстах» [8, с. 76]. Сложносокращенное слово *велодорога* имеет эквиваленты *велосипедная дорога*,

дорога велосипеда, дорога велосипедов, дорога для велосипедистов, дорога для велосипеда и дорога для велосипедов, формирующие его гнездо эквивалентности.

Под **аббревиатурным гнездом** понимается «совокупность гнезд эквивалентности с тождественным базисом (например, *авиазавод*, *бронезавод*, *химзавод*, *мясозавод* и др.)» [4, с. 237]. Например, в аббревиатурное гнездо «выставка» входят гнезда эквивалентности слов, имеющих базисный компонент (та часть слова, которая не соответствует абброконструкту) *-выставка*: *автовыставка*, *веловыставка*, *мотовыставка*; в аббревиатурное гнездо «деталь» — гнезда эквивалентности с базисом *-деталь*: *автомодель*, *веломодель*, *мотомодель* и т. д.

Предполагается, что для сложносокращенных слов, входящих в одно аббревиатурное гнездо, «при условии тождества их ономазиологического признака возможно составление общей предельной матрицы» [10, с. 89], т. е. одновременная реализация структурно сходных дешифровальных стимулов. Например, в аббревиатурном гнезде «завод» реализуются дешифровальные стимулы *автомобильный* (*автозавод* — *автомобильный завод*), *велосипедный* (*велозавод* — *велосипедный завод*) и *мотоциклетный* (*мотозавод* — *мотоциклетный завод*), представляющие собой простые прилагательные.

Для описания аббревиатурных гнезд нами используются формальные схемы эквивалентов входящих в них сложносокращенных слов. В них указываются формально-грамматические статусы компонентов эквивалентного словосочетания: **у** — главное слово эквивалентного словосочетания; **х** — простое существительное-эквивалент абброконструкта в составе дешифровального стимула (с указанием числа и номера падежа в верхнем регистре); **х(ад)** — простое прилагательное-эквивалент абброконструкта в составе дешифровального стимула; **а** — конструкт эквивалентного сложносокращенного слова, не представленный в аббревиатуре; **z** — слово, входящее в сложное эквивалентное словосочетание, но не имеющее эквивалентов в структуре аббревиатуры; **х¹** и **х²** — главный и не препозитивный абброконструкты соответственно в эквивалентных словосочетаниях, включающих сложные слова, абброконструкты которых сохраняются в аббревиатурах; а также приводятся в скобках, там, где это необходимо, предлоги.

Всего в аббревиатурной парадигме **авто-мото-VELO** нами было обнаружено 39 аббревиатурных гнезд.

• **Аббревиатурное гнездо «промышленность»** (‘отрасль промышленности, осуществляющая производство *автомобилей* / *велосипедов* / *мотоциклов*’). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автомобильная промышленность*, *велосипедная промышленность* и *мотоциклетная промышленность*. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) **х(ад)** — **х(ад)-у**: *автомобильная промышленность*, *велосипедная промышленность*, *мотоциклетная промышленность*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 100 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «спорт»** (‘категория технических видов спорта, в которых соревнуются в скорости прохождения трассы или в фигурном вождении *автомобилей* / *велосипедов* / *мотоциклов*’). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автоспорт*, *велоспорт* и *мотоспорт*. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) **х(ад)** — **х(ад)-у**: *автомобильный спорт*, *велосипедный спорт*, *мотоциклетный спорт*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 100 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «туризм»** (‘поездки на *автомобиле* / *велосипеде* / *мотоцикле* по каким-либо местам, странам’). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автотуризм*, *велотуризм* и *мототуризм*. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) **х(ад)** — **х(ад)-у**: *автомобильный туризм*, *велосипедный туризм*, *мотоциклетный туризм*. Количество эквивалентов, в

которых они реализуются, составляет 100 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «завод»** ('предприятие, занимающееся производством *автомехники / мототехники / велосипедов* и запчастей к ним'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автозавод, велозавод и мотозавод*. Для него нами было выделено три ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильный завод, велосипедный завод, мотоциклетный завод*; 2) x — $y-x^{mn2}$: *завод автомобилей, завод велосипедов, завод мотоциклов*; 3) $z-x$ — $y-(no)z^{ed3}-x^{mn2}$: *завод по производству автомобилей, завод по производству велосипедов, завод по производству мотоциклов*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 90 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «кросс»** ('*автогонка / велогонка* на грунтовой кольцевой трассе / гонка на специальных спортивных мотоциклах, проводимая на пересеченной местности'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автокросс, велокросс и мотокросс*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильный кросс, велосипедный кросс, мотоциклетный кросс*; 2) x — $y-(na)x^{mn6}$: *кросс на автомобилях, кросс на велосипедах, кросс на мотоциклах*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 86 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «ралли»** ('многодневные спортивные соревнования на *автомобилях / велосипедах / мотоциклах* в заданном режиме движения по определённом маршруту'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *авторалли, велоралли и моторалли*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильное ралли, велосипедное ралли, мотоциклетное ралли*; 2) x — $y-(na)x^{mn6}$: *ралли на автомобилях, ралли на велосипедах, ралли на мотоциклах*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 67 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «товары»** ('*автомобили / велосипеды / мотоциклы*, комплектующие и аксессуары к ним как предмет торговли'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автотовары, велотовары и мототовары*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильные товары, велосипедные товары, мотоциклетные товары*; 2) x — 2а) $y-(для)x^{ed2}$: *товары для автомобиля, товары для велосипеда, товары для мотоцикла*; 2б) $y-(для)x^{mn2}$: *товары для автомобилей, товары для автомобилистов, товары для велосипедов, товары для велосипедистов, товары для мотоциклов, товары для мотоциклистов*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 67 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «трасса»** ('направление линии *автодороги / дорога* для тренировок и соревнований по *велоспорту / мотоспорту*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автотрасса, велотрасса и мототрасса*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильная трасса, велосипедная трасса, мотоциклетная трасса*; 2) x — $y-(для)x^{mn2}$: *трасса для автомобилей, трасса для велосипедов, трасса для мотоциклов*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 67 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «гонка»** ('спортивные соревнования в скоростной езде на *автомобилях / велосипедах / мотоциклах*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автогонка, велогонка и мотогонка*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильная гонка, велосипедная гонка, мотоциклетная гонка*; 2) x — 2а) $y-x^{mn2}$: *гонка автомобилей, гонка велосипедов, гонка мотоциклов*; 2б) $y-(na)x^{mn6}$: *гонка на автомобилях, гонка на велосипедах,*

гонка на мотоциклах. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 64 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «гонщик»** ('спортсмен, участвующий в автогонках / велогонках / мотогонках'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автогонщик*, *велогонщик* и *мотогонщик*. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильный гонщик*, *велосипедный гонщик*, *мотоциклетный гонщик*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 60 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «путешествие»** ('поездка на автомобиле / велосипеде / мотоцикле по каким-либо местам, странам'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автопутешествие*, *велопутешествие* и *мотопутешествие*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильное путешествие*, *велосипедное путешествие*, *мотоциклетное путешествие*; 2) x — $y-(на)x^{ed6}$: *путешествие на автомобиле*, *путешествие на велосипеде*, *путешествие на мотоцикле*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 60 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «соревнования»** ('деятельность, участники которой стремятся опередить, превзойти друг друга в автоспорте / велоспорте / мотоспорте'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автосоревнования*, *велосоревнования* и *мотосоревнования*. Для него нами было выделено четыре ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильные соревнования*, *велосипедные соревнования*, *мотоциклетные соревнования*; 2) x — $y-(на)x^{mnb}$: *соревнования на автомобилях*, *соревнования на велосипедах*, *соревнования на мотоциклах*; 3) $x(ad)-z$ — 3а) $y-(по)x(ad)^{ed3}-z^{ed3}$: *соревнования по автомобильному спорту*, *соревнования по велосипедному спорту*, *соревнования по мотоциклетному спорту*; 4) $x-a$ — 4а) $y-(в)x-a^{ed6}$: *соревнования в автоспорте*, *соревнования в велоспорте*, *соревнования в мотоспорте*; 4б) $y-(по)x-a^{ed3}$: *соревнования по автоспорту*, *соревнования по велоспорту*, *соревнования по мотоспорту*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 58 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «шина»** ('надувная оболочка из прорезиненной ткани, надеваемая на колеса автомобиля / велосипеда / мотоцикла'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автошина*, *VELOшина* и *мотошина*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильная шина*, *велосипедная шина*, *мотоциклетная шина*; 2) x — 2а) $y-x^{ed2}$: *шина автомобиля*, *шина велосипеда*, *шина мотоцикла*; 2б) $y-(для)x^{ed2}$: *шина для автомобиля*, *шина для велосипеда*, *шина для мотоцикла*; 2в) $y-(на)x^{ed4}$: *шина на автомобиль*, *шина на велосипед*, *шина на мотоцикл*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 57 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «авария»** ('дорожное происшествие, произошедшее в процессе движения автомобиля / велосипеда / мотоцикла, при котором погибли или пострадали люди или повреждены транспортные средства, сооружения, грузы, либо причинён иной материальный ущерб'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автоавария*, *VELOавария* и *мотоавария*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)$: *автомобильная авария*, *велосипедная авария*, *мотоциклетная авария*; 2) x — 2а) $y-x^{ed2}$: *авария автомобиля*, *авария велосипеда*, *авария мотоцикла*; 2б) $y-x^{mn2}$: *авария автомобилей*, *авария велосипедов*, *авария мотоциклов*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 56 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «навигатор»** ('портативное электронное устройство, осуществляющее адресный поиск и прокладывание маршрута движения *автомобиля / велосипеда / мотоцикла*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автонавигатор, велонавигатор и мотонавигатор*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильный навигатор, велосипедный навигатор, мотоциклетный навигатор*; 2) x — 2а) $y-x^{ed2}$: *навигатор автомобиля, навигатор велосипеда, навигатор мотоцикла*; 2б) $y-(для)x^{ed2}$: *навигатор для автомобиля, навигатор для велосипеда, навигатор для мотоцикла*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 56 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «рынок»** ('сфера товарного обращения в области продукции *автопромышленности / велопромышленности / мотопромышленности*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *авторынок, велорынок и моторынок*. Для него нами было выделено три ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильный рынок, велосипедный рынок, мотоциклетный рынок*; 2) x — $y-x^{mn2}$: *рынок автомобилей, рынок велосипедов, рынок мотоциклов*; 3) $x-a$ — $y-x-a^{mn2}$: *рынок автотоваров, рынок велотоваров, рынок мототоваров*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 56 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «деталь»** ('функциональная часть *автомобиля / велосипеда / мотоцикла*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автодеталь, велодеталь и мотодеталь*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильная деталь, велосипедная деталь, мотоциклетная деталь*; 2) x — 2а) $y-x^{ed2}$: *деталь автомобиля, деталь велосипеда, деталь мотоцикла*; 2б) $y-(для)x^{ed2}$: *деталь для автомобиля, деталь для велосипеда, деталь для мотоцикла*; 2в) $y-x^{mn2}$: *деталь автомобилей, деталь велосипедов, деталь мотоциклов*; 2г) $y-(для)x^{mn2}$: *деталь для автомобилей, деталь для велосипедов, деталь для мотоциклов*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 52 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «запчасти»** ('изделия, детали, являющиеся составными частями *автомобиля / велосипеда / мотоцикла*, предназначенные для замены находившихся в эксплуатации таких же частей с целью ремонта'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автозапчасти, велозапчасти и мотозапчасти*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x^1(ad)-(x^2y)$: *автомобильные запчасти, велосипедные запчасти, мотоциклетные запчасти*; 2) x — 2а) $x^2(ad)-y-(для)x^{1(mn2)}$: *запасные части для автомобилей, запасные части для велосипедов, запасные части для мотоциклов*; 2б) $(x^2y)-x^{1(ed2)}$: *запчасти автомобиля, запчасти велосипеда, запчасти мотоцикла*; 2в) $(x^2y)-x^{1(mn2)}$: *запчасти автомобилей, запчасти велосипедов, запчасти мотоциклов*; 2г) $(x^2y)-(для)x^{1(mn2)}$: *запчасти для автомобилей, запчасти для велосипедов, запчасти для мотоциклов*; 2д) $(x^2y)-(на)x^{1(mn3)}$: *запчасти на автомобили, запчасти на велосипеды, запчасти на мотоциклы*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 50 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «инструмент»** ('ручное орудие для производства каких-нибудь работ по ремонту или изготовлению *автотранспортных средств / велосипедов / мототранспортных средств*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автоинструмент, велоинструмент и мотоинструмент*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильный инструмент, велосипедный инструмент, мотоциклетный инструмент*; 2) $z-x$ — 2а) $y-(для)z^{ed2}-x^{ed2}$: *инструмент для ремонта автомобиля, инструмент для ремонта велосипеда, инструмент для ремонта мотоцикла*; 2б) $y-(для)z^{ed2}-x^{mn2}$: *инструмент для ремонта автомобилей, инструмент для ремонта велосипедов, инструмент для ремонта мотоциклов*.

мотоциклов. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 50 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «пробег»** ('пробег на *автомобилях* / *велосипедах* / *мотоциклах* по определённом маршруту со спортивными, испытательными и др. целями'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автопробег*, *велопробег* и *мотопробег*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильный пробег*, *велосипедный пробег*, *мотоциклетный пробег*; 2) x — $y-(на)x^{mn2}$: *пробег на автомобилях*, *пробег на велосипедах*, *пробег на мотоциклах*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 50 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «аптечка»** ('обязательный набор медикаментов для оказания доврачебной помощи, который должен находиться в *автотранспортном средстве* / *на велосипеде* / *на мотоцикле*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автоаптечка*, *велоаптечка* и *мотоаптечка*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильная аптечка*, *велосипедная аптечка*, *мотоциклетная аптечка*; 2) x — $y-(для)x^{ed2}$: *аптечка для автомобиля*, *аптечка для велосипеда*, *аптечка для мотоцикла*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 46 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «магазин»** ('специализированный магазин по продаже *автотоваров* / *велотоваров* / *мототоваров*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автомагазин*, *веломагазин* и *мотомагазин*. Для него нами было выделено четыре ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильный магазин*, *велосипедный магазин*, *мотоциклетный магазин*; 2) x — $y-x^{mn2}$: *магазин автомобилей*, *магазин велосипедов*, *магазин мотоциклов*; 3) $z-x$ — 3а) $y-z^{mn2}-(для)x^{ed2}$: *магазин запчастей для автомобиля*, *магазин запчастей для велосипеда*, *магазин запчастей для мотоцикла*; 3б) $y-z^{mn2}-(для)x^{mn2}$: *магазин запчастей для автомобилей*, *магазин запчастей для велосипедов*, *магазин запчастей для мотоциклов*; 3в) $y-(по)z^{ed3}-x^{mn2}$: *магазин по продаже автомобилей*, *магазин по продаже велосипедов*, *магазин по продаже мотоциклов*; 4) $x-a$ — $y-x-a^{mn2}$: *магазин автоаксессуаров*, *магазин автозапчастей*, *магазин автотоваров*, *магазин велоаксессуаров*, *магазин велозапчастей*, *магазин велотоваров*, *магазин мотоаксессуаров*, *магазин мотозапчастей*, *магазин мототоваров*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 46 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «клуб»** ('общественная организация, которая объединяет любителей *автодела*, *автомоделизма*, *автоспорта* / *мотоспорта*, *мотомоделирования и т. д.* / *велосипедных поездок* или профессиональных *велоспортсменов*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автоклуб*, *велоклуб* и *мотоклуб*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильный клуб*, *велосипедный клуб*, *мотоциклетный клуб*; 2) x — $y-x^{mn2}$: *клуб автомобилистов*, *клуб велосипедистов*, *клуб мотоциклистов*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 43 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «колонна»** ('тип строя (построения) *автосредств* / *велосипедов* / *мотоциклов*, при котором они располагаются один за другим'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автоколонна*, *велоколонна* и *мотоколонна*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильная колонна*, *велосипедная колонна*, *мотоциклетная колонна*; 2) x — $y-x^{mn2}$: *колонна автомобилей*, *колонна велосипедов*, *колонна мотоциклов*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 43 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «компания»** ('торговое или промышленное предприятие в *автоотрасли* / занимающееся производством или продажей *велотоваров* / в *мотоциклетной отрасли*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автокомпания*, *велокомпания* и *мотокомпания*. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильная компания*, *велосипедная компания*, *мотоциклетная компания*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 43 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «любитель»** ('тот, кто увлекается ездой на *автомобиле* / *велосипеде* / *мотоцикле*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автолюбитель*, *велолучитель* и *мотолучитель*. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) x — $y-x^{mn2}$: *любитель автомобилей*, *любитель велосипедов*, *любитель мотоциклов*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 43 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «школа»** ('учебное заведение, в котором обучают езде на *автосредствах* / *велосипедах* / *мотоциклах*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автошкола*, *велошкола* и *мотошкола*. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильная школа*, *велосипедная школа*, *мотоциклетная школа*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 43 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «аксессуары»** ('вспомогательные, необязательные детали, обычно декоративного назначения, используемые в *автомобилях* / на *велосипедах* / на *мотоциклах*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автоаксессуары*, *VELOаксессуары* и *мотоаксессуары*. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) x — 1а) $y-x^{ed2}$: *аксессуары автомобиля*, *аксессуары велосипеда*, *аксессуары мотоцикла*; 1б) $y-(для)x^{ed2}$: *аксессуары для автомобиля*, *аксессуары для велосипеда*, *аксессуары для мотоцикла*; 1в) $y-(на)x^{ed4}$: *аксессуары на автомобиль*, *аксессуары на велосипед*, *аксессуары на мотоцикл*; 1г) $y-(для)x^{mn2}$: *аксессуары для автомобилей*, *аксессуары для велосипедов*, *аксессуары для мотоциклов*; 1г) $y-(к)x^{mn3}$: *аксессуары к автомобилям*, *аксессуары к велосипедам*, *аксессуары к мотоциклам*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 40 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «индустрия»** ('отрасль промышленности, осуществляющая разработку, производство, испытания, ремонт и утилизацию *автотехники* / *велотехники* / *мототехники*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автоиндустрия*, *VELOиндустрия* и *мотоиндустрия*. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)-y$: *автомобильная индустрия*, *велосипедная индустрия*, *мотоциклетная индустрия*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 38 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «салон»** ('специализированный магазин по розничной продаже *автомобилей* / *велотоваров* / *мотоциклов*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автосалон*, *велосалон* и *мотосалон*. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) x — $y-x^{mn2}$: *салон автомобилей*, *салон велосипедов*, *салон мотоциклов*. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 38 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «выставка»** ('демонстрация достижений *автопромышленности* / *VELOиндустрии* / *мотопромышленности*'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур *автовыставка*, *VELOвыставка* и *мотовыставка*. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ —

$x(ad)$ -у: автомобильная выставка, велосипедная выставка, мотоциклетная выставка; 2) x — $y-x^{nn2}$: выставка автомобилей, выставка велосипедов, выставка мотоциклов. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 33 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «состязания»** ('деятельность, участники которой стремятся опередить, превзойти друг друга в автоспорте / велоспорте / мотоспорте'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур автосостязания, велосостязания и мотосостязания. Для него нами было выделено два ряда структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)$ -у: автомобильные состязания, велосипедные состязания, мотоциклетные состязания; 2) x — $y-(на)x^{nn6}$: состязания на автомобилях, состязания на велосипедах, состязания на мотоциклах. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 33 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «сервис»** ('предприятие, осуществляющее услуги по ремонту и наладке автотранспортных средств / велосипедов / мототранспортных средств'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур автосервис, велосервис и мотосервис. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) x — $y-(для)x^{nn2}$: сервис для автомобилистов, сервис для велосипедистов, сервис для мотоциклистов. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 30 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «фирма»** ('торговое или промышленное предприятие в автомобильной / велосипедной / мотоциклетной отрасли'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур автофирма, велофирма и мотофирма. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)$ -у: автомобильная фирма, велосипедная фирма, мотоциклетная фирма. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 30 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «поездка»** ('короткое путешествие на автомобиле / велосипеде / мотоцикле'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур автопоездка, велопоездка и мотопоездка. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)$ -у: автомобильная поездка, велосипедная поездка, мотоциклетная поездка. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 27 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «новости»** ('жанр журналистики: сообщения о последних событиях в автомобильной / велосипедной / мотоциклетной отрасли'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур автоновости, велоновости и мотоновости. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)$ -у: автомобильные новости, велосипедные новости, мотоциклетные новости. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 25 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «мастерская»** ('предприятие по ремонту автотранспорта / велосипедов / мототранспорта'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур автомастерская, веломастерская и мотомастерская. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов: 1) $x(ad)$ — $x(ad)$ -у: автомобильная мастерская, велосипедная мастерская, мотоциклетная мастерская. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 19 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «движение»** ('перевозка пассажиров и грузов при помощи автотранспорта / велотранспорта / мототранспорта; езда на автомобиле / велосипеде / мотоцикле'). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур автодвижение, велодвижение и мотодвижение. Для него нами был выделен один ряд структурно сходных

дешифровальных стимулов: 1) x — $y-x^{mn2}$: движение автомобилей, движение велосипедов, движение мотоциклов. Количество эквивалентов, в которых они реализуются, составляет 16 % от общего числа эквивалентов аббревиатур данного аббревиатурного гнезда.

• **Аббревиатурное гнездо «прокат»** (‘1) Краткосрочная автоаренда / аренда велосипедов / мотоаренда. 2) Предприятие, предоставляющее автомобили / велосипеды / мотоциклы в краткосрочную аренду’). Включает гнезда эквивалентности аббревиатур автопрокат, велопрокат и мотопрокат. Для него не было выделено структурно сходных дешифровальных стимулов, которые включались бы во все три гнезда эквивалентности одновременно (выделяются только дешифровальные стимулы, включаемые в два гнезда эквивалентности из трех: x (прокат автомобиля, прокат велосипеда), $x-a$ (прокат автотранспорта, прокат мототранспорта) и т. д.).

В каждом из выделенных аббревиатурных гнезд (за исключением гнезда «прокат») отмечается минимум один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов, реализуемых одновременно во всех трех гнездах эквивалентности. Помимо этого, отмечается большое количество таких дешифровальных стимулов, реализуемых в двух из трех гнезд эквивалентности: аксессуар к автомобилю — аксессуар к велосипеду (формальная модель $y-(k)x^{ed3}$), клуб для автомобилистов — клуб для мотоциклистов (формальная модель $y-(для)x^{mn2}$) и др.

Наиболее часто во всех гнездах эквивалентности, включенных в одно аббревиатурное гнездо, реализуется презентативный дешифровальный стимул («грамматически подчиненный ономазиологическому базису ономазиологический признак, выраженный адъективно и имеющий обобщенное значение, что обеспечивает нулевую степень интерпретации аббревиатуры» [2, с. 100]) вида $x(ad)$, т. е. простое прилагательное, имеющее обобщенное значение. Его наличие отмечается в 33 аббревиатурных гнездах из 39 рассмотренных.

Таким образом, нами было установлено, что аббревиатурная парадигма представляет собой объединение сложносокращенных слов с аббревиатурными конструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономазиологическое поле, которое является объединением лексико-семантических групп сложносокращенных слов; а аббревиатурное гнездо — совокупность гнезд эквивалентности сложносокращенных слов с тождественным базисом. В ходе работы были выделены аббревиатурные гнезда, входящие в аббревиатурную парадигму *авто-мото-VELO*, для каждого из них составлены формальные схемы эквивалентов входящих в них сложносокращенных слов. Было установлено, что в аббревиатурных гнездах, выделяемых в составе одной аббревиатурной парадигмы, отмечается минимум один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов, реализуемых одновременно во всех гнездах эквивалентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Браун Д. А. Принципы описания аббревиатурного ономазиологического поля «точечные объекты» / Д. А. Браун // Новые горизонты русистики. — 2023. — № 3 (21). — С. 21–27.
2. Бровец А. И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова. — 2017. — № 6. — С. 98–107.
3. Бровец А. И. Дешифровальный стимул сложносокращенного слова : к проблеме определения и описания / А. И. Бровец // Русистика. — 2019. — Т. 17. — № 4. — С. 487–501.
4. Крестьянинова Е. С. Текстовая эквивалентность аббревиатур, входящих в аббревиатурное гнездо «завод» : ономазиологический класс «завод, связанный с животными» / Е. С. Крестьянинова // Русский язык в поликультурном мире : II Международный симпозиум : сб. науч. ст.: в 2 т. Симферополь : АРИАЛ. — 2018. — Т. 2. — С. 237–242.
5. Лялюк А. А. Аббревиационно-ономазиологическое поле «строения» : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / А. А. Лялюк. — Донецк. — 2020. — 30 с.
6. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул как источник интерпретации сложного слова / В. А. Рязанова // Социокультурная среда вуза и языковое развитие личности иностранного студента : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. М. : РГУ имени А. Н. Косыгина. — 2019. — С. 84–88.

7. Теркулов В. И., Смирнова И. Р. Абброконструкт: принципы определения и описания / В. И. Теркулов, И. Р. Смирнова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2022. — №2 — С. 28–40.
8. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.
9. Теркулов В. И. Типология формальных эквивалентностных аббревиатурных трактовок сложносокращённого слова / В. И. Теркулов // Сталинградская гвоздика: Сб. материалов междунар. конф. / Под ред. И. А. Прихожан и В. И. Супруна. Волгоград: Фортесс. — 2018. — Вып. 3. — С. 82–91.
10. Теркулов В. И. Парадигматика сложносокращённого слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений // Русистика. — 2023. — Т. 21. — № 1. — С. 79–96.

REFERENCES

1. Bratsun, D. A. (2023). Printsipy opisaniya abbreviaturnogo onomasiologicheskogo polya «tochechnye ob"ekty» [Principles of describing the abbreviation onomasiological field “point objects”]. *Novye gorizonty rusistiki*, (3), 21–27. (In Russ.)
2. Brovets, A. I. (2017). Modifikatsionnyy interpretativnyy deshifroval'nyy stimul slozhnosokrashchennogo slova [Modificational interpretative decoding stimulus of a compound word]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, (6), 98–107. (In Russ.)
3. Brovets, A. I. (2019). Deshifroval'nyy stimul slozhnosokrashchennogo slova : k probleme opredeleniya i opisaniya [The deciphering stimulus of a compound word: The problem of definition and description]. *Russian Language Studies*, 17(4), 487–501. (In Russ.)
4. Kretyaninova, E. S. (2018). Tekstovaya ekvivalentnost' abbreviatuur, vkhodyashchikh v abbreviaturnoe gnezdo «zavod» : onomasiologicheskii klass «zavod, svyazannyi s zhyvotnymi» [Textual equivalence of abbreviations included in the abbreviation nest “factory”: Onomasiological class “factory associated with animals”]. In *Russian Language in the Multicultural World: Proceedings of II International Symposium* (Vol. 2, pp. 237–242). Simferopol: ARIAL Publ. (In Russ.)
5. Lyalyuk, A. A. (2020). *Abbreviativno-onomasiologicheskoe pole “stroeniya”* [Abbreviation-onomasiological field “buildings”] (Extended abstract of Candidate’s thesis). Donetsk. 30 p. (In Russ.)
6. Ryazanova, V. A. (2019). Deshifroval'nyy stimul kak istochnik interpretatsii slozhnogo slova [Decryption stimulus as a source of interpretation of a complex word]. In *Socio-Cultural Environment of the University and the Language Development of the Personality of a Foreign Student: Proceedings of the Scientific and Practical Conference* (pp. 84–88). Moscow: RGU imeni A. N. Kosygina Publ. (In Russ.)
7. Terkulov, V. I. (2017). Slozhnosokrashchennyye slova: sinkhronnyy i diakhronnyy aspekty opisaniya [Complex abbreviations: Synchronous and diachronic aspects of description]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, (6), 73–97. (In Russ.)
8. Terkulov, V. I. (2018). Tipologiya formal'nykh ekvivalentnostnykh abbreviaturnykh traktovok slozhnosokrashchennogo slova [Typology of formal equivalent abbreviation interpretations of a compound word]. In I. A. Prikhodzhan & V. I. Suprun (Eds.), *Stalingradskaya гвоздика: Proceedings of the International Conference*, Issue 3 (pp. 82–91). Volgograd: Fortess. (In Russ.)
9. Terkulov, V. I., & Smirnova, I. R. (2022). Abbokonstrukt: printsipy opredeleniya i opisaniya [Abbroconstruct: principles of definition and description]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, (2), 28–40. (In Russ.)
10. Terkulov, V. I. (2023). Paradigmatika slozhnosokrashchennogo slova kak sredstvo prognozirovaniya ekvivalentnostnykh otnoshenii [Paradigmatics of a complex abbreviation as a means of predicting equivalent relations]. *Rusistika*, 21(1), 79–96. (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.07.2026 г.

A. V. Chistokletova

ABBREVIATION NESTS IN THE ABBREVIATION PARADIGM “AUTO-MOTO-VELO”

The article examines the abbreviation paradigm “auto-moto-velo” as a set of abbreviation groups united by a common abbreviation-onomasiological field “vehicles”. The key concepts of the theory of the Donetsk derivatological school are clarified: abbreviation paradigm, abbreviation nest, and equivalence nest. Based on the material of 651 compound abbreviated words selected from the word list of the Explanatory Dictionary of Compound Abbreviated Words, 39 abbreviation nests have been identified. For each nest, formal schemes of equivalents have been compiled and structurally similar deciphering stimuli have been identified. It has been established that within a single paradigm, at least one series of deciphering stimuli common to all groups is realized, with the most regular being the presentative deciphering stimulus — the adjectival equivalent, which is recorded in 33 out of 39 nests. The results contribute to the systematic description of abbreviation vocabulary and can be used in the compilation of specialized dictionaries.

Keywords: *abbreviation group, abbreviation paradigm, abbreviation-onomasiological field, equivalence nest, deciphering stimulus, compound abbreviated word.*

Чистоклетова Анна Валериевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Студент 1 курса магистратуры.

Направление подготовки 45.04.01 Филология,
профиль «Русский язык: теоретические и
практические аспекты».

Стажёр-исследователь Научно-исследовательской
части.

ORCID 0009-0002-2259-7218.

E-mail: chistokletova.valentina@mail.ru.

Chistokletova Anna Valerievna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

1st year Graduate student.

The field of study is 45.04.01 Philology, profile
«Russian language: theoretical and practical aspects».

The intern is a researcher in the Scientific Research
Department.

ORCID 0009-0002-2259-7218.

E-mail: chistokletova.valentina@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература и лингвистический анализ художественного текста

Научная статья

УДК 82-1/29

DOI: 10.5281/zenodo.22910705

Д. В. Калачева © 2026

Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Самарский государственный социально-педагогический университет»

ORCID 0000-0003-3903-4438

СКВОЗНЫЕ МОТИВЫ КНИГИ СТИХОТВОРЕНИЙ В. МЕРКУРЬЕВОЙ «ТЩЕТА»

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена анализу сквозных мотивов лирики Веры Меркурьевой. В центре внимания оказываются мотивы смерти, творчества, религиозного переживания, одиночества, дороги и природы. Материалом служат циклы и отдельные стихотворения, которые не вошли в циклы. С помощью мотивного анализа удастся проследить, как эти образы трансформируются и перекликаются друг с другом: смерть обретает черты освобождения и желанного покоя, творчество осмысливается одновременно как сакральный дар и тяжёлое бремя, религиозные мотивы раскрывают христианскую традицию, апокалиптику и иконописные видения, одиночество предстаёт в нескольких ипостасях, дорога становится метафорой духовного странствия лирической героини, а природа — зеркалом душевных состояний. В итоге исследование приводит к выводу, что жизнь в поэзии Меркурьевой утрачивает самоценность и воспринимается как иллюзия, тогда как подлинная реальность находится за его пределами.

Ключевые слова: Вера Меркурьева, лирическая героиня, русская поэзия XX века, мотив смерти, религиозные мотивы, одиночество, природа, творчество.

Для цитирования: Калачева Д. В. Сквозные мотивы книги стихотворений В. Меркурьевой «Тщета» // Д. В. Калачева // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 3. — С. 92–100. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.22910705>.

Введение. Поэтическое наследие Веры Александровны Меркурьевой (1876–1943) принадлежит к числу заметных, однако до сих пор по-настоящему не оценённых явлений лирики. Стихи, написанные ей в 1917–1918 годах, запечатлели надломленное состояние души, которое переживала тогда Россия: рушились вековые устои, привычная жизнь уходила в прошлое, а человек оказывался один на один с исторической катастрофой и собственным страхом перед будущим. В центре нашего внимания — несколько сквозных мотивов, пронизывающих лирику Меркурьевой этого периода: смерть, творчество, религиозное переживание, одиночество, дорога и природа. Вместе они создают цельную картину мира, в котором земное существование утрачивает безусловную ценность, а подлинное спасение видится либо в уходе в потустороннее, либо в углублении во внутреннее, сокровенное пространство души.

Материалы и методы исследования. Материалом для работы послужили поэтические циклы «Мой роман», «Сорок два», «Дни гнева, дни скорби», «Сон о Богородице», «Снеговая вечерня», «Листики», а также разделы «Тщета» и «Канитель» и отдельные стихотворения — «Лишние огни», «Об Антихристе» и некоторые другие. Мы опирались на метод сравнительного анализа, который позволяет выделить повторяющиеся образы, проследить их трансформацию от текста к тексту и понять, какую роль они играют

в построении поэтического мира Меркурьевой, также на культурно-исторический метод и метод концептуального анализа.

Теоретической базой для такого подхода служат работы по проблеме циклизации. Проблеме лирического цикла как целостного единства посвящены многочисленные работы, однако, несмотря на накопленный материал, теоретическое осмысление цикла как жанрового образования остаётся незавершённым. Одним из перспективных направлений здесь выступает анализ мотива, поскольку именно мотивы служат важнейшим смысловым средством формирования целостности цикла.

Под «лирическим циклом» понимается *«жанровое образование, главный структурный признак которого — особые отношения между стихотворением и контекстом, позволяющие воплотить в системе сознательно организованных стихотворений сложную систему взглядов, целостность личности и/или мира»* [10, с. 3]. Исследователь Л. Е. Ляпина предлагает рассматривать лирический цикл как *«специфическую жанровую форму стихового единства, возникающую при объединении относительно самостоятельных лирических стихотворений в целостность более высокого порядка»* [5, с. 165], таким образом, цикл можно рассмотреть как двухуровневую систему: первый уровень — отдельные стихотворения, а второй — нечто целое, обладающее собственными законами, где возникает целостность частей (стихотворений) цикла. Отличительная черта авторского цикла — совокупность циклообразующих связей, к которым И. В. Фоменко относит *«заглавие, предисловие, «ключевые слова» (лейтмотивы) и — как их вариант — лексические скрепы между отдельными стихотворениями, тема, систему опорных стихотворений, лирический сюжет, форму лирического дневника, музыкальную форму»* [10, с. 7]; эти связи могут возникать *«на любом уровне структуры, от фоники до проблематики»* [11, с. 24], но универсальными, без которых цикл невозможен, являются *«заглавие, композиционное строение, лексика, метрика и пространственно-временные отношения»* [10, с. 90]. Таким образом, при анализе мотива необходимо соотносить его с каждым из этих уровней.

В современном литературоведении наблюдаются различия в трактовках мотива, что, по замечанию Ю. Н. Чумакова, обусловлено тем, что *«терминологическая расплывчатость не так уж и мешает аналитическим операциям с художественным текстом»* [12, с. 141]. И. В. Силантьев добавляет, что *«каждая трактовка оказывается по-своему верной, потому что мотив действительно связан со многими аспектами литературного повествования и онтологически, и функционально»* [7, с. 94]. Это позволяет рассматривать мотив как смысловую единицу цикла в его соотнесённости с заглавиями, композицией и т. д.

Специфика мотива в лирическом произведении предопределяется существом лирического события, которое точно будет отличаться от эпического.

«Лирическое событие — это субъективированное событие переживания» [3, с. 70], в которое попадает и сам читатель. Это можно представить так: *«Лирический субъект — это и голос стихотворения, и внутренний герой этого голоса, но и я, читатель, оказываюсь в позиции внутреннего героя и разделяю его переживания, а голос это двуединое целое объединяет. Я как читатель стихотворения оказываюсь внутри его событийности. Поэтому о лирическом событии не может быть рассказано (ибо некому рассказывать), а может быть явлено — в самом дискурсе. Иначе говоря, лирическое событие осуществляется непосредственно в актуализированном дискурсе лирики»* [9, с. 29]. Связность лирического текста строится не на принципе единства действия, как это происходит в эпическом произведении, а на принципе единства переживания.

При этом мотив может не совпадать со словом или предложением — он способен выражать более сложный смысл или актуализировать лишь часть значения. Б. М. Гаспаров определяет мотив как *«любой феномен, любое смысловое «пятно» — событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.; единственное, что определяет мотив, — это его репродукция в тексте, так что в отличие от традиционного сюжетного повествования, где заранее более или менее определено,*

что можно считать дискретными компонентами («персонажами» или «событиями»), здесь не существует заданного «алфавита» — он формируется непосредственно в развертывании структуры и через структуру» [1, с. 31]. Поскольку повторение мотивов и их варьирование происходят на разных уровнях произведения, В. П. Руднев пишет, что такие мотивы представляют собой единицы «кросс-уровневые» [6, с. 180].

Сходное понимание зафиксировано в «Лермонтовской энциклопедии»: мотив — это *«устойчивый смысловой элемент литературного текста, повторяющийся в пределах ряда ... литературно-художественных произведений»* [4, с. 290]. При этом исследователи различают два подхода: мотив может быть не привязан к ключевому слову и пониматься как *«характерные для поэта лирические темы или комплекс чувств и переживаний, а также константные свойства его лирического образа, независимо от того, находили ли они соответствующее выражение в какой-либо словесной формуле»*, или, напротив, закрепляться в устойчивом словообразе, *«ключевом слове»*; анализ в энциклопедии строится именно на втором варианте. Совокупность микроанализов отдельных мотивов, как подчёркивается, раскрывает *«объёмность и целостность мирозерцания поэта»* [4, с. 290].

В нашем исследовании мы будем рассматривать мотивы смерти, творчества, религиозного переживания, одиночества, дороги и природы в их соотнесённости с композицией циклов Меркурьевой, их заглавиями, ключевой лексикой и пространственно-временной организацией. Сопоставляя сходные мотивы в разных циклах и наблюдая за тем, как они меняются под влиянием исторического контекста, мы пытаемся восстановить внутреннюю логику её лирики и выявить целостность её поэтического мира.

Основная часть. В стихотворениях Меркурьевой 1917–1918 годов смерть звучит по-особенному. Она перестаёт восприниматься как трагический конец, напротив, поэт видит в ней долгожданное освобождение от боли, тревог и бессмысленной суеты, переход в иную реальность и, что важнее всего, покой, которого так не хватает на земле. Если собрать вместе стихотворения из циклов «Мой роман», «Сорок два», «Дни гнева, дни скорби» и «Лишние огни», становится заметно, как этот мотив постепенно сдвигается от интимного, любовного (смерть как встреча с ушедшим близким) к апокалиптическому, почти всеобщему (смерть-снег, смерть-гроб, спасительное укрытие от рухнувшего мира).

Особенно отчётливо освободительное начало смерти проступает в цикле «Мой роман». Здесь гибель оказывается избавлением от мук разлуки и несовершенства земного бытия. В **«В разлуке»** загробный мир рисуется светлым, почти райским: *«Приходи в мой сад золотистый, / Приходи в мой дом голубой»* [13, с. 120]. Этот мир противостоит злу и страданию, и смерть предстаёт не пустой бездной, а желанным приютом, куда таинственный голос зовёт лирическую героиню. Яд в *«тёмной склянице»* [с. 120] оказывается не мучительным исходом, а дорогой, которая ведет в иной мир. Героиня соглашается на него без колебаний: *«Лягу замертво я пьяна»* [13, с. 120] — в этих словах слышится не отчаяние, а почти облегчение. Та же тема встречается в стихотворении **«У себя дома»**, но теперь через резкий контраст с городской суетой: *«Люди толкутся, спешат... // ...Ах, поскорее бы, успеть бы, добежать бы / В лавку из лавки, с трамвая на трамвай»* [13, с. 121]. Жизнь здесь предстаёт как бег по замкнутому кругу, бессмысленный и изматывающий. Дом же, напротив, оказывается закрытым пространством, где это место сжимается до интимных пределов, и там героиню ждёт друг и гибель. Любовь и смерть переплетаются воедино: *«Крепко обнимемся, поцелуемся сладко, / резко и сладко мы надолго уснем»* [13, с. 120]. Сон в этом контексте — это метафора смерти, но смерти желанной, дарящей покой, недостижимый в городе.

Ещё более прямо та же мысль выражена в **«Лишних огнях»**, где героиня жалуется на источники собственного бессилия: *«От несчетных пожаров, объятий кандалов. / И устали уста — от бесчисленных улыбок, / От раздельности слов, одинаковости слов»* [с. 105]. Жизнь сравнивается здесь с *«земным кинематографом»* [13, с. 105] — иллюзорным представлением, непостижимым спектаклем. Истинный отдых наступает лишь после смерти: *«Спят, остынув, сердца — и холодный сон глубок их, / И покоен их отдых от*

стольких погибель и фраз, / От исканий, скитаний, страданий одиноких» [13, с. 105]. Лишние огни — это люди, обречённые на одиночество, и освобождение для них наступает через смерть. Только после своей гибели они находят себе пристанище.

В цикле **«Мой роман»** переход из одного мира в другой обозначен конкретными образами-посредниками. В первом стихотворении **«В разлуке»** граница между земным и небесным — это «млечная лестница» [13, с. 120], «тусклая прорезь на окне» [13, с. 120], а «письмо лучом на стене» [13, с. 120] воспринимается как весточка с той стороны. Разлука с возлюбленным оказывается не просто временной — это онтологическая пропасть, и перешагнуть через неё можно лишь ценою собственной жизни. В **«У себя дома»** переходом служит стеклянное, прозрачное дно: пространство постепенно сужается: от шумной улицы к дому, от дома к склянке с ядом. Таким образом, лирическая героиня уже почти достигла точки, откуда можно шагнуть туда, куда так стремилась: *«Ах, как он манит захлебным поцелуем»* [13, с. 122].

Но самый сложный и загадочный образ перехода мы находим в цикле **«Сорок два»**, в стихотворении **«Мертвая зыбь»**. Здесь смерть — не конец, а странное, неопределённое состояние: *«Чья душа — и не жива, и не мертва — / Там не с ними, под водой, в западне»* [13, с. 28]. Сорок два таинственных существа обитают на морском дне, в пространстве, которое похоже на земное, но таковым не является. Они *«мертвыми руками шевелят, / Мертвыми губами говорят»* [13, с. 27], пытаясь докричаться до живых, но их голоса не могут преодолеть эту грань. Смерть оказывается для них западнёй: переход состоялся, но обратной связи с миром живых больше нет, и возврат невозможен. Троекратный повтор (*«сорок два, сорок два, сорок два»* [13, с. 27]) придаёт всей картине ритуальный, почти заклинательный смысл, отсылая к фольклорным представлениям о переправе.

В цикле **«Дни гнева, дни скорби»** мотив смерти обретает уже не личное, а социально-историческое звучание. В четвёртом стихотворении на первый план выходит снег — покров, который является укрытием: *«Снег снисходительный и добрый, / Повязкой чистою облек он / Балконов сломанные ребра, / Глазницы выбитые окон»* [13, с. 118]. Но и этого мало: люди жаждут, чтобы снег укрыл их самих: *«О, больше снега, больше снег — / Пускай укроют нас сугробы / От угрожающего неба / В неразмыкаемые гробы»* [13, с. 118]. Снежный гроб — это не кладбищенский мрак, а долгожданное убежище от *«угрожающего неба»* [13, с. 118], в котором угадывается и карающая высшая сила, и революционная стихия. Смерть здесь — покой после поругания святынь, и снег одновременно очищает и погребает, защищая от страшного мира.

Если взглянуть на эти произведения в их последовательности, вырисовывается явное движение. В **«Моём романе»** смерть ещё тесно сплетена с любовью: яд пьётся как любовный напиток, сон в объятиях друга — почти метафора, в которой слышен индивидуалистический, чуть ли не гедонистический оттенок. В **«Лишних огнях»** любовный контекст уже исчезает, остаётся только усталость, экзистенциальная пустота — смерть как отдых от бессмысленного спектакля. В **«Мертвой зыби»** смерть становится безличной, массовой, а переход невозвратным и пугающим. Наконец, в **«Днях гнева, днях скорби»** она превращается в единственно возможное укрытие от рухнувшего мира: уже не индивидуальный выбор, а общее стремление к покою под снегом. И что важно: нигде смерть не изображается как абсолютная тьма. Везде она несёт в себе положительные смыслы: покой, тишину, избавление, воссоединение, чистоту. Лирическая героиня Меркурьевой не боится смерти — она ищет её. Это связано с глубоким недоверием к земной жизни: мир оказывается обманом, иллюзией. Единственное, что реально то, что находится по ту сторону.

Обратимся теперь к другому сквозному мотиву — творчеству. В разделах **«Тщета»** и **«Канитель»**, а также в цикле **«Души неживых вещей»** поэтическое слово предстаёт перед нами в двойном свете. С одной стороны, это сакральный дар, нечто божественное и таинственное, идущее из самой глубины мироздания. С другой, тяжёлый крест, бремя, которое требует постоянного напряжения, страдания, самоотречения и даже готовности к духовной гибели.

В стихотворении «Дай, тебе расскажу я...», которое открывает собрание стихотворений «Тщета», творчество является в своём самом возвышенном, почти литургическом обличье. Героиня обращается к читателю, чтобы объяснить, «что это значит — стих» [13, с. 7]. И стихотворение оказывается не просто способом выразить чувства, а чем-то неизмеримо большим: «Стих — это Сердце Мира, / Тайн святых святых, / Стих — милостью мира, / Жертва хваленья» [13, с. 9]. В этих строках явно звучит религиозная нота: творчество уподобляется священному деянию, дару, который нельзя заработать — можно только принять. И тут же, в финале, проступает крестовая природа этого дара: «Стих — это весть о смерти, / Смерть — это жизни стих» [13, с. 9]. Поэт должен принять свою смертность, чтобы слово его стало подлинным.

Ещё более явно мотив творчества как креста звучит в «Рабочей» из цикла «Души неживых вещей». Поэт здесь — кузнец, ремесленник, у которого «день заколот тенью черной» [с. 61]. Творчество предстаёт как изнурительный труд: «Вот твой молот, вот твой жернов. / Необорно и упорно в слово словом снова бей» [13, с. 61]. Огонь, кузница, буря — все эти образы подчёркивают, что поэзия не даётся легко, это мучительный процесс, в котором нельзя жалеть себя. Заключительные строки «Пред созданием готовым, перед словом, мастер, встань» [13, с. 62] окончательно утверждают: творчество — это служение, почти религиозный обет.

В стихотворении «Во власти слов» эта двойственность раскрывается через антитезу «мёда и яда»: «И мед, и яд — слова очарования» [13, с. 103]. Слова властны и над миром, и над самим поэтом. Тот, кто знает их, становится «премудр и тайновец» [13, с. 103], почти магом: «Безумный маг великого молчания / Заветную снимает пелену» [13, с. 103]. Но эта власть оборачивается ловушкой: «И сам тогда во власти волхования, / У чар своих, у слов своих в плену» [13, с. 103]. Творец оказывается в плену у собственного дара, особенно когда его преследует ощущение неверности: «И слышит он: — не то, не там, не та, не я, — / И гнется он под тяжким знаком Не» [13, с. 103]. В стихотворении «Есть слова — не от уст к устам» этот мотив получает ещё более конкретное развитие. Слова «не от уст к устам» [13, с. 104] — их нельзя произнести вслух, их можно только записать. И письменное слово оказывается одновременно подлинным и опасным: «Слова — как кровь на клинке... / Слова — от тоски к тоске» [13, с. 104]. Такое слово не исправить, оно остаётся «выжженным на душе клеймом» [13, с. 104]. Творчество здесь — нанесение неизлечимых ран, и себе, и другим.

Итак, во всех этих текстах мотив творчества развёртывается как единство сакрального дара и тяжёлого креста. Меркурьева далека от романтического культа лёгкого вдохновения; её поэзия — это всегда труд, мука, послушание, часто на грани религиозного подвига.

Религиозные мотивы в лирике Меркурьевой занимают центральное место и выступают в трёх основных ипостасях: христианской (евангельской, догматической), апокалиптической (эсхатологической, с образами Антихриста и Страшного Суда) и иконописной (где священные образы, особенно Богородица, становятся полноправными действующими лицами). Цикл «Сон о Богородице» (три стихотворения без названий) написан в связи с реальным историческим событием — обретением иконы Божией Матери «Державная» 2 (15) марта 1917 года, в день отречения Николая II. В народном сознании это совпадение было воспринято как знак: Богородица сама принимает верховную власть над страной.

Первая часть цикла рисует крестный ход в ночной Москве. Богомольцы бредут «впотьмах» [с. 19], и их голоса распадаются на три хора: «горькие» (отчаявшееся крестьянство), «нежные» (молитва о смысле жизни) и «злые» (те, кто просит защиты от духовной смерти). Так возникает образ Руси, где каждый молится о своём, но всех объединяет общее горе. Во второй части — «Метелице» — на передний план выходят апокалиптические и инфернальные мотивы. Метелица многозначна: это и русская вьюга, и пляска смерти, и сама революционная смута. Нечисть является в облике «святков» [13, с. 22] и «грехитяшек» [13, с. 22], и постепенно они преображаются: «Стали святки — пустосвятки во крошечной тьме, / Грехитяшки — Грехи Тяжки черные» [13, с. 22]. Финал второй части страшен — гибель Руси: «Там, где был престол — на Руси — ныне стал

сором» [13, с. 22]. Третья часть, «Собор», становится кульминацией. Действие переносится в Страстную монастырь, где собираются чудотворные иконы: «Утоли мои печали», «Троеручница», Скоропослушница», «Державная», «Неопалимая Купина». И в центре этого собрания — противостояние *«Госпожи благой, тихой»* [13, с. 24] (Державной) и *«буйной Владычицы»* [13, с. 24] (Метелицы). Их схватка описана как космическая битва: *«Вечных глаз лучи скрестились, как мечи, / К бездне тьмы взывает бездна звездная»* [13, с. 25]. Цикл завершается возвращением к гармонии: *«Тихо на Москва-реке и по святой Руси»* [13, с. 25], буря позади *«только небо голубое на золотой оси. / Только поле чистое и белое»* [13, с. 25], — мир преобразуется через страдание.

В стихотворении **«Об Антихристе»** (раздел «Тщета») на первый план выходят апокалиптические и евангельские мотивы. Героиня блуждает, потеряв ориентиры: *«Без поры, не ко времени, / Вдоль и поперек неключимых дорог, / Не знаячи путаюсь»* [13, с. 33]. Она перебирает возможные пути: богатый брат (материальное), бедный муж (мистика, туман), книжник-толковник (церковная традиция) — но ни один не становится её собственным. На пути ей встречается *«удавленник, адов ставленник»* [13, с. 35] — грешник с тяжёлой ношей. В его речи слышится евангельский сюжет о братоубийстве: героиня узнаёт в нём *«себе ровного, брата кровного»* [13, с. 35], но вынуждена отпустить его. Затем является Сын Человеческий и произносит слова, почти дословно восходящие к Евангелию: *«Царство внутри вас и вне, / Неимущему дастся, у имущего отнимается, / Ибо милости хочу, а не жертвы»* [13, с. 38]. И тут героиня осознаёт свою страшную природу: *«Иудина сестра, жена Каинова, ... дочь Антихриста»*. Но за этим осознанием следует покаянный перелом: она отрекается от всего и идёт *«нехоженым путем-дорогою по миру побираться Христовым именем»* [13, с. 39]. Финальные строки — *«От Антихристового роду-племени — / Ко Христову святому имени»* [13, с. 40] — показывают, что Антихрист здесь не столько эсхатологический ужас, сколько внутреннее искушение, борьба, характерная для христианского опыта покаяния.

В цикле **«Снеговая вечерня»** религиозные мотивы поданы через богослужебные формы, но наполнены природным содержанием. Названия четырёх стихотворений — «Эктения», «Прокимен», «Тропарь», «Полиелей» — отсылают к православной службе. В первом из них вместо «Господи, помилуй» звучит обращение к зиме: *«Холодная, помилуй... / Немилая, помилуй... / Бескровная, помилуй»* [13, с. 44]. Природа занимает место Бога, но молитвенная формула сохраняется. Героиня просит у зимы освобождения от жизни: *«Укрой у ледяной доски — от страсти напрасныя, от празднаго напасти»* [13, с. 65]. В третьем стихотворении происходит перелом: зима, лёд, смерть уступают место теплу, воде, *«фиалкам лиловым, подснежникам горько-медовым»* [13, с. 47]. Воскресение переосмыслено через смену сезонов. Так в цикле возникает синкретизм: богослужебные формы наполняются стихийным содержанием, но сохраняется структура молитвы, покаяния и прославления.

Мотив одиночества и отчуждения в лирике Меркурьевой распадается на два неразрывных слоя: внешний — разрыв с миром и людьми — и внутренний — разлад с самим собой. В стихотворении **«Свободная»** одиночество предстаёт как сознательный выбор, дарующий свободу: *«Я без имени, я без отчества, / Без приюта в толчее мирской»* [13, с. 59]. Отказ от имени и отчества — это отказ от социальной идентичности. *«Толчая мирская»* [13, с. 59] враждебна, и героиня ищет спасения в уединении. Но это не пустота, а созидание: *«Но бессонное строит зодчество / Потаенного одиночества / Удаленный мне мой покой»* [13, с. 59]. Возникает внутреннее пространство, куда никто не проникает. Героиня не хочет к людям, она хочет исчезнуть: *«Я — надломанного колосика / Незаметнее — пропаду»* [13, с. 59]. И в этом уединении открывается путь к тайне: *«Я в безумии приближения / К Сердцу Мира и к тайне тайн»* [13, с. 59]. Одиночество становится путём к высшему знанию.

Совсем по-другому одиночество звучит в **«Безнадежной»**. Здесь оно не спасение, а мучительная встреча с чужим «я» внутри себя: *«Кто знал, как я, соблазны одиночества, / Влекущие провалы пустоты»* [13, с. 60]. Вместо гармонии — разлад, раздвоение: *«Что он себе — другой, чужой, мешающий, / Что он с собой — вдвоем наедине»* [13, с. 60]. Героиня

не может принять себя и бежит от самой себя «в толпу чужих не-Я» [13, с. 60]. Это одиночество уже не спасительное, а безнадежное.

В «Нездешнем» из цикла «Листики» отчуждение принимает форму экзистенциальной потерянности. Героиня блуждает в «путанице поворотов, разбегающихся дорожек» [13, с. 91] — в лабиринте жизни. Она «нездешняя», то есть не принадлежит этому миру, этим людям. Её такая жизнь недостижима. Отчуждение становится онтологическим: человек не находит себе места ни среди людей, ни в природе. В «Мистическом приключении» одиночество разрастается до космических масштабов. Москва — чёрное, мрачное пространство, люди — тени: «Встретятся и не поклонятся, разойдутся и не оглянутся» [13, с. 91]. Героиня отождествляет себя с землёй: «Безымянная и бесславная, / Давняя, неизгладимая / Земли моей обида кровная / Прикипела, прижалась к груди моей... / Я как ты, земля, и точно ты» [13, с. 51]. Она берёт на себя тяжесть всего мира. Кульминация — когда она начинает олицетворять собой природу: «Это я взметелилась в радугах, / Хлынула звездным проливнем» [13, с. 53]. Финальная строка — «Ночь, песнь, любовь — миродержная» [13, с. 51] — парадоксальна: будучи отверженной, она чувствует, что держит мир в одиночестве, без ответного признания.

Мотив дороги в стихах Меркурьевой никогда не бывает просто перемещением в пространстве. Это всегда метафора духовного или жизненного поиска. В «Об Антихристе» он раскрывается с особенной полнотой. Героиня блуждает «Без поры, не ко времени, / вдоль и поперек неключимых дорог, / не знаю и путаюсь» [13, с. 33] — дорог безвыходных, запутанных. Она ищет свой род, свою подлинную принадлежность. Перебирая возможные пути: к богатому брату (материальное), к бедному мужу (мистика), к книжнику (церковь), — она нигде не находит себя. И только после встречи с Сыном Человеческим, после осознания своей антихристовой природы она решается наконец пойти «нехоженым путем-дорогою» [13, с. 39] — путём покаяния и нищеты духовной. Дорога здесь — через ошибки к истине.

В «Сказке про тоску» дорога облечена в фольклорную форму. Героиня идёт «путем-дороженькой / Соколика искать» [13, с. 14] — это путь любви, но он полон страданий: «Изнеженною ноженькой / по тернию ступать» [13, с. 14]. И в конце её ждёт не встреча, а разлука, утрата себя. Дорога приводит к подмене, к потере идентичности. В «Лавках» иной поворот: дорога ведёт от суетной торговли к монастырю, от материального к духовному. «Станем под белой колокольней, / Взглянем на красный монастырь — / И отойдем от жизни дольней / В горний кремлевский Свят-пустырь» [13, с. 131] — это паломничество, очищение.

Раздел «Из ночи в ночь» открывается эпиграфом И. Эренбурга: «На земных дорогах / Не сберечь души» [13, с. 120]. Эти слова подводят итог: любой путь в этом мире — риск для души. Но человек не может не искать — так устроена его природа.

Наконец, природа у Меркурьевой — не просто фон. Это живое, дышащее зеркало души, в котором отражаются боль, надежда, отчаяние, покаяние и покой. В «Снеговой вечерне» природная стихия замещает собой молитву. Героиня взывает к зиме: «Холодная, помилуй... / Немилая, помилуй... / Бескровная, помилуй» [13, с. 44]. Снег, лёд, саван, гробы — всё это символы смерти, которая манит героиню. Зимняя стужа отражает её внутреннее оцепенение. Но в третьем стихотворении цикла происходит перемена: вместе со сменой образа (старуха — молодая женщина) меняется и природа. Зима уступает место теплу, появляются фиалки, подснежники. Смена сезона становится внутренним воскрешением. И зима в итоге оказывается «нежной подругой, красавицей, забавницей» [13, с. 49], которая «из мертвых воскресила чудотворно» [13, с. 49]. Природа остаётся с душой навсегда.

В цикле «Сорок два» море — не утешитель, а безжалостная сила. Оно отражает пограничное состояние между жизнью и смертью. В «Прибое» море бьётся «до боли... / ... о ярости вдвое» [13, с. 26], и это — образ души, раздираемой противоречиями. В «Мертвой зыби» подводный мир становится обителью умерших. Морское дно — зеркало души, застрявшей между мирами. В «Затишье» приходит покой: «Луна — волной, волна — луною дышит» [13, с. 29], море становится хранилищем памяти и тихой грусти.

Циклы «Листики» («Зелёные» и «Жёлтые») показывают ещё более тонкую связь человека с природой. Весенние листья — раскрытые, трепетные — противостоят тесноте человеческого существования. Луна становится «небесным» другом, отражая творческое беспокойство. Берёза очеловечена до полного слияния: она «*всему рада*» [13, с. 94], но любовь «*на смерть ей сердце ранит*» [13, с. 94]. В «Жёлтых» листиках природа говорит о времени, о памяти, о зрелости. Круговорот листьев отражает круговорот жизни: смерть и возрождение, утрату и возвращение.

Так во всех циклах природа становится зеркалом души: метель — тоска и желание смерти, весенняя вода — надежда, морское дно — пограничье, берёза — женская доля. Меркурьева не отделяет душу от мира; душа и есть природа, только взятая изнутри.

Заключение. Лирика Веры Меркурьевой — это уникальный код эпохи, запечатлевший трагическое самоощущение человека на историческом переломе. Сквозные мотивы, которые мы рассмотрели, складываются в цельную картину, где земная жизнь теряет свою самоценность, а подлинное бытие переносится либо за грань смерти, либо в глубины внутреннего «я». Смерть здесь — не ужас, а покой, избавление, последнее прибежище. Творчество — дар и одновременно крест, труд и мука. Религия — личная драма, где смыкаются христианство, апокалиптика и иконописное видение. Одиночество — добровольное убежище и внутренняя раздвоенность. Дорога — странствие, в котором страдание неотделимо от надежды. Природа — зеркало, в котором душа узнаёт себя. Все эти мотивы питает глубокое недоверие к миру: он оказывается иллюзией, и настоящая реальность только за его пределами. У Веры Александровны Меркурьевой это не мистический ужас, а почти лирическая ностальгия по небытию, где смерть становится не концом, а последним, самым верным другом. И в этом трагизме, и в этой надежде на обретение покоя — непреходящая ценность её поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века / Б. М. Гаспаров. — М., 1993. — 304 с.
2. Гаспаров М. Л. Статьи о лингвистике стиха / М. Л. Гаспаров. — М., 2004. — 283 с.
3. Левин Ю. И. Заметки о лирике // Новое литературное обозрение / Ю. И. Левин. — 1994. — № 8. — С. 62–72.
4. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.»; Гл. ред. Мануйлов В. А., Редкол.: Андроников И. Л., Базанов В. Г., Бушмин А. С., Вацура В. Э., Жданов В. В., Храпченко М. Б. — М.: Сов. Энцикл., 1981. — 746 с.
5. Ляпина Л. Е. Проблема целостности лирического цикла / Л. Е. Ляпина // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. — Донецк, 1977. — С. 165.
6. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. — М., 1999. — 381 с.
7. Силантьев И. В. Поэтика мотива / И. В. Силантьев. — М., 2004. — 296 с.
8. Силантьев И. В. Мотив в системе художественного повествования: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.08 / И. В. Силантьев. — Новосибирск, 2001. — 278 с.
9. Силантьев И. В. Сюжетологические исследования: монография / И. В. Силантьев. — М.: Языки славянской культуры, 2009. — С. 29.
10. Фоменко И. В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика / И. В. Фоменко. — Тверь, 1992. — 123 с.
11. Фоменко, И. В. Поэтика лирического цикла: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / И. В. Фоменко. — М.: 1990. — 16 с.
12. Чумаков Ю. Н. Фуражка Сильвио / Ю. Н. Чумаков // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 2: Сюжет и мотив в контексте традиции / отв. ред. Е. К. Ромодановская. — Новосибирск, 1998. — 268 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Меркурьева В. А. Тщета: собрание стихотворений / В. А. Меркурьева. — Москва: Водолей publishers, 2007. — 608 с.

REFERENCES

1. Gasparov, B.M. (1993). *Literaturnye leitmotivy. Ocherki russkoi literatury XX veka* [Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the 20th century]. Moscow. (In Russian).
2. Gasparov, M.L. (2004). *Stat'i o lingvistike stikha* [Articles on the linguistics of verse]. Moscow. (In Russian).
3. Levin, Yu.I. (1994). *Zametki o lirike* [Notes on lyric poetry]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 8, 62–72. (In Russian).

4. Manuilov, V.A. (Ed.). (1981). *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. (In Russian).
5. Lyapina, L.E. (1977). Problema tselostnosti liricheskogo tsikla [The problem of the integrity of the lyrical cycle]. In *Tselostnost' khudozhestvennogo proizvedeniya i problemy ego analiza v shkol'nom i vuzovskom izuchenii literatury* [The integrity of a literary work and the problems of its analysis in school and university studies of literature] (p. 165). Donetsk. (In Russian).
6. Rudnev, V.P. (1999). *Slovar' kul'tury XX veka. Klyuchevye ponyatiya i teksty* [Dictionary of 20th century culture. Key concepts and texts]. Moscow. (In Russian).
7. Silant'ev, I.V. (2004). *Poetika motiva* [The poetics of motif]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian).
8. Silant'ev, I.V. (2001). *Motiv v sisteme khudozhestvennogo povestvovaniya* [Motif in the system of artistic narration] (Doctoral dissertation). Novosibirsk. (In Russian).
9. Silant'ev, I.V. (2009). *Syuzhetologicheskie issledovaniya* [Sujetological studies]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian).
10. Fomenko, I.V. (1992). *Liricheskii tsikl: stanovlenie zhanra, poetika* [The lyrical cycle: Formation of the genre, poetics]. Tver'. (In Russian).
11. Fomenko, I.V. (1990). *Poetika liricheskogo tsikla* [The poetics of the lyrical cycle] (Doctoral dissertation abstract). Moscow. (In Russian).
12. Chumakov, Yu.N. (1998). Furazhka Sil'vio [Silvio's cap]. In E.K. Romodanovskaya (Ed.), *Materialy k Slovaryu syuzhetov i motivov russkoi literatury. Vyp. 2: Syuzhet i motiv v kontekste traditsii* [Materials for the Dictionary of plots and motifs of Russian literature. Vol. 2: Plot and motif in the context of tradition] (p. 141). Novosibirsk. (In Russian).

Поступила в редакцию 18.07.2026 г.

D. V. Kalacheva

CROSS-CUTTING MOTIFS OF V. MERKURYEVA'S BOOK OF POEMS «FUTILITY»

The article is devoted to the analysis of the cross-cutting motifs of Vera Merkur'yeva's lyrics. The focus is on the motives of death, creativity, religious experience, loneliness, roads and nature. The material consists of cycles and individual poems that are not included in the cycles. With the help of motivational analysis, it is possible to trace how these images transform and echo each other: death acquires the features of liberation and desired peace, creativity is understood simultaneously as a sacred gift and a heavy burden, religious motives reveal the Christian tradition, apocalypticism and iconographic visions, loneliness appears in several guises, the road becomes a metaphor for the spiritual journey of the lyrical heroine, and nature is a mirror of mental states. As a result, the study leads to the conclusion that life in Merkur'yeva's poetry loses its self-worth and is perceived as an illusion, while the true reality is beyond it.

Keywords: *Vera Merkur'yeva, lyrical heroine, Russian poetry of the XX century, death motive, religious motives, loneliness, nature, creativity.*

Калачева Дарья Владимировна.

Самарский государственный
социально-педагогический университет,
г. Самара, Россия.

Аспирант.

ORCID 0000-0003-3903-4438.

E-mail: kalac4eva@yandex.ru.

Kalacheva Daria Vladimirovna.

Samara State University of Social Sciences and
Education, Samara, Russian Federation.

Graduate student.

ORCID 0000-0003-3903-4438.

E-mail: kalac4eva@yandex.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.5281/zenodo.22910823

В. А. Филатова © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»
ORCID 0009-0001-8940-8955*

ПОЭТИКА ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЕ XIX– XXI ВЕКОВ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0
International <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье исследована поэтика энциклопедического повествования в русской детской дневниковой прозе на материале текстов С. Буткевич (1862), Н. Носова (1950), Ю. Кузнецовой (2020), П. Квартальнова и О. Пташник (2021) и П. Смородиной (2026). Главная особенность сравниваемых книг — сдвиг в самом механизме познания: от пассивного усвоения чужих слов во второй половине XIX века к самостоятельному изучению мира и осознанному сопереживанию в современной литературе. В каждом из произведений дневниковая форма выступает не просто жанровой условностью, но средой личного проживания знаний и развития нравственной чуткости юного читателя. Подробно проанализированы эволюция коммуникативных установок, художественные приёмы изображения естественнонаучного и социального материала, а также роль визуальных паратекстов в создании единого визуально-текстового пространства.

Ключевые слова: *детская литература, дневниковая проза, энциклопедическое повествование, познавательные стратегии, поликодовый текст.*

Для цитирования: Филатова В. А. Поэтика энциклопедического повествования в русской детской дневниковой прозе XIX–XXI веков / В. А. Филатова // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 3. — С. 101–110. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.22910823>.

Введение. Книга Софьи Буткевич «Дневник девочки», впервые опубликованная в 1862 году и переиздававшаяся в 1881 и 1897 годах, относится к числу ранних образцов дневниковой прозы в русской детской литературе. Главную роль в продвижении и признании книги сыграло предисловие И. С. Тургенева. Оценивая новизну дидактического подхода писательницы, он усмотрел её главную заслугу в умении, «направляя внимание детей на окружающие их знакомые предметы <...>, открывать им постепенно весь тот мир, в котором они живут» [8, с. VII]. И. С. Тургенев подчеркивал, что в сочинении «есть и занимательность, и почти неистощимое богатство фактов, и здравый ненатянутый реализм», а также «таинственность», с которой автору удаётся преподнести самые обыкновенные вещи [8, с. VII]. Высоко оценив педагогический потенциал издания, писатель рекомендовал книгу «родителям и наставникам» [8, с. VI].

Современная автору критика восприняла «Дневник девочки» неоднозначно. Рецензент журнала «Отечественные записки» (1862, № 12) назвал текст непонятным для читателя, выделил «сентиментальность, поучение, страсть к аллегории, отсутствие занимательности», а предисловие классика расценил как «любезность светского человека» [1, с. 191]. Педагогическая общественность, напротив, увидела в издании важный методический инструмент. Так, Е. К. Кемниц в журнале «Учитель» (1863, № 17) отметил «благородную простоту рассказа, сквозь которую слышится высокое нравственное чувство» и подчеркнул умение писательницы объяснять явления природы «совершенно доступно детскому пониманию» [2, с. 830]. Включение книги в фундаментальные библиографические труды с интервалом в полвека — справочник Х. Д. Алчевской «Что читать народу» (1884) и

«Справочную книжку по чтению детей всех возрастов» М. В. Соболева (1907) — только подтвердило её устойчивый педагогический статус [9, с. 165; 6, с. 320].

По сути, в момент своего появления текст воспринимался передовой педагогической мыслью как средство формирования научного и нравственного кругозора. Можно сказать, что эта установка на соединение бытового повествования с объяснением законов природы и общества заложила традицию «энциклопедического дневника», которую впоследствии разовьют и творчески переосмыслят писатели последующих периодов.

Вместе с тем эволюция дневниковой прозы затрагивает не только художественную форму, но и саму поэтику детского познания. Если в середине XIX века дневник часто служил оболочкой для передачи готовых фактов под строгим контролем взрослого, то в текстах XXI века структура повествования усложняется. На смену внешнему назидательному наблюдению приходят приёмы, формирующие самостоятельное изучение мира и развитие нравственной чуткости юного читателя.

Цель статьи — провести сравнительный анализ поэтики энциклопедического повествования, сопоставив произведение середины XIX века и современные дневниковые тексты, чтобы зафиксировать сдвиг парадигмы: от дидактической трансляции готовых истин к личному проживанию знаний и осознанному сопереживанию.

Под энциклопедичностью мы понимаем не сухой справочный признак, а живую стратегию изложения. Мир осваивается героем субъективно и поэтапно: через фиксацию личных наблюдений, диалоги со старшими и практическое включение в деятельность. Знание перестаёт быть внешним фактом, оно становится внутренним событием. Именно благодаря форме дневника читатель автоматически помещается в позицию со-исследователя.

Основной для нашего анализа становится категория «познавательная инициатива». Переосмысляя этот термин в литературоведческом ключе, мы видим в нём не психологическую характеристику реального ребенка, а способ организации коммуникативной модели «герой–мир». Это — мера вовлечённости субъекта речи во взаимодействие с действительностью. Персонаж может выступать активным исследователем, ведущим диалог с реальностью через вопрос и эксперимент, или пассивным проводником, транслирующим знание, полученное от взрослого. Именно трансформация этой модели — от пассивного усвоения чужих фактов до самостоятельного эксперимента — и составляет суть эволюции жанра.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужила русская детская дневниковая проза. Чтобы зафиксировать диахронический сдвиг познавательных стратегий, мы отталкиваемся от раннего образца жанра — книги Софьи Буткевич «Дневник девочки» (1862), и сопоставляем его с литературой наших дней. Современную литературу в анализе представляют: «Дневник волонтёра» Ю. Кузнецовой (2020), «Дневник ласточки» П. Квартальнова и О. Пташник (2021) и «Дневник начинающего археолога» П. Смородиной (2026). Дополнительно был привлечён «Дневник Коли Синицына» Н. Носова (1950). Он анализируется не только как классический текст середины XX века, но и в контексте визуальных и паратекстовых стратегий его нынешних переизданий, что позволяет проследить, как советская детская проза адаптируется к поликодовому восприятию сегодняшним читателем.

Методологическую основу работы составили сравнительно-исторический и типологический методы, позволившие выявить качественные сдвиги в механизмах детского познания и классифицировать энциклопедические факты. Для изучения взаимодействия вербального и визуального рядов применялся поликодовый анализ, а контекстуальный разбор паратекстовых элементов обеспечил реконструкцию эволюции коммуникативной модели «автор — текст — читатель».

Основная часть. Исходная модель энциклопедического повествования, представленная в «Дневнике девочки» Софьи Буткевич, опирается на пять ключевых векторов познавательных фактов, которые мы предлагаем классифицировать следующим

образом: социально-этические, естественнонаучные, технологические (производственные), географические и историко-культурные, а также бытовые и гигиенические.

Первую и наиболее значимую группу составляют социально-этические факты, которые формируют нравственную картину мира и определяют жизненные установки героини. Через повседневные эпизоды Верочка усваивает уроки милосердия и благотворительности: папа-доктор лечит бедных в домашнем лазарете, мама ежедневно кладёт хлеб в ящик у окна для нуждающихся, а после смерти слепой старушки Марфы семья принимает решение удочерить её внучку Аню. При этом мать учит девочку практическим основам милосердия (лучше покупать прочный ситец вместо красивых, но непрактичных платьев) и вовлекает в экономическую деятельность (Верочка решает вязать салфетки на продажу, чтобы заработать для Ани деньги).

Вторую группу образуют естественнонаучные факты, охватывающие биологию, зоологию и ботанику. Именно здесь ярче всего проявляется энциклопедическая природа дневника. Верочка с восторгом описывает устройство микроскопа и увиденных в капле воды инфузорий, узнаёт о трёх кастах муравьёв, фиксирует особенности строения птичьих клювов и объясняет, почему грызунам жизненно необходимо постоянно точить зубы, чтобы не погибнуть от голода.

Третью группу представляют технологические и производственные факты, которые раскрывают историю появления окружающих вещей. Эти сведения подаются через персонифицированные рассказы самих предметов. Так, бурнус повествует о превращении мериносовой шерсти в сукно, шляпка — о жизненном цикле шёлкового червя, зонтик — о хлопке из Индии и железной руде, кисейная занавеска рассказывает о хлопчатнике в Америке и изобретении прядильной машины, а дверь — о трёх способах изготовления стекла.

В четвёртую группу входят географические и историко-культурные сведения, которые органично вплетаются в рассказы о вещах. Читатель узнаёт о финикийцах, египтянах, римлянах и итальянцах, которые внесли вклад в стеклоделие, о хлопчатнике в Америке и попытках арабов в X веке привезти его в Европу, о хлопке из Индии и добыче железной руды. Эти факты формируют у юного читателя представление о мире как о едином пространстве, связанном торговлей и культурным обменом.

Наконец, пятая группа содержит бытовые и гигиенические факты: описание аптечки папы-доктора с пузырьками и пиявками, уход за канарейкой, правила полива цветов (нельзя лить воду на солнце, когда листочки утомлены жарой), а также необходимость своевременно менять воду в аквариуме с рыбками.

Все эти факты подаются не в виде сухих справок, а через призму личного опыта героини, её эмоциональных реакций, диалогов со взрослыми и практических действий. Важную роль в механизме передачи этих знаний играет адресация и мотивация ведения дневника. Книга Софьи Буткевич адресована непосредственно юным читателям, о чём свидетельствует посвящение «Племянницам моим — Саше А-вой и Верочке Р-ской» [11, с. IX]. В нём писательница рассказывает об «одной очень умной и доброй девочке», которая имела «хорошую привычку вести свой дневник» и часто читала ей отрывки, «прося иногда поправлять ей кое-что, изменить или дополнить» [11, с. IX]. Это посвящение создаёт эффект документальности: читателю внушается, что перед ним не вымысел, а подлинные записи реальной девочки, обработанные заботливой наставницей. Завершает посвящение призыв последовать хорошему примеру и тоже вести дневники, потому что их чтение «занимательнее всяких сказок» [11, с. XI]. Автор даже обещает опубликовать продолжение, если «все знакомые и незнакомые деточки» прочитают книгу [11, с. XI]. Так удаётся сформировать круг предполагаемых читателей, увлечённых общей темой и общим занятием.

Визуальная адресация книги также продумана. Второе издание (1881) было украшено четырьмя литографиями художника М. И. Железнова, гравированными на камне. Три рисунка изображали людей, а один, занимающий целую страницу, — ласточку, кормящую птенцов в гнезде. Наличие дорогостоящих литографий указывает на то, что книга предназначалась для представителей средних и состоятельных слоёв общества.

Смена парадигмы не произошла мгновенно. Важным промежуточным звеном, где традиция нравоучений начала постепенно уступать место детской исследовательской стихии, стал «Дневник Коли Синицына» Н. Носова. Это не строгий научный дневник, а классический «летний текст» (по определению И. Савкиной [5, с. 197]), хроника каникул пионера, который с пользой проводит время со своими друзьями и одноклассниками.

Решение включить в анализ советскую повесть середины прошлого века поясним следующими причинами. Во-первых, Коля Синицын — это не просто «типичный пионер», а, по сути, первый в русской детской литературе герой-практик, чей дневник фактически превращается в неуклюжее, но искреннее руководство по пчеловодству. В отличие от Верочки, которая пассивно слушает рассказы о муравьях, Коля не читает о пчёлах — он с ними работает. Во-вторых, этот текст обладает удивительной способностью к визуальной и смысловой адаптации. Первое издание 1950 года вышло с лаконичной графикой В. Ладягина [14]. Современные переиздания наполнены яркими иллюстрациями. Рисунки О. Чумаковой, например, превращают книгу в скетчбук юного натуралиста, где есть рукописные заметки на полях («Почему лошади большие?», «У меня какая-то упрямая голова?» [15, с. 5]), схематичные рисунки ульев, пятна чернил и каракули. Современный ребенок, привыкший к визуальной эстетике интернета, узнаёт в этих страницах понятный способ фиксации мира. Благодаря таким издательским решениям повесть Николая Носова органично вписывается в контекст детского чтения 2020-х годов и является одной из самых часто переиздаваемых книг для детей. Коля лишён идеологических установок, Николай Носов относил Колю Синицына к обобщенным, собирательным образам [3, с. 183]. Его непосредственность, самоирония, способность смеяться над своими ошибками и с энтузиазмом браться за новое дело остаётся неизменной приметой детского познания и поведения, что позволяет сегодняшнему читателю видеть в мальчике не героя из прошлого, а сверстника.

Принципиальное отличие современных произведений от модели Софьи Буткевич заключается в смене коммуникативной установки. С. Буткевич обращалась к читателю через систему паратекстов, а инициатива ведения дневника исходила от взрослого. В текстах XX–XXI веков мотивация записей принадлежит самому герою. Так, Коля Синицын задумал во время каникул вести дневник, сам «купил толстую общую тетрадь в синей обложке» и решил писать аккуратно, чтобы за это в подарок от мамы получить «вечную ручку» [15, с. 4]. События для фиксации в дневнике он также выбирает самостоятельно, никто из взрослых его записи не редактирует.

Книга «Дневник волонтера» Юлии Кузнецовой завершается послесловием писательницы, где она напрямую объясняет читателю, что такое волонтерство, как устроены психоневрологические интернаты и почему книга написана именно в форме дневника. Этот паратекст не поучает, а ретроспективно расширяет контекст, помогая читателю осмыслить уже пережитый вместе с героиней опыт и соединяет художественное повествование с реальностью. В самом тексте главная героиня, четвероклассница Ариша, соглашается писать в тетради для улучшения почерка, но сама ограничивает круг тем, отмечая в первой записи: «Я буду писать про то, что мне нравится. А именно — про ВОЛОНТЕРСТВО» [13, с. 6].

В книге П. Квартальнова и О. Пташник «Дневник ласточки» повествование открывается кратким вступлением от лица человека-наблюдателя: «Прилёт ласточек означает для нас, людей, приход весны... Или осени?.. Зависит от того, где мы живем. Маршруты перелётных птиц связывают все континенты, а самая узнаваемая во всём мире птица — деревенская ласточка» [12]. Это вступление устанавливает связь с читателем-человеком через привычные культурные ассоциации, но сразу же «передает эстафету» птице. Далее субъектом высказывания становится сама ласточка, которая «ведёт» датированный дневник своей жизни и миграции.

«Дневник начинающего археолога» Полины Смородиной открывается важным авторским вступлением-обращением к читателю. Без подписи, но явно от лица автора-повествователя, текст приглашает юного читателя к воображаемому путешествию:

«Представь себе пещеру в огромной скале...» [16, с. 2]. Это вступление создает атмосферу исторических открытий, объясняет профессию археолога через метафору «детективов, опоздавших на место преступления на несколько сотен или даже тысяч лет» и формирует ожидание приключения [16, с. 2]. Главный герой Серёжа заводит «Тетрадь по археологии» по собственному желанию, его папа поддерживает начинание словами — «когда переписываешь от руки, всё лучше запоминается» [16, с. 5].

Проследить, как именно эта трансформация энциклопедического повествования проявляется на уровне конкретного содержания, удобнее всего через сопоставление ключевых векторов энциклопедичности, выделенных выше. Поскольку пятая группа (бытовые и гигиенические навыки) в целом сохраняет преемственность и не демонстрирует радикального сдвига парадигмы, основное внимание мы сосредоточим на остальных четырёх. Начнём с наиболее значимой группы — социально-этических установок — и проанализируем, сравнивая «Дневник девочки» С. Буткевич и «Дневник волонтера» Ю. Кузнецовой.

Для понимания этой эволюции важно обратиться к социальному контексту героинь. Верочка из «Дневника девочки» растёт в патриархальной дворянской среде. Её отец работает доктором, а мать занимается устройством дома. Через познавательный интерес Верочки отражаются реалии частного, семейного милосердия. Девочка наблюдает за работой домашнего лазарета, сама учится ухаживать за пациентами. Мама приучает её к системной, но скрытой помощи, формулируя главный нравственный закон эпохи: «Добро надо делать так, чтобы никто об этом не знал» [11, с. 64]. У четвероклассницы Ариши из книги «Дневник волонтера» — современная городская семья, где мама работает переводчиком с английского и немецкого языков, папа занят своей карьерой, а также растёт младшая сестра, ученица первого класса.

В XIX веке помощь носила характер частной благотворительности и личного милосердия, а в современном обществе, как отмечено в федеральном законе, под волонтерством «понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг: социальной поддержки и защиты граждан» [4]. Разграничивая понятия спонтанной благотворительности и институционального волонтерства, отметим, что в «Дневнике волонтера» Ю. Кузнецовой понятие помощи раскрывается через детальное описание повседневной практики психоневрологического интерната. Читателю приоткрывается мир людей с тяжёлыми физическими и ментальными нарушениями — синдромом Дауна, ДЦП, слепотой. Мама Ариши посвящает свободное время подопечным и через свои действия передаёт дочери разнообразные формы заботы. Например, подробно описывается, как они выбирают фактурные материалы в магазине для создания тактильной книги для незрячей девочки Тани. Или как готовятся к новогоднему спектаклю по «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса: мама пишет сценарий, распределяет роли, на свои деньги покупает кукол и реквизит, а потом ставит этот спектакль. Ариша, которая вначале думала, что «песнь» нужно петь, потом понимает, что это «история про Рождество», а реквизит — это «всякие штуки, которые нужны для спектакля» [13, с. 62, 67].

При этом волонтерство предстаёт не как лёгкое праздничное мероприятие, а как тяжёлый физический труд, требующий специальных навыков. Девочка узнаёт, что проблемы многих пациентов кроются в социальной запущенности. У многих подопечных почти нет зубов, и мама объясняет, что это не биологическая закономерность, а следствие отсутствия базовых гигиенических навыков: «зубов нет, потому что многие не чистят. Их особо не учат этому» [13, с. 85]. Точно так же Ариша узнаёт о природе синдрома Дауна на примере девушки, которая «не говорит» не из-за самой генетической особенности, а потому что сразу после рождения её «отдали в детский дом, где с ней не занимались» [13, с. 100]. Ариша понимает, что пациенты интерната не умеют писать, потому что их этому не учили [13, с. 38].

Волонтерство оказывается изматывающим трудом, и тема эмоционального выгорания становится одной из ключевых в книге. Наблюдая, как мама возвращалась уставшей из интерната, Ариша объясняла для себя это её возрастом. После регулярных поездок, девочка

признаётся в дневнике: «У меня ноги гудят. Хотя я много не ходила. И ещё голова чуточку гудит. Наверное, я всё-таки устаю» [13, с. 111]. Главным открытием для неё становится этика привязанности и цена предательства. Когда один из волонтеров уходит, не попрощавшись, мама объясняет тяжёлые последствия этого поступка для психики подопечных: «если не попрощаться, ребята так и будут ждать, ждать, ждать его всю жизнь» [13, с. 85]. В итоге, энциклопедичность в тексте Ю. Кузнецовой трансформируется из простого набора фактов в глубокое социальное и психологическое знание, пережитое через личный опыт героини.

Вторую группу из нашей классификации — естественнонаучные факты — разберём, сравнивая изучение насекомых в книгах С. Буткевич и Н. Носова. Это сопоставление позволяет проследить, как меняется сама энциклопедическая стратегия: от трансляции готовых знаний к формированию научного метода.

В «Дневнике девочки» знакомство с миром муравьёв носит характер назидательной беседы. Во время короткой прогулки тётя Марья Андреевна в занимательной форме рассказывает детям о муравьях. Она даёт подробную информацию о видах муравьёв («В каждом муравейнике есть три сорта муравьёв: отцы, матери и работники» [11, с. 28]), их анатомии («У них на головках есть маленькие крючочки, которые заменяют им заступ» [11, с. 28]) и сложной архитектуре муравейника («... дом их выстроен в несколько этажей, в каждом есть коридоры, галереи и залы» [11, с. 28–29]). Особое внимание Марья Андреевна уделяет заботе муравьёв о потомстве: в дождливое время, когда нижняя часть жилища заполняется водой, они переносят своих «жирных детёнышей» в безопасное сухое место, а во время жары спускаются с ними на нижние этажи [11, с. 29]. Она также поясняет разницу между рыжими и чёрными муравьями, приводит в пример опыт учёного Гюбера и рассказывает о муравьях Гвианы, которых сравнивает с громадным войском, тянущимся «несколькими днями бесчисленными колоннами» [11, с. 30–32]. Дети во время этого разговора выступают пассивными слушателями, безоговорочно верящими авторитетному взрослому. Познавательный интерес здесь направлен на запоминание фактов, а не на их проверку или осмысление.

Николай Носов предлагает другую модель. Энциклопедичность в «Дневнике Коли Синицына» трансформируется в попытку самостоятельного исследования: знания о пчёлах становятся не самоцелью, а основой для эмпирического эксперимента. Коля и его друзья не просто узнают факты о жизни пчёл, но и сами иницируют научный поиск. Эпизод с маркировкой пчелы белой краской для проверки гипотезы о путях коммуникации является хрестоматийным примером детской исследовательской деятельности: ребята выдвигают предположение, проводят практический опыт, фиксируют результаты и делают собственные выводы. Взрослый — учительница биологии и руководитель школьного кружка юных натуралистов Нина Сергеевна — выступает в роли наставника и старшего товарища. Она не читает им лекции, а корректирует ошибочные теории и направляет самостоятельную работу. В процессе совместного труда на пасеке дети узнают о сложной иерархии улья, где у каждой особи есть своя функция: матка откладывает яйца, трутни оплодотворяют её, а тысячи рабочих пчёл собирают нектар, строят соты и охраняют жилище [15, с. 80–82]. Особый восторг у ребят вызывает «пчелиный танец» — странное поведение пчёл в улье, которое они наблюдают через зеркальце. Нина Сергеевна объясняет, что, когда «пчела находит место, где цветёт много цветов, она возвращается в улей и начинает плясать. Этим она даёт знать другим пчёлам, что надо лететь за мёдом. Во время танца остальные пчёлы обнюхивают танцующую пчелу и по запаху узнают, на каких цветах она брала мёд. После этого они вылетают из улья и летят туда, откуда доносится запах этих цветов» [15, с. 84–85]. Познавательный интерес здесь носит активный, исследовательский характер. Дети не просто слушают, а спорят, проверяют гипотезы и приходят к истине через личный опыт. Объяснение поведения пчёл в повести соответствовало уровню знаний 1950-х годов, когда Н. Носов писал книгу. Полная расшифровка пчелиного танца принадлежит австрийскому зоологу Карлу фон Фришу (1886–1982), который доказал и обобщил результаты в монографии (1967), что танец кодирует не

только сигнал «летите за мёдом», но и конкретные координаты: тип танца (круговой — близко, виляющий — далеко) сообщает расстояние, а угол оси танца относительно солнца — направление полёта [10, с. 29, 57, 129]. За это открытие Фриш получил Нобелевскую премию по физиологии и медицине в 1973 году.

Отдельно рассмотрим орнитологическую тематику, которая демонстрирует смену позиции наблюдателя. В книге С. Буткевич используется композиционный приём «рассказ в рассказе». Во время встреч у старушки Анны Васильевны познавательные беседы с детьми часто касались орнитологии. Однажды бабушка предлагает детям по памяти описать ласточку и воробья, а затем переходит к масштабному повествованию. Центральным эпизодом становится «История дрозда» — фольклорная притча о милосердии и принятии подброшенного кукушонка. Завершается эта встреча подробным образовательным разговором о многообразии пернатых (соловьях, скворцах, снегирях и др.) [11, с. 73]. Для вовлечения детей в повествование бабушка применяет педагогический приём художественной персонификации. Она предлагает представить, что сам дрозд повествует им свою биографию от первого лица [11, с. 73]. Так автор вводит в ткань дневника художественно-аллегорическое повествование, которое позволяет органично совместить научно-познавательные сведения о повадках птиц с эмоционально-нравственной притчей, доступной для детского восприятия. Образ ласточки здесь складывается из коллективного наблюдения и наставления. Когда Анна Васильевна спрашивает детей о внешности птицы, те не могут ответить внятно, и тогда она сама даёт точное, почти энциклопедическое описание: «У ласточки головка очень маленькая, клюв короткий, широко раскрывающийся, хвост длинный, на конце раздвоившийся, крылья чёрные, брюшко и шейка беленькие» [11, с. 74]. Основная информация подаётся не в ходе игры или самостоятельного открытия, а как готовое знание от старшего.

В книге П. Квартальнова и О. Пташник «Дневник ласточки» повествование ведётся от первого лица: птица сама рассказывает о себе, называя Ирландию своей родиной и описывая изумрудные луга, открывающиеся с высоты полёта. Ласточка перестаёт быть просто объектом изучения или аллегорией — она становится субъектом, наделённым собственной биографией, чувством дома и радостью существования. Например, рассказ о том, как ласточка совершает перелёты, переплетается с подробным объяснением: «Пуховые перья помогают сохранять тепло. Покровные — защищают от дождя, облегчают скольжение по воздуху. Тонкие перья-волосы улавливают колебания воздуха, помогают ориентироваться в полёте. Перья-щетинки защищают наши глаза подобно ресницам. Маховые перья растут на крыльях... А рулевые перья хвоста нужны, чтобы поддерживать равновесие в полёте» [12]. Этот фрагмент не просто даёт факты, но и показывает, как сложно и совершенно устроена птица, делая знание живым для читателя.

Наиболее полное «перевоплощение» в птицу происходит в дневниковых записях от 26 мая, где ласточка документирует этапы своего появления на свет: от желтка внутри яйца до вылупления, слепоты, первого оперения и превращения в птенца с коротким хвостом. Важную роль в этом процессе играет визуальный ряд. В отличие от гравюр в книге С. Буткевич, рисунки Ольги Пташник вступают с текстом в отношения равноправного соавторства, формируя поликодовое повествование.

Следуя определению, предложенному в лингвистических исследованиях, под поликодовыми понимаются тексты, «построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих — вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [7, с. 117]. Благодаря такому взаимодействию научных иллюстраций и вербального ряда книга превращается в своеобразную игру-путешествие. Это позволяет современным детям не просто усваивать биологические факты, но и визуально, и эмоционально проживать их.

Познание природы в рассматриваемых текстах эволюционирует от моральной притчи к прямому документальному наблюдению. Переход от воображаемых экскурсов к реальной полевой работе хорошо виден при сравнении «Дневника девочки» и «Дневника

начинающего археолога». В обеих книгах дети познают мир, путешествуя и общаясь со взрослыми, но если у С. Буткевич это происходит в воображении, то у П. Смородиной — наяву, в реальных раскопках.

В «Дневнике девочки» С. Буткевич во время одной встречи старушка Анна Васильевна предлагает детям отправиться в воображаемое путешествие, которое начинается с разговора о зеркале, а затем разворачивается в настоящую энциклопедию стекольного дела, оптических приборов и истории изобретений. Верочка и её друзья узнают, как делают зеркала: «На столе, покрытом металлической доской, разливают горячее стекло, доска перед тем нагревается, потом, когда стекло остынет, его полируют, т. е. натирают сначала мелким песком, а затем суконками, обмоченными в купорос» [11, с. 96]. Наставница рассказывает о телескопе, с помощью которого следят «за движением светил небесных», и о микроскопе, представленном голландцем Инсом в 1590 году. Удивление вызывает история про изобретение первой зрительной трубы голландским оптиком Иваном Липерсгеем, которому помог собственный ребенок, случайно сложивший два выпуклых стекла и увидевший птицу на колокольне так близко, как будто она была у них на окне. Именно этот эпизод зажигает детское воображение, и мальчик Ваня восклицает: «О если б я мог изобрести что-нибудь!» [11, с. 100]. В этом возгласе слышится главный результат всего путешествия. Дети не просто получают энциклопедические сведения. Они начинают чувствовать себя частью длинной цепи открытий, где даже случайная игра может привести к великому изобретению.

В «Дневнике начинающего археолога» Полины Смородиной познание строится через реальный опыт, личное участие и диалог, в котором ребёнок выступает активным исследователем. Уже на переднем форзаце книги, до титульного листа, читателю предлагается «Словарик начинающего археолога», где в доступной форме разъясняются ключевые термины: артефакт, археология, бронзовый век, железный век и другие. При этом терминологическая работа не заканчивается на этом словаре. Каждое из этих понятий дополнительно поясняется в самом тексте по мере его появления, что создаёт эффект двойного закрепления знания и превращает чтение в своеобразную профессиональную подготовку юного исследователя. В майский выходной Серёжина семья едет на дачу, и за вскапыванием огорода мальчик спрашивает своего дядю, который был заместителем начальника экспедиции и преподавателем, можно ли найти артефакты на грядках. Разговор переходит к древнему оружию. Серёжа называет каменные топоры и мечи, дядя Саша добавляет кистень и поясняет, что это «боевая гиля, которую подвешивали на верёвку или цепь и раскручивали, чтобы сбить врага с ног», а папа вспоминает боевые ножи [16, с. 17]. Все обсуждаемые виды оружия представлены на иллюстрации (рисунки к тексту выполнены Вячеславом Кривенко). Позже в лагере студент Дима рассказывает Серёже о старинных украшениях, и мальчик старается записать всё услышанное в тетради. Дима объясняет, что «раньше люди носили украшения не только для красоты, но и для защиты от тёмных сил», называет височные кольца и браслеты, а также рассказывает о талисманах в виде животных — у скифов это бегущие олени, у финских племён — кони и утки [16, с. 22]. Серёжа работает вместе со взрослыми на раскопе и поясняет, что раскопом называется «большой прямоугольник, огороженный по краям колышками и сигнальной лентой», узнаёт и записывает в дневнике, что такое «дождевой завтрак», как происходит «посвящение в археологи» и чем они отличаются от «кладоискателей» и «чёрных копателей» [16, с. 20, 24, 27, 30]. Вся эта информация подаётся не как готовое знание в монологе взрослого, а как ответы на вопросы, которые Серёжа задаёт сам.

В обеих книгах дневник — это не просто способ рассказать историю, а то, что помогает герою осмыслить мир. У С. Буткевич Верочка записывает услышанное от взрослых, а мама редактирует и дополняет её записи, превращая их в подобие энциклопедических статей. У П. Смородиной Серёжа тоже ведёт дневник, но его записи имеют принципиально иную природу. Сначала это просто тетрадь, на обложке которой он крупными буквами пишет: «Тетрадь по археологии». После экспедиции переименовывает

её в «Дневник Начинающего Археолога». Для Серёжи дневник — это способ систематизировать знания и выразить личное отношение. При этом, как и Верочка, он передаёт читателю базовые понятия науки, но делает это не со слов взрослого наставника, а на основании собственного полевого опыта. Так дневник школьника фактически превращается в своеобразный путеводитель по профессии археолога, где в понятной и занимательной форме поясняются термины, методы и этика раскопа.

Заключение. Проведенный сравнительный анализ позволяет констатировать, что эволюция детской дневниковой прозы от середины XIX века к современности отражает фундаментальный сдвиг в парадигме детского познания. Если в XIX веке дневник выполнял функцию дидактической оболочки, которая транслировала ребёнку готовую, систематизированную взрослым картину мира, то в литературе XXI века он становится пространством для личного проживания знаний и осознанного сопереживания.

Познавательная деятельность героя и, как следствие, читателя проходит путь от пассивного созерцания и заучивания фактов к активному совместному участию. Наиболее показательные векторы энциклопедичности претерпевают значительные изменения. Социально-этический вектор смещается от патриархального милосердия к осознанному волонтерству, которое требует глубокой личной включенности и ответственности. Естественнонаучный вектор (включая орнитологическую тематику) эволюционирует от назидательного любования природой к формированию научного метода, где герой через поликодовый текст напрямую идентифицирует себя с миром фауны. Технологический и историко-культурный векторы переходят от воображаемых экскурсов к реальной полевой методологии. При этом пятая группа — бытовые и гигиенические навыки — сохраняет преемственность, оставаясь стабильным фоном повседневности.

В результате современный детский дневник перестаёт быть просто формой фиксации быта. Он становится средой совместного открытия, где энциклопедические знания неотделимы от личного эмоционального опыта и этического выбора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дневник девочки : сочинение С. Буткевич, с предисловием И. С. Тургенева. — СПб. : Издание Н. А. Серно-Соловьевича, 1862. — [Рецензия] // Отечественные записки. — 1862. — № 12. — С. 187–191.
2. Кемниц, Е. К. Детские книги / Е. К. Кемниц // Учитель. — 1863. — № 17. — С. 828–838.
3. Носов, Н. О себе и своей работе / Н. Носов // Жизнь и творчество Николая Носова : сборник / сост. С. Е. Миримский. — М. : Детская литература, 1985. — С. 171–186.
4. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ. — URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-11081995-n-135-fz-o/> (дата обращения: 05.08.2026).
5. Савкина, И. Л. Хорошее место для жизни: обыденные и не совсем обычные пространства в прозе Н. Носова 1940–1950-х годов / И. Л. Савкина // Детские чтения. — 2024. — № 2 (26). — С. 184–209.
6. Соболев, М. В. Справочная книжка по чтению детей всех возрастов : (Книги и журн. с 1870 по 1906 г.) / сост. М. В. Соболев. — 2-е изд., доп. — СПб. : Т-во А. Ф. Маркса, 1907. — XX, 580 с.
7. Сонин, А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления / А. Г. Сонин // Вопросы языкознания. — 2005. — № 6. — С. 115–123.
8. Тургенев, И. С. Предисловие к первому изданию / И. С. Тургенев // Буткевич, С. М. Дневник девочки : с предисловием И. С. Тургенева. — М.: А. Усова, 1881. — С. V–VI.
9. Что читать народу? : критический указатель книг для народного и детского чтения : в 3 т. / сост. учительницами Харьков. частной жен. воскрес. шк. Х. Д. Алчевской [и др.]. — СПб. : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1884. — Т. 1–3. — XVI, 652 с.
10. Frisch, K. von. The Dance Language and Orientation of Bees / K. von Frisch. — Cambridge, Mass. : Belknap Press of Harvard University Press, 1967. — XIV, 566 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Буткевич, С. М. Дневник девочки: С предисл. И. С. Тургенева / С. М. Буткевич. — М.: А. Усова, 1881. — XII, 175 с.
12. Квартальнов, П. Дневник ласточки / П. Квартальнов, О. Пташник. — М.: Самокат, 2021. — 48 с.
13. Кузнецова, Ю. Дневник волонтера / Ю. Кузнецова. — М.: Волчок, 2020. — 191 с.
14. Носов, Н. Н. Дневник Коли Синицына / Н. Н. Носов. — М.; Л.: Детгиз, 1950. — 98 с.
15. Носов, Н. Н. Дневник Коли Синицына / Н. Н. Носов. — М.: Самовар, 2020. — 112 с.

16. Смородина, П. К. Дневник начинающего археолога / П. К. Смородина. — СПб.: Антология, 2026. — 40 с.

REFERENCES

1. Dnevnik devochki : sochinenie S. Butkevich, s predisloviem I. S. Turgeneva [A Girl's Diary : a work by S. Butkevich, with a preface by I. S. Turgenev]. — St. Petersburg : Izdanie N. A. Ser-no-Solov'evicha, 1862. — [Review] // Otechestvennye zapiski. — 1862. — № 12. — P. 187–191. (In Russian)
2. Kemnic, E.K. (1863). Detskie knigi [Children's books]. Uchitel' [Teacher], 17, 828–838. (In Russian)
3. Nosov, N. O sebe i svoei rabote [About Himself and His Work] / N. Nosov // Zhizn' i tvorchestvo Nikolaya Nosova : sbornik [Life and Work of Nikolai Nosov : a collection] / comp. S. E. Mirimskii. — Moscow : Detskaya literatura, 1985. — P. 171–186.
4. O blagotvoritel'noi deyatelnosti i dobrovol'chestve (volonterstve) : Federal'nyi zakon ot 11 avgusta 1995 g. № 135-FZ [On Charitable Activities and Volunteering : Federal Law No. 135-FZ of August 11, 1995]. — URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-11081995-n-135-fz-o/> (data obrashcheniya: 05.08.2026). (In Russian).
5. Savkina, I.L. (2024). Horoshee mesto dlya zhizni: obydennye i ne sovsem obydennye prostranstva v proze N. Nosova 1940–1950-h godov [A good place to live: ordinary and not quite ordinary spaces in N. Nosov's prose of the 1940s–1950s]. Detskie chteniya [Children's Readings], 2 (26), 184–209. (In Russian)
6. Sobolev, M. V. Spravochnaya knizhka po chteniyu detei vseh vozrastov : (Knigi i zhurn. s 1870 po 1906 g.) [Reference Book on Reading for Children of All Ages : (Books and magazines from 1870 to 1906)] / comp. by M. V. Sobolev. — 2nd ed., suppl. — St. Petersburg : T-vo A. F. Marksa, 1907. — XX, 580 p. (In Russian)
7. Sonin, A. G. (2005). Eksperimental'noe issledovanie polikodovykh tekstov: osnovnye napravleniya [Experimental research on polycode texts: main directions]. Voprosy yazykoznaniiya [Topics in Linguistics], 6, 115–123. (In Russian)
8. Turgenev, I.S. (1881). Predislovie k pervomu izdaniyu [Preface to the first edition]. In S.M. Butkevich, Dnevnik devochki: s predisloviem I.S. Turgeneva [A girl's diary: with a preface by I.S. Turgenev] (pp. V–VI). Moscow: A. Usova. (In Russian)
9. Chto chitat' narodu? : kriticheskii ukazatel' knig dlya narodnogo i detskogo chteniya [What to Read to the People? : a critical index of books for popular and children's reading] : in 3 vols. / comp. by teachers of Kharkiv private women's Sunday school Kh. D. Alchevskaya [et al.]. — St. Petersburg : Tip. T-va «Obshchestv. Pol'za», 1884. — Vol. 1–3. — XVI, 652 p. (In Russian)
10. Frisch, K. von. The Dance Language and Orientation of Bees / K. von Frisch. — Cambridge, Mass. : Belknap Press of Harvard University Press, 1967. — XIV, 566 p.

Поступила в редакцию 05.09.2026 г.

V. A. Filatova

POETICS OF ENCYCLOPEDIC NARRATIVE IN RUSSIAN CHILDREN'S DIARY PROSE OF THE 19TH–21ST CENTURIES

The article explores the poetics of encyclopedic narrative in Russian children's diary prose, drawing on the works of S. Butkevich (1862), N. Nosov (1950), Y. Kuznetsova (2020), P. Kvartalnov and O. Ptashnik (2021), and P. Smorodina (2026). A defining feature of the compared works is a shift in the underlying mechanisms of cognition: from the passive assimilation of second-hand knowledge in the second half of the 19th century to the independent exploration of the world and conscious empathy in contemporary literature. In each of the works, the diary form functions not merely as a generic convention, but as an environment for the personal lived experience of knowledge and the cultivation of the young reader's moral sensitivity. The study provides a detailed analysis of the evolution of communicative stances, the literary techniques used to represent scientific and social material, and the role of visual paratexts in shaping a unified visual-textual space.

Keywords: children's literature, diary prose, encyclopedic narrative, cognitive strategies, multimodal text.

Филатова Виктория Алексеевна.

Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова,
г. Горловка, Российская Федерация.

Кандидат филологических наук, доцент

Доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода.

ORCID 0009-0001-8940-8955

E-mail: www.vafilatova@mail.ru

Filatova Victoria Alekseyevna.

Donetsk State Pedagogical University named after
V. Shatalov,

Gorlovka, Russian Federation.

Candidate of Philology, Associate Professor

associate professor of the Department of Foreign
Philology, Theory and Practice of Translation.

ORCID 0009-0001-8940-8955

E-mail: www.vafilatova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Научная статья

УДК 81`42

DOI: 10.5281/zenodo.22910882

Я. В. Фирсова © 2026

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования

«Донецкий государственный университет»

ORCID 0009-0001-0201-1198

КОЛОРАТИВЫ В СТРУКТУРЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ МАСТЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Работа посвящена исследованию колоративной лексики как средства репрезентации коммуникативной личности Мастера в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Материалом исследования послужили контексты употребления цветообозначений, связанных с образом Мастера, его восприятием действительности, творчеством и отношениями с Маргаритой. В работе использованы описательно-аналитический, контекстуальный, семантико-интерпретационный и сопоставительный методы, а также элементы лингвоперсонологического подхода. Цвет в художественном сознании Мастера выполняет эмоционально-оценочную, психологическую, символическую и коммуникативную функции. Выявлено, что наиболее значимыми являются черный, желтый, белый и красный цвета, образующие систему контрастных оппозиций. Черный и желтый связаны с мотивами одиночества, тревоги, судьбоносности, творческого кризиса и самоидентификации; белый и красный раскрывают нравственно-философскую проблематику романа о Понтии Пилате.

Ключевые слова: М. А. Булгаков, «Мастер и Маргарита», колоратив, коммуникативная личность, художественный текст, языковая картина мира.

Для цитирования: Фирсова Я. В. Колоративы в структуре коммуникативной личности Мастера (на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Я. В. Фирсова // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 3. — С. 111–118. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.22910882>.

Введение. Исследование языковой картины мира личности является одним из актуальных направлений современной лингвистики, поскольку позволяет выявить взаимосвязь языка, когнитивных процессов, эмоционального восприятия и индивидуального мировосприятия. Язык обеспечивает передачу информации и участвует в формировании и репрезентации системы представлений человека об окружающей действительности. Особое место в формировании художественной картины мира занимает цветовая семантика. Роман «Мастер и Маргарита» характеризуется сложной системой цветовых образов, связанных с персонажами, событиями, эмоциональными состояниями и мировоззренческими конфликтами. При этом особого внимания заслуживает цветовая картина мира Мастера как элитарной языковой личности. Теоретическую основу исследования составили положения о языковой картине мира и её связи с индивидуальным сознанием личности (В. И. Поставалова, В. А. Маслова), исследования цветовой реальности и субъективности цветового восприятия (В. Г. Кузьмин), психологии цветового воздействия (Б. А. Базыма), а также работы, посвященные семантике и функционированию колоративов в художественном тексте (Е. А. Масолова, А. Н. Коробова). Цель исследования заключается в выявлении особенностей функционирования колоративной лексики в репрезентации коммуникативной личности Мастера в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить основные теоретические подходы к изучению

колоративов и цветовой картины мира в художественном тексте; 2) выявить наиболее значимые цветообозначения, связанные с образом Мастера; 3) установить их контекстуальную и символическую семантику; 4) определить роль цветовых оппозиций в репрезентации эмоционального, психологического и мировоззренческого состояния Мастера. Объектом исследования является цветовая лексика романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Предмет исследования — семантические, коммуникативные, психологические и символические функции колоративов, участвующих в формировании речевого образа Мастера.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужил роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в частности фрагменты текста, содержащие цветовые номинации, непосредственно связанные с образом Мастера, его речью, восприятием окружающей действительности, характеристикой событий, определяющих судьбу героя. Основное внимание уделено черному, желтому, белому и красному цветам, а также их сочетаниям и контекстуальным реализациям. В работе использован комплексный методологический подход, объединяющий несколько методов исследования. Основным является описательно-аналитический метод, позволяющий выявить и систематизировать цветовые номинации, определить особенности их контекстуального употребления и описать выполняемые ими функции. Также использованы семантико-интерпретационный метод для определения трансформации традиционной цветовой символики в художественном мире романа, лингвоперсонологический подход, направленный на установление связи между языковым поведением героя и характеристиками его коммуникативной личности, контекстуальный метод, предполагающий анализ ближайшего и широкого контекста употребления цветовой лексики.

Основная часть. Концепт «цвет» в науке рассматривается как междисциплинарная категория, включающая физиологический, психологический, лингвистический и культурологический аспекты. С точки зрения феноменологического подхода В.Г. Кузьмин считает, что данный концепт может рассматриваться как цветовая реальность: «Поскольку уникальность всякого познающего субъекта обусловлена его физиологией, психикой, языковыми и культурными традициями, в рамках которых он воспитан и живет, то и цветовая реальность для такого субъекта уникальна в момент направленного на нее взгляда (в момент интенции)». Отсюда следует, что цветовая реальность субъективна и может конституироваться познающим субъектом в зависимости от его индивидуального восприятия в конкретный момент времени. На восприятие цветовой реальности могут влиять психологический, физиологический, языковой и культурный уровни познающего субъекта [4, с. 24].

К изучению влияния цвета на психику человека обращался Б. А. Базыма в монографии «Психология цвета: теория и практика» (2005). Автор считает, что «цветовой тон отражает психофизиологическую направленность эмоционального воздействия цвета на человека» [1, с. 66]. Исследователь утверждает, что связь между цветом и мышлением детерминирована эмоциональным состоянием личности: «Цвет вызывает определенные и специфические изменения в психическом мире человека, интерпретация которых порождает то, что мы называем цветовыми ассоциациями и символами, впечатлениями от цвета» [там же, с. 25–26].

В течение последнего десятилетия в сфере филологических исследований отмечен существенный прирост научного знания, связанного с осмыслением базовых цветовых концептов в рамках языковых картин мира. В русле когнитивной лингвистики обоснованно постулируется, что формирование картины мира обусловлено системой представлений личности об окружающем мире. Поскольку мир представляется как динамическое взаимодействие человека и окружающей среды, то картина мира предстает как результат переработки информации о внешней среде и субъекте познания. По мнению В. А. Масловой, «роль языка состоит не только в передаче сообщения, но в первую очередь во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Возникает как бы «пространство значений» (в терминологии А. Н. Леонтьева), т. е. закрепленные в языке

знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, т. е. языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике» [5, с. 64–65]. Концепт «цвет» в художественном тексте выполняет особую смыслообразующую функцию, при этом фокус анализа смещается с этнокультурных цветовых стереотипов, закрепленных в языковой картине мира определенного сообщества, на индивидуально-авторскую модуляцию восприятия действительности. Она реализуется в рамках идиостиля – специфической художественно-образной модели мира, отражающей когнитивно-эстетическую позицию писателя.

Колоративная лексика в поэтике художественного произведения выступает многофункциональным средством художественной выразительности: с её помощью автор маркирует эмоционально-психологическое состояние персонажей и выстраивает эмоционально-смысловые акценты, эксплицирует конфликтные линии, формирует подтекстовые смыслы. Цветообозначения функционируют как семантически нагруженные элементы текста, участвующие в порождении художественного смысла и в организации читательского восприятия.

При восприятии художественного текста у читателя выстраивается художественная картина мира, соотносящаяся с мироощущением автора. Картина мира является результатом взаимодействия человека с миром реальным, отражающим духовную и социальную активности личности. Исследование языковой картины мира остается одной из центральных проблем современной лингвистики, обусловленное доминирующим интересом науки к взаимосвязи языка, когнитивных процессов и человеческой индивидуальности. В. И. Постовалова отмечает, язык выступает фундаментом для формирования собственной глубинной картины мира и служит инструментом экспликации иных концептуальных систем. Посредством специализированной лексики эти системы интегрируются в языковую структуру, вобравшую в себя индивидуальные языковые характеристики личности и культурный аспект [10, с. 11].

Картина мира характеризуется диалектическим единством стабильности и изменчивости. Будучи динамической структурой, формирующейся в процессе человеческой деятельности, она не является статичной: в течение жизни личности картина мира подвергается перманентной трансформации, дополнению и концептуальной корректировке [10, с. 48].

Отметим, что XX век является переломной эпохой, что не могло не отразиться в искусстве, тем более в литературе. В это время ключевой темой закономерно становится положение личности в эпицентре исторических потрясений. В условиях масштабных социальных катаклизмов внимание к частной жизни, внутренним переживаниям и духовному миру отдельного человека отходило на второй план, уступая место коллективному образу «массы», который доминировал в ранней советской прозе, что можно наблюдать в творчестве М. А. Булгакова. Подобная девальвация человеческой индивидуальности была продиктована самой эпохой: череда войн, революций, репрессий и социальных экспериментов вынуждала людей сосредоточиться на выживании. В результате постоянное участие в исторических конфликтах препятствовало рефлексии и осознанию личной ответственности за собственную судьбу. Посредством цветообозначений М. А. Булгаков формирует картину мира, наполненную несправедливостью и злым роком.

Колоративы, или цветообозначения, как значимые элементы семантической структуры языковых единиц обладают коннотативной нагрузкой. В контексте глобальных социокультурных сдвигов их роль возрастает: они становятся инструментом формирования авторского стиля и средством передачи глубоких психологических состояний. Отсюда лексика трансформируется из денотативного инструмента в сложный эстетический ресурс, транслирующий имплицитные и эксплицитные смыслы. Е. А. Масолова отмечает, что в художественном тексте колоративы насыщаются окказиональной семантикой, а значит в рамках конкретного контекста цветовые обозначения могут отходить от своих традиционных,

архетипических интерпретаций и наполняться новыми, индивидуально-авторскими смыслами [6, с. 195]. Данные языковые единицы превращаются в так называемые семиотические маркеры, позволяющие определить речевую картину мира персонажа. А. Н. Коробова подчёркивает, что цвет имеет особую символическую функцию и способствует коммуникации и пониманию психического состояния художественной личности [2, с. 823]. По мнению исследователя С. В. Пилатовской, в художественном тексте «колоративы означают особую группу слов, с помощью которых выражается не только непосредственно прямое значение цвета, но и метафорическая, индивидуальная авторская семантика» [9, с. 65].

В романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» читатель сталкивается с цветовой палитрой, проецирующей восприятие автором реальности. В построении речевого образа Мастера автор часто использует черный цвет, который в культуре имеет противоречивые значения. Обратимся к эпизоду, в котором Мастер описывает Маргариту: «И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном её весеннем пальто» [13, с. 160], «продела свою руку в черной перчатке с раструбом в мою, и мы пошли рядом» [там же, с. 160], «пока без стука, почти совсем бесшумно, не равнялись с окном туфли с черными замшевыми накладками-бантами, стянутыми стальными пряжками» [там же, с. 161], «Я в ту же секунду оказывался у этого окна, но исчезала туфля, черный шелк, заслоняющий свет, исчезал, — я шел ей открывать» [там же, с. 161]. Таким образом, перед читателем возникает образ возлюбленной Мастера, созданный на основе цветоопределения и, следовательно, цвет здесь становится способом построения образа другого человека. Традиционно черный цвет ассоциируется с негативным восприятием: смертью, грехом, скорбью и силами зла. В романе М. А. Булгакова этот цвет также выступает маркером темных сил, однако речевое описание Маргариты Мастером позволяет выделить в нем другой смысл: черный тон обретает амбивалентность, воплощая не только разрушение, но и покой, высшую справедливость. Ключ к пониманию кроется в эпиграфе романа: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Отметим, что и внешность Маргариты подчёркивает её внутреннюю природу ведьмы, что позднее и помечает Мастер: «А ты действительно стала похожа на ведьму» [там же, с. 416]. Таким образом, цвет становится первым коммуникативным сигналом.

Использование автором черного цвета обусловлено стремлением к максимальной точности художественного высказывания. Данные цветообозначения системно интегрированы в описание ключевых персонажей и знаковых явлений текста. Напомним, что при описании Мастера Булгаков также делает несколько раз акцент на его черном атрибуте: «— Я — мастер, — он сделался суров и вынул из кармана халата совершенно засаленную черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой “М”» [там же, с. 156], «— И я вышел в жизнь, держа его в руках, и тогда моя жизнь кончилась, — прошептал мастер и поник головой, и долго качалась печальная черная шапочка с желтой буквой “М”» [там же, с. 162]; «А тот кивал от муки своих воспоминаний головою в черной шапочке и говорил так: — Бедная женщина. Впрочем, у меня есть надежда, что она забыла меня!» [там же, с. 170]. Через них автор транслирует природу коммуникативной личности Мастера, имеющую экзистенциально-философский подтекст: диалектическое единство добра и зла, дьявольского гнева и божественного спокойствия, амбивалентность бытия. Как отмечают исследователи, в частности Е. А. Юшкина, черный цвет становится определяющим при характеристике центральных персонажей (Воланда, Маргариты, Мастера, Бегемота, Левия Матвея) и значительной части второстепенных образов, в особенности при описании московского пространства [12, с. 124].

Коммуникативная личность Мастера характеризуется определенной замкнутостью, отстраненностью от активной общественной массы: «Жил историк одиноко, не имея нигде родных и почти не имея знакомых в Москве» [13, с. 157]. После травматического опыта он оказывается практически исключен из общественной среды: «...Идти мне было некуда, и проще всего, конечно, было бы броситься под трамвай на той улице, в которую выходил мой переулок» [там же, с. 170]. Отреченность Мастера противопоставляется в романе

шумным представителям литературного мира: Берлиозу, литераторам МАССОЛИТа, критикам, чиновникам и журналистам. Если они используют язык преимущественно как инструмент социальной коммуникации, то Мастеру он необходим, прежде всего, как средство творческого самовыражения. Из этого следует, что черный цвет в его коммуникации — признак замкнутости, одиночества, внутренней глубины и творчества.

Булгаков в романе часто использует сочетание черного и желтого. Желтый цвет обладает амбивалентной семантикой: с одной стороны, он ассоциируется с радостью, солнцем, праздником, с другой — традиционно связывается с болезнью, ложью и предательством. Я. Л. Обухов отметил, что «в средневековой символике желтый цвет золота считался святейшим цветом божественного откровения, а резкий, едкий желтый цвет ассоциировался с отверженными и клейменными позором» [8, с. 125]. В романе «Мастер и Маргарита» показателен эпизод первой встречи главных героев: Мастер характеризует цветы в руках Маргариты как «отвратительные» и «тревожные», прямо называя желтый цвет «нехорошим»: «И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном её весеннем пальто. Она несла желтые цветы! Нехороший цвет» [13, с. 158]. Таким образом, цвет получает статус самостоятельного семантического сигнала. В данном контексте цветовой код подчёркивает мотивы измены и обмана, однако героиня отторгается ото лжи, основывая отношения с Мастером на доверии и преданности, о чем свидетельствуют выброшенные ею цветы: «Она виновато улыбнулась и бросила свои цветы в канаву. Растерявшись немного, я все-таки поднял их и подал ей, но она, усмехнувшись, оттолкнула цветы, и я понес их в руках. Так шли молча некоторое время, пока она не вынула у меня из рук цветы, не бросила их на мостовую» [там же, с. 159]. Как отметил Н. Л. Шамне, «колоративы с компонентом «желтый» часто соотносительны с выражением протеста, цвет приобрел новую функцию — идентификационную и политическую» [11, с. 197],

Желтый цвет оказывается зрительно активным на темном фоне, в результате чего возникает визуальная конструкция: чернота — желтый объект — внимание — эмоциональная реакция — судьбоносная встреча. Данная конструкция особенна для коммуникативной личности Мастера, что подтверждает его способность выделить из окружающего мира единственный визуальный признак и превратить его в смысловой центр событий. Мастер не воспринимает цвет как абсолютно нейтральный признак. Для него цвет может быть знаком будущего события. Именно поэтому цветовая характеристика становится формой интерпретации действительности.

В своей работе «Учение о цвете» И. В. Гете характеризует желтый цвет как прямое воплощение светового начала. Автор наделяет его позитивной энергетикой, описывая как радостный, многогранный и притягательный оттенок, занимающий активную позицию в цветовом спектре, который достигает своего апогея в пурпурно-красном: «Если в своей чистоте и ясности этот цвет приятен и радостен, в своей полной силе имеет что-то веселое и благородное, то, с другой стороны, он крайне чувствителен и производит неприятное впечатление, если загрязнен или немного сдвинут в сторону холодных тонов» [7, с. 351]. Отметим, что на черной засаленной шапочке Мастера вышита желтыми нитками буква «М», что может символизировать яркий свет, излучающийся творчеством героя-писателя, в грязном обществе литераторов МАССОЛИТа. Помимо названной тревожности, желтый цвет воспринимался Мастером как нарушение обычного восприятия, предчувствия судьбы, поэтому при рассказе об окончании работы над романом автор сделал акцент на герое, добавив уточняющий эпитет «печальная»: «...прошептал мастер и поник головой, и долго качалась печальная черная шапочка с желтой буквой “М”» [13, с. 162]. Кроме того, черная шапочка с желтой буквой выполняет в романе дифференцирующую функцию: через предмет, связанный с писательским «я», Мастер становится узнаваем. Коллоратив становится признаком идентификации и самопрезентации героя.

Связь желтого цвета с тревогой, переменой, испытанием или трагическим развитием событий реализуется через субъективное восприятие героем реальности. Примечательно, что Булгаков делает акцент на оттенке страниц, которые судорожно уничтожал герой:

«Знакомые слова мелькали передо мной, желтизна неудержимо поднималась снизу вверх по страницам, но слова все-таки проступали и на ней. Они пропадали лишь тогда, когда бумага чернела и я кочергой яростно добивал их» [13, с. 167]. Желтые страницы, впоследствии сгорания становящиеся черными, выступают как сигнал потери смыслового ядра и слияние его с тьмой. Таким образом, цвет, который первоначально сопровождал встречу Мастера и Маргариты, позднее появляется в ситуации разрушения творческого текста, что можно считать возникновением цветового лейтмотива.

Л. В. Кривошлыкова отметила, что именно в сочетании с белым черный цвет обретает свое психологическое воздействие в живописи [3, с. 166]. Для Мастера белое особенно важно в контексте романа о Пилате. Белый плащ Понтия Пилата с кровавым подбоем представляет собой один из центральных цветовых образов произведения, соединяющий белую чистоту с кровавой властью. Таким образом, цвет разрушает первоначальное представление о белом как исключительно положительном. Это соответствует главной проблематике романа Мастера — проблеме трусости, ответственности, истины и морального выбора. Здесь цвет становится инструментом философского мышления героя: Мастер становится не просто рассказчиком истории Пилата, а создает систему цветовых противопоставлений, посредством которых раскрывается нравственный конфликт.

Для коммуникативной личности Мастера характерна не столько привязанность к одному цвету, сколько восприятие контрастов: добро взаимосвязано со злом, любовь — со страданием, чистота — с кровью, жизнь — со смертью, свет — с тьмой. Такое мышление соответствует философской природе романа, поэтому цветовая система Мастера является диалектической. В результате можно утверждать, что цветовая картина мира Мастера строится преимущественно на контрастах и цветовых оппозициях, а не на изолированных номинациях. Для его коммуникативной личности характерно преобразование чувственного восприятия в эмоционально-оценочный и символический смысл.

Цвет в речи и восприятии Мастера не является нейтральной характеристикой предметов. Он представляет собой сложный семиотический и коммуникативный инструмент, посредством которого герой воспринимает окружающий мир, выражает эмоциональное отношение, прогнозирует события, сохраняет воспоминания и преобразует реальность в художественный образ. Главная особенность цветового мышления Мастера заключается в том, что цвет для него — способ познания и интерпретации реальности. Мастер видит в цвете то, что выходит за пределы непосредственного восприятия: эмоциональное состояние человека, драматизм ситуации, скрытую причинно-следственную связь, возможность будущего события.

Заключение. Колоративы в структуре романа выполняют символическую и психологическую функции, выступая ключевым инструментом формирования художественных образов и стилистической индивидуальности текста. Колоративы органично вплетены в идейно-художественную ткань произведения, интерпретация которых осложняется авторской стратегией полисемии: один и тот же цвет нередко наделяется в романе противоречивыми значениями. Цвет в речевом и художественном сознании Мастера выступает способом концептуализации судьбы, любви, творчества, нравственного выбора и духовного кризиса. Наиболее значимыми компонентами этой системы являются жёлтый и чёрный, образующие цветовой код тревоги, судьбоносности, одиночества и творческого кризиса; белый и красный, формирующие нравственно-философскую модель романа о Понтии Пилате. Таким образом, колоративы являются одним из важнейших средств репрезентации художественно-эстетического типа коммуникативной личности Мастера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базыма Б. А. Психология цвета: теория и практика / Б. А. Базыма. — СПб: Речь, 2007. — 203 с.
2. Коробова А. Н. Цветовые доминанты в прозе Фэн Цицая (к вопросу о цветообозначениях в современной китайской прозе) / А. Н. Коробова // Общество и государство в Китае. — 2014. — № 2. — С. 822—835.

3. Кривошлыкова Л. В. Фразеологические единицы сравнительного типа с компонентом «черный» как часть культурной картины мира англичан / Л. В. Кривошлыкова // I Фирсовские чтения. Современные проблемы межкультурной коммуникации: материалы докл. и сообщений Международной науч.-практ. конф. (Москва, 23—24 апреля 2014 г.). — М.: РУДН, 2014. — С. 165–167.
4. Кузьмин В. Г. Цветовая реальность: свойства и относительность // Философская мысль. — 2018. — №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetovaya-realnost-svoystva-i-otnositelnost> (дата обращения: 12.08.2026).
5. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
6. Масолова Е. А. Ахроматические колоративы в поздней художественной прозе Л. Толстого: семантика и функции / Е. А. Масолова // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — № 4. — С. 193–214. — DOI: 10.15393/j9.art.2019.7082.).
7. Месяц С.В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (часть первая) / С. В. Месяц. — М.: Кругъ, 2012. — XXXII, 464 с.
8. Обухов Я. Л. Символика цвета / Я. Л. Обухов // Журнал практического психолога. — 1998. — № 4. — С. 124–143.
9. Пилатовская С. В. О семантике колоративов в художественном тексте / С. В. Пилатовская // Новые горизонты русистики. — 2023. — № 3(21). — С. 64–70.
10. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Ответ. ред. Б.А. Серебренников. — М.: Наука, 1988. — С. 8–69.
11. Шамне Н. Л. Колоративные маркеры современности в актуальных культурных конфликтах / Н. Л. Шамне, В. С. Майер // Научный диалог. — 2025. — Т. 14, № 8. — С. 181–204. — DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-8-181-204. — EDN YRFMBY.
12. Юшкина Е. А. Поэтика цвета и света в прозе М. А. Булгакова: Дис. ... канд. филол. наук [Место защиты: Волгогр. гос. пед. ун-т].. — Волгоград, 2008. — 223 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита : Роман / Михаил Булгаков. — М.: Современник, 1984. — 367 с.

REFERENCES

1. Bazyma B. A. Psikhologiya tsveta: teoriya i praktika / B. A. Bazyma. — SPb: Rech', 2007. — 203 s.
2. Korobova A. N. Tsvetovye dominanty v proze Fehn Tszitsaya (k voprosu o tsvetooboznacheniyakh v sovremennoy kitaiskoy proze) / A. N. Korobova // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. — 2014. — № 2. — S. 822—835.
3. Krivoshlykova L. V. Frazеologicheskie edinit'sy sravnitel'nogo tipa s komponentom «chernyi» kak chast' kul'turnoi kartiny mira anglichan / L. V. Krivoshlykova // I Firsovskie chteniya. Sovremennye problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii: materialy dokl. i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf. (Moskva, 23—24 aprelya 2014 g.). — M.: RUDN, 2014. — S. 165–167.
4. Kuz'min V. G. Tsvetovaya real'nost': svoystva i otnositel'nost' // Filosofskaya mysl'. — 2018. — № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetovaya-realnost-svoystva-i-otnositelnost> (data obrashcheniya: 12.08.2026).
5. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii / V. A. Maslova. — M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2001. — 208 s.
6. Masolova E. A. Akhromatichekские kolorativy v pozdnei khudozhestvennoy proze L. Tolstogo: semantika i funktsii / E. A. Masolova // Problemy istoricheskoy poehtiki. — 2019. — № 4. — S. 193–214. — DOI: 10.15393/j9.art.2019.7082.).
7. Mesyats S.V. Iogann Vol'fgang Gete i ego uchenie o tsvete (chast' pervaya) / S. V. Mesyats. — M.: Krug", 2012. — XXXII, 464 s.
8. Obukhov Ya. L. Simvolika tsveta / Ya. L. Obukhov // Zhurnal prakticheskogo psikhologa. — 1998. — № 4. — S. 124–143.
9. Pilatovskaya S. V. O semantike kolorativov v khudozhestvennom tekste / S. V. Pilatovskaya // Novye gorizonty rusistiki. — 2023. — № 3(21). — S. 64–70.
10. Postovalova V. I. Kartina mira v zhiznedeatelnosti cheloveka // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira / Otvet. red. B.A. Serebrennikov. — M.: Nauka, 1988. — S. 8–69.
11. Shamne N. L. Kolorativnye markery sovremennosti v aktual'nykh kul'turnykh konfliktakh / N. L. Shamne, V. S. Maier // Nauchnyi dialog. — 2025. — T. 14, № 8. — S. 181–204. — DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-8-181-204. — EDN YRFMBY.
12. Yushkina E. A. Poehtika tsveta i sveta v proze M. A. Bulgakova: Dis. ... kand. filol. nauk [Mesto zashchity: Volgogr. gos. ped. un-t].. — Volgograd, 2008. — 223 s.

Поступила в редакцию 14.08.2026 г.

COLOURIMETRICS IN THE STRUCTURE OF THE COMMUNICATIVE PERSONALITY OF THE MASTER (BASED ON THE MATERIAL OF M. A. BULGAKOV'S NOVEL «THE MASTER AND MARGARITA»)

The work is devoted to the study of colorative vocabulary as a means of representing the communicative personality of the Master in M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". The research material consists of contexts in which color designations are used, related to the image of the Master, his perception of reality, his creative work, and his relationship with Margarita. The work employs descriptive-analytical, contextual, semantic-interpretive, and comparative methods, as well as elements of the linguopersonological approach. In the Master's artistic consciousness, colour performs emotional-evaluative, psychological, symbolic, and communicative functions. It has been revealed that the most significant colours are black, yellow, white, and red, which form a system of contrasting oppositions. Black and yellow are associated with motifs of loneliness, anxiety, fate, creative crisis, and self-identification; white and red reveal the moral and philosophical issues in the novel about Pontius Pilate.

Keywords: *M. A. Bulgakov, «The Master and Margarita», colorative, communicative personality, literary text, linguistic picture of the world.*

Фирсова Яна Витальевна

Донецкий государственный университет, г. Донецк,
Российская Федерация.

Аспирант кафедры русского языка.

ORCID 0009-0001-0201-1198.

E-mail: ms.kotenokkissa@mail.ru

Firsova Yana Vitalievna

Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation.

Postgraduate student of the Russian Language
Department.

ORCID 0009-0001-0201-1198.

E-mail: ms.kotenokkissa@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Методика преподавания русского языка

Научная статья

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.22910963

С. А. Константинов © 2026

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Ивановский государственный университет»;
ORCID 009-009-2501-712

ЭКСКУРСИЯ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ РЕЧИ ОБУЧАЮЩИХСЯ 5 КЛАССА

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматривается вопрос о влиянии посещения музеев, выставок и галерей на развитие речи обучающихся 5 класса. На основе анкетирования учащихся пятых классов двух образовательных учреждений г. Иваново выявлен культурный опыт обучающихся 5 класса и обоснована значимость экскурсии применительно к задачам обучения русскому языку. Экскурсия рассматривается как образовательное событие, отвечающее задачам развития функциональной грамотности и достижения личностных, метапредметных и предметных целей обучения русскому языку. Методы исследования: теоретический анализ литературы, наблюдение, анкетирование и анализ ответов респондентов. Анкетирование включало вопросы о типах восприятия информации, опыте посещения музеев, видах музеев и формате посещений, а также открытые вопросы для написания сочинений-описаний. По результатам сопоставительного анализа ответов респондентов сделаны выводы о влиянии культурного досуга на развитие речи обучающихся 5 класса, о воспитательном и развивающем потенциале экскурсии как образовательного события. Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся автору в разработке и апробации методики использования учебной экскурсии для развития речи учащихся 5-х классов на уроках русского языка и во внеурочной деятельности по предмету.

Ключевые слова: экскурсия, аксиологический подход, событийный подход, образовательное событие, развитие речи, выразительность речи, русский язык, 5 класс.

Для цитирования: Константинов С. А. Экскурсия как образовательное событие и её влияние на развитие речи обучающихся 5 класса / С. А. Константинов // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 3. — С. 119–128. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.22910963>.

Введение. В Федеральных государственных образовательных стандартах основного общего образования (ФГОС ООО) по предметам «Русский язык» и «Литература» в качестве важнейшей цели образования названо «воспитание ценностного отношения к русскому языку как носителю культуры, как государственному языку Российской Федерации, языку межнационального общения народов России» [11, с. 11]. Одной из ключевых функций языка является воспитательная, поскольку язык служит не только средством общения и мышления, но и инструментом передачи культурных, нравственных и социальных норм от поколения к поколению.

Задачам воспитания учащихся на уроках русского языка и во внеурочной деятельности отвечает аксиологический подход, отражающий взаимосвязь языка и культуры и осмысление языка и культуры как ценности. Через язык люди усваивают ценностные представления, этические принципы и модели поведения, которые формируют их мировоззрение и определяют их действия. «Культура определяет то, как люди конструируют и осмысливают каждый аспект своей жизни... Это означает, что развитие

кругозора является социальным, реляционным и культурным процессом» [8, с. 138]. Задачам развития кругозора и задачам развития речи обучающихся на уроках русского языка и во внеурочной деятельности отвечает событийный подход, представляющий собой «лингводидактическую технологию организации образовательных событий, в рамках которой используются учебно-воспитательные методы и осуществляется коммуникативное воздействие на учащегося» [7, с. 448].

Возникает потребность в поиске, совершенствовании и внедрении в образовательный процесс таких форм организации учебных занятий, которые событийно содействовали бы расширению кругозора, воспитанию и развитию успешной языковой личности выпускника средней школы средствами предмета «Русский язык». Перспективным представляется применение такой формы организации познавательного процесса, как экскурсия.

Значение слова «экскурсия» включает в себя «коллективную поездку куда-нибудь, посещение чего-нибудь с образовательной или увеселительной целью» [10, с. 884]. Под *учебной экскурсией* в языковом образовании понимается «форма организации учебно-воспитательного процесса, позволяющая знакомить учащихся со страной изучаемого языка и условиями функционирования языка в конкретной речевой среде» [1, с. 351]. Как форма организации учебного процесса экскурсия позволяет взаимосвязанно осуществлять цели обучения и воспитания. Экскурсия помогает реализовать в процессе обучения 1) принцип наглядности, поскольку обучающиеся непосредственно знакомятся с изучаемым примером или явлением, 2) принцип научности, так как в основе экскурсии лежат доказанные научные факты, теории и закономерности, и 3) принцип доступности, поскольку материал учебной экскурсии адаптирован к определённым уровню знаний, возрасту и индивидуальным особенностям обучающихся [2, с. 1].

Эффективной формой учебной экскурсии по предмету «Русский язык» современные ученые считают *виртуальную*, так как данный вид экскурсии включает в себя решение следующих образовательных задач: «расширение кругозора учащихся, привнесение в учебный контент культуроведческой информации, создание коммуникативных ситуаций для активизации языковых и речевых навыков при решении коммуникативных задач» [3, с. 37]. Преимущество виртуальной экскурсии заключается в том, что обучающиеся могут ознакомиться с тем или иным материалом, не выходя из аудитории или дома. Как событийная форма организации учебного взаимодействия на уроке русского языка экскурсия близка жанру путевого очерка, или травелога [5, с. 24; 6, с. 7].

Учебная экскурсия на уроках русского языка и во внеурочной деятельности рассматривается нами как педагогическое событие, отвечающее задачам аксиологического подхода к образованию, так как «наличие событийной воспитательной среды содействует осознанию и принятию ценностно-смысловых ориентиров» [4, с. 31].

Цель настоящей статьи состоит в выявлении культурного опыта пятиклассников по посещению экскурсий и аргументации влияния культурного досуга на развитие их речи.

Материалы и методы исследования. Настоящее исследование проведено с использованием таких методов, как теоретический анализ научной литературы, наблюдение, анкетирование, анализ продуктов речевой деятельности.

Материалами исследования послужили научные публикации в области педагогики, теории и методики преподавания русского языка по использованию экскурсии в качестве формы организации учебно-воспитательного процесса на уроке русского языка и во внеурочной деятельности по предмету, а также анкеты учащихся 5-х классов, включающие развернутые ответы в форме текста-описания (описание картины, музейного экспоната и экспозиции).

В анкетировании приняли участие учащиеся 5-х классов ЧОУ «Лицей Исток» и МБОУ «Гимназия № 3» г. Иваново Ивановской области в период с 2024 по 2026 год (в количестве 98 человек).

Основная часть. Для обоснования актуальности внедрения экскурсии в процесс обучения русскому языку в 5 классе нам важно было ответить на следующий вопрос: каким

образом посещение музеев, выставок и различных галерей влияет на развитие речи обучающихся? В связи с этим нами была составлена анкета, **цель** которой состояла в выявлении культурного опыта обучающихся и влияния посещения музеев и галерей на развитие их речи.

Текст анкеты был разработан нами следующим образом:

1. В каком Вы учитесь классе?
2. Ваш пол:
3. Чем Вы любите заниматься в свободное время?
 - a) Слушать музыку/аудиокниги, общаться с друзьями, заниматься пением
 - b) Читать книги, смотреть фильмы/видео, посещать художественные выставки/музеи
 - c) Рисовать, писать стихи/небольшие рассказы, делать что-то своими руками
 - d) Играть в игры-головоломки, решать трудные задачи, разгадывать ребусы
 - e) Заниматься танцами, борьбой, играть в спортивные игры, кататься на лыжах, коньках
 - f) Свой вариант(напишите): _____
4. Посещали ли Вы различные музеи, галереи, выставки?
 - a) Да
 - b) Нет
5. Какие музеи Вы посещали? Можно выбрать несколько вариантов ответа (если в вопросе 4 вы ответили «Нет», вопрос пропустите)
 - a) Историко-краеведческие
 - b) Художественные
 - c) Литературные
 - d) Естественно-научные
 - e) Свой вариант (напишите) (можно написать название музея(ев)):

6. Как Вы посещали музеи, галереи, выставки? Можно выбрать несколько вариантов ответа (если в вопросе 4 вы ответили «Нет», вопрос пропустите)
 - a) Самостоятельно
 - b) С экскурсоводом
 - c) С аудиогидом
7. В каком формате Вы посещали музеи, галереи, выставки? Можно выбрать несколько вариантов ответа (если в вопросе 4 вы ответили «Нет», вопрос пропустите)
 - a) Живое посещение
 - b) Интерактивный музей
 - c) Просмотр видеоролика музея
 - d) Свой вариант (напишите): _____
8. Опишите картину «Золотая осень», написанную И.И. Левитаном в 1895 году (2–3 предложения). Какие впечатления вызывает у Вас эта картина?

9. Опишите данный экспонат (2–3 предложения)

10. Опишите экспозицию «Русский быт» (2–3 предложения)

11. Какой экспонат в музее (или сам музей) Вам больше всего запомнился? Почему? Расскажите о нём (2–3 предложения) (если в вопросе 4 вы ответили «Нет», вопрос пропустите)

12. Какие интересные места стоит посетить в Вашем городе? Почему? (2–3 предложения).

Вопрос 3 позволил получить информацию об интересах и досуге пятиклассников. Вопросы 4–7 — о культурном опыте учеников. Вопросы 8–10 открытого характера предполагали написание небольших сочинений-описаний. Нами было предложено создать

3 вида описания: описание картины, внешности (портрета) и интерьера. Вопросы 11–12 также предполагали написание мини-сочинений, связанных с описанием города, а также мест и экспонатов, которые обучающиеся видели. Ответы на вопросы 8–12 анализировались нами с точки зрения использования учащимися изобразительно-выразительных средств языка и наличия ошибок.

Всего в анкетировании приняло участие 98 респондентов, среди которых 56 обучающихся женского пола и 42 ↓ мужского.

Характеризуя свой досуг (см. табл. 1), учащиеся могли выбрать несколько вариантов ответа. 16,3 % пятиклассников указали, что предпочитают физическую активность: им нравится заниматься танцами, борьбой, играть в спортивные игры, кататься на лыжах, коньках. 24,5 % пятиклассников предпочитают умственную активность, где из них: 25,5 % нравится играть в головоломки, решать трудные задачи, разгадывать ребусы и читать книги, смотреть фильмы/видео, посещать художественные выставки/музеи, 50,0 % — рисовать, писать стихи/небольшие рассказы, делать что-то своими руками, 25,0 % — слушать музыку/аудиокниги, общаться с друзьями, заниматься пением. 59,1 % указали свой вариант ответа, в том числе «играть в компьютер», «гулять» и т. п.

Таблица 1

Досуг учащихся 5-х классов

	Предпочитаемый вид активности	Количество учащихся	
		Абс. число	%
	Физическая активность	16	16,3
	Умственная активность	24	24,5
	Свой вариант ответа	58	59,2
Всего учащихся		98	100,0

Анкетирование показало, что 91,8 % учащихся 5 класса (90 человек) посещали различные музеи и выставки (см. табл. 2).

Таблица 2

Опыт посещения музеев у учащихся 5-х классов

	Наличие / отсутствие опыта	Количество учащихся	
		Абс. число	%
	Посещали музеи и выставки	90	91,8
	Не посещали музеи и выставки	8	8,2
Всего учащихся		98	100,0

Среди тех, кто имеет опыт посещения различных музеев и выставок, 84,4 % (76 человек) указали, что посещали историко-краеведческие музеи, 75,6 % (68 чел.) ↓ художественные, 31,1 % (28 чел.) — естественно-научные, 8,9 % (8 человек) ↓ литературные (см. табл. 3).

Таблица 3

Какие музеи посещали учащиеся 5-х классов

	Наличие опыта посещения музеев	Количество учащихся	
		Абс. число	%
	историко-краеведческий музей	76	84,4
	художественный музей	68	75,6
	естественно-научный музей	28	31,1
	литературный музей	8	8,9
	свой вариант ответа	2	2,2
Всего учащихся		90	100,0

Процентное распределение ответов наших учеников во многом связано с наличием и популярностью музеев в городе Иванове. Самый крупный музей ↓ Ивановский историко-краеведческий ↓ носит имя своего создателя коллекционера, мецената и просветителя Д. Г. Бурылина, собравшего и передавшего городу уникальные коллекции и само здание музея. Второе место по популярности, бесспорно, принадлежит Ивановскому областному художественному музею, который горожане называют нашей «малой Третьяковкой». Литературно-краеведческий музей «Писатели Ивановского края» находится в Ивановском государственном университете, литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта ↓ в Шуе, эти музеи менее доступны для семейного посещения. Приобрести опыт посещения естественно-научных и литературных музеев ученики могли только в семейных поездках или в интерактивном формате, при просмотре видеороликов или телевизионных передач. Среди других ответов был назван уже довольно известный в Иванове Музей сыра, имеющий музейную экспозицию и проводящий экскурсии с дегустацией.

Представим для примера два фрагмента текста экскурсии, проведенной для учащихся 5 класса в экспозиции Ивановского историко-краеведческого музея имени Д. Г. Бурылина:

«Перед нами представлен особый экспонат — „секретная“ стреляющая шкатулка. О том, как она попала в коллекцию Дмитрия Геннадьевича Бурылина, доподлинно неизвестно. Внутри шкатулки скрыт стрелковый механизм — при открывании крышки раздавался выстрел. Это не просто предмет, а загадка, которая до сих пор волнует исследователей».

«В этой витрине представлены волчица и волчата. Обратите внимание, как экспонаты передают повадки животных: волчица настороженно следит за тем, чтобы не было никакой опасности рядом — она охраняет своих деток. Волчата тем временем играют, резвятся, находясь в безопасности под присмотром своей мамы.»

Таблица 4

Способ посещения музея учащимися 5-х классов

	Способ посещения музея	Количество учащихся	
		Абс. число	%
	с экскурсионным сопровождением	62	68,9
	с аудиогидом	14	15,6
	самостоятельное посещение	58	64,4
	в интерактивном формате	30	33,3
	просмотр видеоролика	12	13,3
	Всего учащихся	90	100,0

Большинство участников опроса 68,9 % (62 человека) посещали экспозиции с экскурсионным сопровождением. 64,4 % (58 человек) имеют опыт самостоятельного посещения экспозиции, без сопровождения экскурсовода. 15,6 % (14 человек) имеют опыт посещения музея с аудиогидом. При этом 95,6 % (86 человек) посещали музеи и выставки очно, 33,3 % (30 человек) использовали интерактивный формат музея и 13,3 % (12 человек) воспользовались просмотром видеоролика музея.

Таким образом, большинство учащихся 5 класса имеет опыт посещения экскурсии, причем у ряда учащихся есть опыт посещения музеев в разных форматах: с экскурсией, самостоятельно, с аудиогидом, в интерактивном формате.

Анализ ответов респондентов на вопросы 8–12 показал следующее. Все учащиеся справляются с задачей создать текст-описание на заданную тему и (за редким исключением) используют изобразительно-выразительные средства.

Приведем примеры ответов респондентов (с сохранением орфографии и пунктуации):

«От этой картины мне тепло и светло на душе. Сквозь облака проявляется светлое небо. Зелень уже не такая сочная и яркая, но при этом она „живая“. Природа постепенно готовится „ко сну“».

«На картине И. И. Левитана „Золотая осень“ изображаются золотые берёзки, зелёная трава, опавшие листья и река. Картина вызывает спокойствие».

«Русская изба сделана из дерева. На столе стоит самовар, плетеные корзиночки, а также деревянные ложки».

Обучающиеся в своих ответах чаще использовали такие изобразительно-выразительные средства, как эпитет («удивительная пора», «сочная зелень») и сравнение («золотом покрыто»), реже метафору («горит яркими красками») и олицетворение («природа готовится ко сну»).

Рассмотрим ответы на вопросы 8–12 тех обучающихся, которые часто посещают экскурсии, и тех, кто экскурсии не посещает.

В качестве примера приведем ответы ученика, который посещает экскурсии часто (орфография и пунктуация сохранены).

8. *«На картине “Золотая осень” художник изобразил небольшую реку в окружении лугов и берёзовых рощ. Вдали виднеются поля и серые крыши деревенских домов, а за ними ↓ лиственные и хвойные леса».*

9. *«На манекене представлена девушка в русском сарафане. На голове у неё красный с узорами платок, который завязан сзади».*

10. *«В экспозиции „Русская изба” располагается крестьянская изба и её внутреннее убранство, собраны разнообразные экспонаты, в котором есть представление о хозяйственно-бытовом укладе. Здесь царит особая атмосфера тепла и уюта».*

11. *«Мне понравился музей сыра, здесь расскажут о сыре, его прошлом, настоящим и будущем! Главный экспонат ↓ музея это сыр, которого представлено более 30 видов».*

12. *«Художественный Ивановский музей интересен своей коллекцией, весьма необычной для провинциального региона. В музее есть залы, посвященные древнеегипетской и античной культуре».*

Отметим, что в речи пятиклассника появились слова тематической группы «экскурсия» (например, «экспозиция», «экспонат», «манекен», «коллекция» и т. д.), используются изобразительно-выразительные средства языка (метафора «царит атмосфера», эпитет «особая атмосфера»), оценочные слова («понравился», «интересен <...> весьма необычной коллекцией»), используется риторическое восклицание («Здесь расскажут о сыре, его прошлом, настоящим и будущем!»). Наряду с традиционными для речи пятиклассника частями речи (именами существительными, прилагательными, глаголами, местоимениями), ученик употребляет причастия («представлена», «завязан», «собранны», «дающие» и т. д.). Синтаксический строй речи достаточно разнообразен, ученик использует различные синтаксические конструкции: простые и сложные предложения, осложненные разными синтаксическими средствами: однородными членами («лиственные и хвойные леса»), причастными оборотами («... рощ, растущих по её берегам»). Из сложных предложений частотны сложноподчиненные предложения с придаточным определительным с союзным словом *который*, встречается неполное предложение («Вдали виднеются вспаханные поля и серые крыши деревенских домов, а за ними ↓ лиственные и хвойные леса»). В то же время в ответах ученика допущены различные ошибки: лексические («на манекене представлена девушка ...» вместо *наряд девушки*, «располагается убранство» вместо *представлено*); грамматические (нарушение координации подлежащего и сказуемого «располагается крестьянская изба и её внутреннее убранство» вместо *располагаются или, точнее, представлены*; нарушение согласования «в экспозиции..., в котором...»; нарушение границ предложения «Мне понравился музей сыра, здесь расскажут о сыре, его прошлом, настоящим и будущем!; нарушение структуры словосочетания «Художественный Ивановский музей» вместо *Ивановский художественный музей*); орфографическая («собранны») и пунктуационные («Главный экспонат — музея это сыр»).

Рассмотрим ответы обучающегося 5 класса, который не посещал экскурсии, но имел опыт самостоятельного посещения музеев/ галерей (орфография и пунктуация сохранены):

8. *«Красота природы. Золотая красота природы».*
9. *«Женищина приклонного возраста, в русско национальном костюме».*
10. *«Красочная русская изба. Русско народные экспонаты что было в русских домах».*
11. *«Музей камня. В этом музее различные виды камней».*
12. *«Музей ситца, музей сыра».*

В ответах ученика отсутствуют слова, относящиеся к тематической группе слов экскурсионной направленности. Синтаксически речь не развернута: преобладают простые предложения, преимущественно односоставные назывные предложения. Однако можно увидеть изобразительно-выразительные средства языка, а именно: эпитет («золотая красота», «красочная изба»), лексический повтор («красота» и «золотая красота»). Обучающийся допустил ряд ошибок: орфографическую («приклонного»), грамматическую «русско народные», пунктуационные (лишняя запятая в ответе на 9 вопрос и отсутствие необходимого пунктуационного знака в ответе на 10 вопрос).

Приведем пример ответов обучающегося 5 класса, который не посещал экскурсии и музеи в целом (орфография и пунктуация сохранены):

8. *«Вызывает тепло. Осень».*
9. *«Женищина в народном костюме. Есть арнамент много красного цвета».*
10. *«Русский дом и все по домашнему. Икона в углу избы. Везде кружевные скатерти».*
11. Ответа нет.
12. *«Зоопарк стоит посетить».*

Ответы даны не на все вопросы, поскольку обучающийся ранее указал, что не посещал экскурсии и сам не посещал музеи/ галереи. В синтаксисе преобладают неполные предложения («Икона в углу избы», «Везде кружевные скатерти») и односоставные (назывные) предложения («Осень», «Женищина в народном костюме»). В основном используются однотипные конструкции. В ответах отсутствуют изобразительно-выразительные языковые средства. Можно заметить инверсионный порядок слов («Зоопарк стоит посетить»), однако данная конструкция не несёт дополнительной смысловой и эмоциональной нагрузки. Учеником допущены лексические (употребление слова в несвойственном ему значении «женищина в народном костюме» вместо «манекен» или «экспонат»), орфографические («арнамент», «русский», «по_домашнему») и пунктуационные ошибки (отсутствие необходимых запятых в ответах на вопросы 8 и 10).

Анализ ответов пятиклассников демонстрирует, что экскурсия, действительно, является образовательным событием, которое не только расширяет кругозор, но и оставляет яркий эмоциональный след, что помогает учащимся эффективнее усваивать новые языковые средства и способствует развитию речи.

Заключение. Экскурсия как форма организации познавательной и воспитательной деятельности отвечает задачам развития функциональной грамотности и достижения личностных, метапредметных и предметных целей обучения русскому языку. Исходя из полученных данных, можно утверждать, что посещение экскурсий положительно влияет на развитие речи обучающихся. Сопоставительный анализ ответов обучающихся 5 класса выявил отчетливую зависимость между культурным опытом и качеством речи. Те учащиеся, кто посещал музеи, демонстрируют более богатую речь, активнее используют различные изобразительно-выразительные средства языка.

Данные анализа научной литературы, данные анализа опроса подтверждают актуальность обращения к учебной экскурсии на уроках русского языка и позволяют сделать вывод о перспективности разработки методики использования экскурсии на уроках русского языка и во внеурочной деятельности по предмету для развития речи обучающихся.

Экскурсия способствует реализации аксиологического и событийного подходов к обучению русскому языку, обеспечивая взаимосвязь языка и культуры, создавая разные коммуникативные ситуации для активизации языковых и речевых навыков. Перспективы

дальнейшего исследования проблемы видятся в разработке и апробации методики использования учебной экскурсии с целью речевого развития учащихся 5 классов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий : (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. — М.: Русский язык. Курсы, 2021. — 496 с.
2. Дегтярева, Н. А. Экскурсия как форма организации обучения и воспитания учащихся высших учебных заведений / Н. А. Дегтярева // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всероссийской научно-методической конференции, Оренбург, 01–03 февраля 2017 года / Оренбургский государственный университет. — Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2017. — С. 2806-2809.
3. Дейкина, А. Д. Виртуальная экскурсия в инновационном формате коммуникативного обучения русскому языку / А. Д. Дейкина, О. Н. Левушкина, О. Ю. Рязова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2023. — Т. 12, № 5. — С. 36-44. — DOI 10.12737/2587-9103-2023-12-5-36-44.
4. Иванова, И. В. Событийность и сопричастность как ключевые факторы эффективной воспитательной деятельности / И.В. Иванова, М.И. Рожков // Московский педагогический журнал. 2025. № 2. С. 27–35. DOI: <https://doi.org/10.18384/2949-4974-2025-2-27-35>.
5. Левушкина, О. Н. Лингвометодический потенциал травелога как основа моделирования текстовой деятельности в обучении русскому языку / О. Н. Левушкина // Русский язык в школе. — 2026. — Т. 87, № 1. — С. 24-35. — DOI 10.30515/0131-6141-2026-87-1-24-35.
6. Левушкина, О. Н. Обучение травелогу на основе «Хожения за три моря» Афанасия Никитина на занятиях по русскому языку / О. Н. Левушкина, А. Ю. Устинов, А. Д. Дейкина // Русский язык в школе. — 2025. — Т. 86, № 6. — С. 7-17. — DOI 10.30515/0131-6141-2025-86-6-7-17.
7. Леппик, С.А. Событийный подход к усвоению русского языка учащимися заграничных школ Министерства иностранных дел России / С. А. Леппик, А. Ю. Устинов, Т. А. Чабанец // Русистика. 2019. Т. 17. № 4. С. 445—459. DOI 10.22363/2618-8163-2019-17-4-445-459.
8. Мацакова, С. В. Ретроспективный анализ методических подходов к формированию кругозора учащихся в советской и российской школе (постановка проблемы) / С. В. Мацакова, О. Н. Мачехина // Наука и школа. — 2025. — № 1-1. — С. 135-143. — DOI 10.31862/1819-463X-2025-1-1-135-143.
9. Никитина, Е.А. Событийность как содержательно-смысловая характеристика современного воспитания / Е.А. Никитина // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2022. № 12 (77). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/sobytiynost-kak-soderzhatelno-smyslovaya-kharakteristika-sovremennogo-vospitaniya.html>
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. — 25-е изд., испр. и доп. — М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. — 976 с.
11. ФГОС ООО. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (Зарегистрирован 05.07.2021 № 64101).

REFERENCES

1. Azimov, E. G., Shchukin, A. N. (2009). *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam)*. [A new dictionary of methodological terms and concepts: (theory and practice of language teaching)]/ Moscow: IKAR Publ. (In Russian).
2. Degtyareva, N. A. (2017). *Ehkskursiya kak forma organizacii obucheniya i vospitaniya uchashchihsvya vysshih uchebnyh zavedenij* [Excursion as a form of organizing education and upbringing of students of higher educational institutions]. In *Universitetskij kompleks kak regional'nyj centr obrazovaniya, nauki i kul'tury: materialy Vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii* (pp. 2806-2809). Orenburg: Orenburgskij gosudarstvennyj universitet. (In Russian).
3. Dejkina, A. D., Levushkina, O. N., Ryazova, O. Yu. (2023). *Virtual'naya ehkskursiya v innovacionnom formate kommunikativnogo obucheniya russkomu yazyku* [Virtual excursion in an innovative format of communicative teaching of the Russian language]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*, 12(5), 36-44. (In Russian). DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-5-36-44.
4. Ivanova, I. V., Rozhkov, M. I. (2025). *Sobytiynost' i soprichastnost' kak klyuchevye faktory ehfektivnoj vospitatel'noj deyatel'nosti* [Eventfulness and involvement as key factors of effective educational activity]. *Moskovskij pedagogicheskij zhurnal*, (2), 27-35. (In Russian). DOI: 10.18384/2949-4974-2025-2-27-35.
5. Levushkina, O. N. (2026). *Lingvometodicheskij potencial traveloga kak osnova modelirovaniya tekstovoj deyatel'nosti v obuchenii russkomu yazyku* [Linguistic and methodological potential of travelogue as a basis for modeling text activity in teaching the Russian language]. *Russkij yazyk v shkole*, 87(1), 24-35. (In Russian). DOI: 10.30515/0131-6141-2026-87-1-24-35.

6. Levushkina, O. N., Ustinov, A. Yu., Dejkina, A. D. (2025). Obuchenie travelogu na osnove «Hozheniya za tri morya» Afanasiya Nikitina na zanyatiyah po russkomu yazyku [Teaching travelogue based on "Walking across Three Seas" by Afanasy Nikitin in Russian language classes]. *Russkij yazyk v shkole*, 86(6), 7-17. (In Russian). DOI: 10.30515/0131-6141-2025-86-6-7-17.
7. Leppik, S. A., Ustinov, A. Yu., Chabanec, T. A. (2019). Sobytiyjnyj podhod k usvoeniyu russkogo yazyka uchashchimisya zagranshkol Ministerstva inostrannyh del Rossii [Event-based approach to Russian language acquisition by students of foreign schools of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. *Rusistika*, 17(4), 445-459. (In Russian). DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-4-445-459.
8. Macakova, S. V., Machehina, O. N. (2025). Retrospektivnyj analiz metodicheskikh podhodov k formirovaniyu krugozora uchashchihsya v sovetskoj i rossijskoj shkole (postanovka problemy) [Retrospective analysis of methodological approaches to the formation of students' outlook in Soviet and Russian schools (problem statement)]. *Nauka i shkola*, (1-1), 135-143. (In Russian). DOI: 10.31862/1819-463X-2025-1-1-135-143.
9. Nikitina, E. A. (2022). Sobytiynost' kak soderzhatel'no-smyslovaya harakteristika sovremennoego vospitaniya [Eventfulness as a content-semantic characteristic of modern education]. *Mir pedagogiki i psihologii: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal*, (12(77)). Retrieved from <https://scipress.ru/pedagogy/articles/sobytiynost-kak-soderzhatelno-smyslovaya-kharakteristika-sovremennoego-vospitaniya.html> (In Russian).
10. Ozhegov, S. I. (2007). Slovar' russkogo yazyka: Ok. 60 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Dictionary of the Russian language: About 60,000 words and phraseological expressions] (25th ed., rev. and suppl.). Moscow: OOO «Izdatel'stvo Oniks»: OOO «Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie». (In Russian).
11. FGOS OOO. (2021). Prikaz Ministerstva prosveshcheniya Rossijskoj Federacii ot 31.05.2021 № 287 «Ob utverzhenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshchego obrazovaniya» [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 31.05.2021 No. 287 "On approval of the federal state educational standard of basic general education"]. (Registered 05.07.2021 No. 64101). (In Russian).

Поступила в редакцию 01.09.2026 г.

S. A. Konstantinov

AN EXCURSION AS AN EDUCATIONAL EVENT AND ITS IMPACT ON THE SPEECH DEVELOPMENT OF 5TH-GRADE STUDENTS

The article explores the team how visiting museums, exhibitions, and galleries affects the speech development of fifth-grade students. Based on a survey of fifth-grade students from two educational institutions in the city of Ivanovo, the cultural experience of the students was identified, and the significance of excursions was substantiated from the perspective of the goals of teaching the Russian language. The excursion is considered an educational event that meets the objectives of developing functional literacy and achieving personal, meta-subject, and subject-specific goals in teaching the Russian language. Research methods included a theoretical analysis of the literature, observation, surveying, and an analysis of respondents' answers. The survey covered topics such as information perception styles, museum-going habits, types of museums visited, and the format of visits; open-ended questions were also used to elicit descriptive writing. A comparative analysis of the responses led to conclusions regarding the influence of cultural leisure activities on the language development of fifth-grade students, as well as the educational and developmental potential of excursions as an educational activity. The author sees the prospects for further research into this issue in the development and testing of a methodology for using educational excursions to develop the speech of fifth-grade students in Russian language lessons and in extracurricular activities related to the subject.

Keywords: *excursion, axiological approach, eventfulness approach, educational event, speech development, expressiveness of speech, Russian language, 5th grade.*

Константинов Сергей Александрович.

Ивановский государственный университет.
г. Иваново, Российская Федерация.

Аспирант 2 года обучения.

Направление подготовки 5.8.2 Теория и методика
обучения и воспитания (русский язык).

ORCID 009-009-2501-7128.

E-mail: 153008@mail.ru.

Konstantinov Sergey Alexandrovich.

Ivanovo State University. Ivanovo,
Russian Federation.

Postgraduate student, 2nd year of study.

Field of study 5.8.2: Theory and methodology of
teaching and upbringing (Russian language).

ORCID 009-009-2501-7128.

E-mail: 153008@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Научная статья

УДК 378.4

DOI: 10.5281/zenodo.22911042

А. В. Колядин © 2026

*Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования*

«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

ORCID 0009-0001-6637-7244

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ РКИ НА ОСНОВЕ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ О ПУТЕШЕСТВИЯХ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена теоретическому обоснованию параметров кросс-культурной⁴ технологии обучения русскому языку как иностранному (РКИ) на этапе её проектирования. Эмпирическую базу составили две публицистические статьи журнала «Вокруг света» (2025 г.) об известных русских усадьбах и о культурном туризме в Китае. Методами сплошной выборки и количественного анализа установлена частотность шести типов маркеров (лингвокультурема, проксема, хронема, сенсема, колоративы, кинема), а также их тематическая структура. Выявлены статистически значимые различия между текстами: текст о достопримечательностях в России сосредоточен преимущественно на реалиях XIX – начала XX века (антропонимы, названия произведений, предметы быта, сенсорные образы), в то время как статья о Китае демонстрирует политематичность, включая технологические, гастрономические и философские маркеры. На основе полученных количественных данных предложена модель системы упражнений, дифференцированная по типам маркеров. Статья представляет собой теоретико-методологическое исследование. Экспериментальная апробация предложенной модели упражнений составляет перспективу дальнейшей работы.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), кросс-культурная технология, проектировочное исследование, публицистический текст, лингвокультурема, хронема, проксема, количественный анализ.

Для цитирования: Колядин А. В. Теоретическое обоснование кросс-культурной технологии обучения РКИ на основе русской публицистики о путешествиях // А. В. Колядин // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 3. — С. 129–141. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.22911042>.

Введение

Современная лингводидактика в условиях глобализации и расширения академической мобильности сталкивается с необходимостью пересмотра традиционных подходов к преподаванию русского языка как иностранного (РКИ). Антропоцентрическая парадигма, утвердившаяся в языковедении, требует переноса акцента с чисто лингвистических аспектов обучения на формирование целостной языковой личности, способной к эффективной коммуникации в поликультурном мире. Как справедливо отмечают исследователи, «кросскультурность, понимаемая как взаимопроникновение языков и культур, совмещение общего и различного, является перспективным подходом в обучении языкам» [1, с. 8]. При этом стратегической целью изучения русского языка как

⁴ Графическое оформление понятия «кросс(-)культурный» в работах современных лингвистов не отличается единообразием. В настоящей статье используется слитное написание этого термина в тех случаях, когда оно было предложено авторами цитируемых источников. В иных же контекстах считаем целесообразным обращаться к дефисному написанию, так как заимствованный неизменяемый компонент *кросс-* в составе сложных слов, согласно нормам русского языка, пишется через дефис.

иностранным становится не просто овладение языком как средством общения, но и его освоение «как достоверным переносчиком культурных ценностей» [8, с. 134]. В связи с этим, как подчёркивает Ши Линь, межкультурное образование является основой формирования кросс-культурного взаимодействия и коммуникаций между всеми участниками образовательного пространства [10]. Таким образом, центральной задачей преподавателя РКИ в работе с разноязычной аудиторией становится целенаправленное развитие у студентов кросс-культурной восприимчивости путем передачи им достоверных и позитивных знаний о другой культуре.

Изучение современных исследований в области межкультурного обучения русскому языку как иностранному позволяет обозначить ряд приоритетных направлений, в рамках которых ведется интенсивная работа по внедрению и развитию методов обучения.

Первое направление связано с философским и методологическим обоснованием кросскультурности. Согласно концепции Н. Н. Алиевой, межкультурный подход является стержнем современного гуманитарного знания: он ориентирует на толерантные межэтнические отношения и поддержку развития языков разных народов. Такой подход, как подчёркивает ученый, позволяет по-новому и более точно анализировать феномен культурной идентичности, который формируется и проявляется именно в диалоге и взаимообогащении различных культур [1, с. 8]. В этом же русле представлена концепция И. Н. Циборевой, отмечающей, что именно кросс-культурный подход, предполагающий изучение иностранного языка в неразрывной связи с культурой страны этого языка, открывает новые аспекты межкультурной коммуникации как важнейшей способности человека. При этом как подчёркивает автор, знание культурных норм партнера по общению (его традиций, образа жизни, мировидения, менталитета и национального характера) позволяет студентам избегать ошибок в инокультурной среде и способствует их дальнейшему профессиональному успеху [9, с. 12].

Второе направление представлено работами по преподаванию РКИ в контексте национальных стандартов качества. С. В. Тулунова и Л. Н. Рулиене акцентируют внимание на формировании кросс-культурной восприимчивости, понимаемой ими как педагогический процесс, цель которого состоит в донесении до обучающихся достоверной информации о российской культуре. При этом авторы подчеркивают, что полноценное освоение, осмысление и принятие русской культуры напрямую зависят от того, насколько качественно организован сам процесс её восприятия [8, с. 138].

Третье направление связано с изучением семиотических аспектов кросс-культурного преподавания. Ю. А. Герасименко и Е. А. Пономаренко предлагают понятие семиотического аудиовизуального ряда, который позволяет представлять сложную информацию в сжатой наглядной форме. Благодаря такому подходу у студентов эффективнее формируются навыки устного общения и возрастает интерес к иноязычной культуре [4, с. 107]. В русле данного направления в исследовании В. И. Кузнецовой мультимодальные (поликодовые) тексты, задействующие несколько сенсорных систем обучающихся, рассматриваются как эффективное средство семантизации лексики с национально-культурным компонентом. Разработанная ученым визуальная новелла, функционирующая на интернет-платформах, создает целостную виртуальную интерактивную языковую среду, а нелинейный сюжет и система выбора реплик позволяют учитывать кросс-культурный контекст личности студента, что снижает психоэмоциональное напряжение и повышает эффективность формирования лингвокультуроведческой компетенции у студентов-инофонов [7].

Четвертое направление, наиболее значимое для нашего исследования, представлено работами, по лингвокультурному моделированию публицистического дискурса. В рамках данного направления А. В. Колядиным, в частности, разработана методология выявления когнитивных доминант в публицистических текстах. Выявление когнитивных доминант осуществляется на основе методов сплошной выборки и количественного анализа лингвокультурных маркеров, что обеспечивает эмпирическую верифицируемость

получаемых результатов. Особое значение для представленного в настоящей статье исследования имеет используемое в рамках рассматриваемой концепции понятие дискурсивного информативного кода, под которым понимается единство лексико-грамматических и синтаксических конструкций, номинирующих когнитивные доминанты. Следует отметить, что рассматриваемый подход представляет собой конкретный инструмент для анализа публицистических текстов как источников культурно значимой информации, что особенно важно при обучении РКИ в разноязычной аудитории: понимание иностранными обучающимися дискурсивного информативного кода напрямую влияет на успешность декодирования скрытых смыслов и, как следствие, на формирование полноценной кросс-культурной восприимчивости [6].

Также в рамках рассматриваемой научной парадигмы можно выделить направление, обосновывающее ценность публицистических текстов при обучении РКИ. Как отмечает М. Н. Громыко, современная публицистика выступает своеобразным отражением общественной жизни и оперативнее других стилей откликается на изменения в общественно-политической сфере [5, с. 120]. В свою очередь, Е. В. Гвоздева считает, что освоение особенностей публицистического стиля позволяет учащимся не только глубже постигать смысл прочитанного, но и совершенствовать свои языковые и коммуникативные навыки, а также приобщаться к социокультурным ценностям России [3, с. 340].

В контексте нашего исследования особую значимость приобретают также работы Ван Синхуа и А. В. Курьянович, в которых кросс-культурный анализ рассматривается как инструмент реализации воспитательных задач в системе полиязычного образования. Так, исследователи подчеркивают, что «развитая языковая личность сегодня является поликультурной, включенной в разнообразные вербально-дискурсивные практики, способной жить в условиях межкультурного общения, объединять идентификацию себя как представителя определенного этноса и уважение к другим культурам» [2, с. 63]. Кроме этого, авторы отмечают, что метод «диалога культур» Е. И. Пассова может рассматриваться в качестве одного из способов патриотического воспитания: глубокое осмысление собственной принадлежности к родной лингвокультуре происходит, в частности, через знакомство и изучение культуры другой [2, с. 64].

Однако, несмотря на значительное количество исследований, посвященных отдельным аспектам кросс-культурного обучения РКИ, остаются недостаточно разработанными вопросы, связанные с количественным анализом маркеров, репрезентирующих культурную информацию в публицистическом тексте, и последующим использованием этих данных для проектирования системы упражнений. Существующие работы либо описывают культурные реалии без их квантификации, либо предлагают методические рекомендации, не опирающиеся на предварительный статистический анализ текстового материала. В связи с этим *целью* настоящей статьи является выявление и квантификация лингвокультурных маркеров в публицистических текстах о России и Китае как эмпирической основы для проектирования кросс-культурной технологии обучения РКИ, ориентированной на разноязычных студентов-инофонов с уровнем владения русским языком В1. В данном контексте считаем необходимым отдельно оговорить, что целевая аудитория представлена иноязычными студентами, уже достигшими уровня коммуникативной компетенции В1 и находящимися в процессе освоения языкового уровня В2 (II сертификационный уровень ТРКИ). При этом языковые средства страноведческих текстов, отобранных для анализа, доступны обучающимся уровня В1 при условии организации предтекстовой работы, направленной на ознакомление с лексикой, а также могут использоваться для чтения со словарем в процессе самостоятельной работы студентов. Выполнение упражнений в формате эссе также не выходит за рамки языковых возможностей обучающихся уровня В1: опираясь на уже усвоенный уровень ТРКИ-1, они способны продуцировать письменное высказывание в рамках заданной темы. В то же время полноценная работа над эссе развернутого типа предполагает выход на уровень ТРКИ-2 (В2), в процессе освоения которого у студентов целенаправленно формируются навыки

продуктивного вида речевой деятельности (письма). Именно такое сочетание (опора на достигнутый уровень В1 и ориентация на формирующийся уровень В2) выступает неотъемлемым условием становления «вторичной» языковой личности по мере овладения инофонами межкультурной компетенцией, в составе которой правомерно выделить языковую и страноведческую составляющие.

Также следует отметить, что в отличие от традиционных методических работ, в которых упражнения предлагаются на основе интуитивного отбора материала, в данном исследовании формирование системы упражнений опирается на предварительные количественные данные о частотности и тематической структуре маркеров. При этом квантификация эмпирического материала имеет три практические функции: диагностическую (определение реальной трудоемкости работы с текстом), прогностическую (выявление асимметрии маркеров между культурами (например, преобладание конкретных исторических дат (хронем) в русском тексте при доминировании цивилизационных и динамических хронем в китайском позволяет прогнозировать специфические трудности китайских студентов при работе с русским текстом) и оценочную (обеспечение измеримости результатов обучения (например, 24 выявленные лингвокультурема в анализируемом публицистическом тексте про российские достопримечательности дают возможность рассчитать процент их усвоения в пост-тестировании)). Именно эти функции отличают предлагаемый подход от методических разработок, основанных на интуитивном отборе материала. Отдельно следует обозначить, что данная статья представляет собой первый, теоретико-проектировочный этап разработки технологии. Экспериментальная апробация предложенной модели составляет перспективу дальнейших исследований и в данной работе не представлена.

Таким образом, для достижения поставленной в работе цели является решение следующих *задач*: 1) провести сплошную выборку и квантификацию маркеров шести типов (проксема, лингвокультурема, хронема, сенсема, колоратив и глютоним) в двух публицистических текстах (о России и Китае), 2) интерпретировать выявленные различия с лингводидактической точки зрения, 3) предложить разработанную модель системы упражнений, учитывающую выявленные частотные характеристики маркеров, 4) обосновать перспективы экспериментальной апробации предложенной модели.

Научная новизна представленного в работе исследования заключается в следующем: 1) впервые проведен детальный количественный анализ шести типов лингвокультурных маркеров в публицистических текстах журнала «Вокруг света» о России и Китае, 2) выявлены статистически значимые различия в частотности и тематической распределенности маркеров между двумя текстами, 3) установлена корреляция между доминантными типами маркеров и особенностями репрезентации культурного наследия, а также 4) обоснован подход к проектированию системы упражнений, опирающийся на предварительный количественный анализ маркеров, в отличие от традиционного интуитивного отбора материала.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили две статьи, опубликованные в научно-популярном журнале «Вокруг света» в 2025 году. Выбор журнала «Вокруг света» в качестве источника материала не случаен: с нашей точки зрения, это издание представляет собой репрезентативный источник страноведческого публицистического дискурса. В рамках сформулированной нами концепции, публицистический текст воспринимается как семиотический феномен, способный отражать глубинные пласты национальной культуры и менталитета народа, а материалы используемого журнала позволяют прикоснуться к культуре, языку и народным традициям [6, с. 3].

В центре внимания первой статьи под названием «Русская душа в интерьере: где искать подлинную атмосферу Толстого, Есенина и Мамонтова» [12] — культурный ландшафт России, который раскрывается через описание пяти мемориальных усадеб. Автор последовательно знакомит читателя с Константиновом (родиной Сергея Есенина),

Поленовом (усадьбой художника Василия Поленова), Абрамцевом, где жили писатель Сергей Аксаков и меценат Савва Мамонтов, Полотняным Заводом (родовым имением семьи Гончаровых), а также Ясной Поляной, в которой провел большую часть жизни Лев Толстой.

Во второй статье, вышедшей под названием «Путешествие во времени: как познакомиться с Китаем — страной древней культуры и футуристических пейзажей», автор описывает Китай как цивилизацию, непрерывно развивающуюся на протяжении пяти тысяч лет и органично сочетающую древние традиции с современными технологиями. В статье описываются ключевые туристические направления страны: Пекин с его Запретным городом и хутунами, Сиань, где находится знаменитая Терракотовая армия, Шанхай с его старым городом, а также древние города Фуронг, Фенхуан, Хуньцунь и Сиди, включенные в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [11].

Выбор данных текстов для кросс-культурного анализа проводился на основе нескольких критериев, которые обеспечивают валидность последующего сопоставления. Прежде всего, оба текста являются аутентичными и опубликованы в одном и том же издании (научно-популярном журнале «Вокруг света»). Это дает основание говорить о сопоставимости их жанрово-стилистических характеристик, поскольку они созданы в рамках единой редакционной политики и ориентированы на одну целевую аудиторию. Кроме того, тексты обладают тематической симметрией: каждый из них посвящен презентации культурного наследия и туристического потенциала своей страны (России в одном случае и Китая в другом). Такая тематическая близость создает необходимые условия для корректного сравнения. Существенно и то, что тексты репрезентируют два разных типа культурного самосознания. Русский текст демонстрирует преимущественно ретроспективную направленность, сосредоточивая внимание на культурных феноменах XIX – начала XX века, которые сохранились в виде усадеб-музеев. Китайский текст, в свою очередь, напротив, представляет синхронно-перспективную модель, в которой древность (пяти-тысячелетняя история, династии Мин и Цин) органично сосуществует с современностью (скоростные поезда, небоскребы, цифровые технологии). Также существенным показателем выступает сопоставимость объемов анализируемых текстов (6 931 знаков в русском тексте и 4 712 — в китайском), что при последующей квантификации не препятствует проведению качественно-количественного анализа.

Методы исследования. В работе использован комплекс методов, включающий сплошную выборку маркеров в каждом из исследуемых текстов, типологизацию маркеров на основе разработанной нами классификации (лингвокультуремы, хронемы, проксеммы, колоративы, сенсеммы, кинемы), сравнительно-сопоставительный анализ для интерпретации выявленных различий, а также метод лингводидактического моделирования для разработки проектной модели системы упражнений, учитывающей выявленные частотные характеристики.

Основная часть

Современная методика преподавания русского языка как иностранного все чаще обращается к аутентичным публицистическим текстам как к источнику формирования не только языковой, но и лингвокультурологической компетенции учащихся. Как было отмечено выше, в качестве эмпирического материала для разработки кросс-культурной технологии обучения РКИ были выбраны две статьи журнала «Вокруг света»: одна посвящена русским усадьбам (Константиново, Поленово, Абрамцево, усадьба Гончаровых, Ясная Поляна), другая — Китаю как стране древней культуры и футуристических пейзажей. Анализ проводился по шести типам маркеров: лингвокультуремы, проксеммы, кинемы, хронемы, сенсеммы и колоративы. В статье о России было выявлено 48 маркеров, в статье о Китае — 37 маркеров. Сопоставление частотности и типологии маркеров позволяет выявить устойчивые различия в стратегиях презентации двух стран.

В статье о России доминирующим типом маркера является лингвокультурема, составляющая половину (50 %) от общего числа выявленных маркеров (24 из 48). В частности, к лингвокультуремам относятся антропонимы (имена и фамилии деятелей

русской культуры: поэты («Сергей Александрович», «Иосиф Бродский»), писатели («Николай Гоголь», «Иван Тургенев», «Михаил Щепкин», «Борис Пастернак»), художники («Василий Поленов», «Васнецов», «Серов», «Врубель», «Коровин», «Нестеров», «Левитан»), исторические личности («Наталья Гончарова», «Махатма Ганди», «Томас Манн», «Ромен Роллан», «Бернард Шоу»), а также литературные прототипы («Лидия Кашина»). Значительную долю составляют названия литературных произведений («Анна Снегина», «Аленький цветочек», «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», «Воспоминания», «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение»), искусствоведческие и культурологические понятия, среди которых авторская метафора («заповедник русского пейзажа»), обозначение художественного стиля («русский стиль»), интертекстуальная отсылка к знаменитой картине В. А. Серова («девочка с персиками») и философский концепт («модель мира»). Отдельную группу составляют предметно-мемориальные лингвокультуры: «перо, чернильница, очки», «кожаный диван», позволяющие визуализировать исторические образы известных русских писателей и поэтов.

Проксемы в русском тексте составляют 22,9 % (11 из 48 образцов) и представлены преимущественно мемориальными и ландшафтными объектами («дом Есенина», «вид на Оку», «Есенинская горка», «Поленово», «Абрамцево», «старый парк», «сад и луга», «трехэтажный дом», «главный усадебный дом», «флигели», «могила писателя»). Как правило, все используемые номинанты данного типа привязаны к конкретным историческим местам.

Сенсемы были выявлены в 18,8 % случаев (9 из 48 образцов) и включают разнообразные чувственные образы: аудиально-тактильные («скрипучие полы»), обонятельные («вдохнуть запах дерева и старой бумаги», «пахнет осокой»), пространственно-кинестетическое ощущение («простор», «впитали колорит»), визуальное восприятие («светлое помещение», «ухаженный парк, пронизанный аллеями») и эстетическое переживание («атмосферно»).

Наименее частотными маркерами являются хронемы и колоративы. Так, хронемы используются автором публикации о России в 6,3 % случаев (3 из 48 образцов): «в XVIII веке», «в 1870-х», «пушкинская эпоха», в то время как колоративы представлены только одним примером (2,1 % от общего числа проанализированного материала) («белые фасады»).

Таким образом, русская статья создает образ страны как пространства осязаемой культурной памяти, где доминируют имена деятелей культуры, названия их произведений, мемориальные предметы, конкретные географические локации, а также сенсорные ощущения, тогда как временные и цветовые маркеры играют второстепенную роль.

В статье о Китае распределение маркеров иное. Лингвокультуры также лидируют, составляя 51,4 % (19 из 37 образцов), однако их типология смещена: среди них преобладают технологические маркеры («поезд на магнитной подушке», «роботы», «QR код», «онлайн-переводчики») и гастрономические единицы (лингвокультуры-глотонимы) («утка по-пекински», «суп с ласточкиными гнездами», «сяолунбао», «рис в бамбуке», «хот-пот», «императорская кухня»). Также среди выявленных маркеров представлены философский концепт «Инь и Ян», культурные практики («чайная церемония», «национальный костюм») и историко-археологический объект («Терракотовая Армия»), названия ремесел («резьба по камню», «шелковая вышивка»), а также гастро-отсылки (наименование ресторана («семейный ресторан Liu's Family And Restaurant») и указание на потомственных поваров («потомки поваров династии Цин»)).

Использованные автором статьи о Китае проксеммы составляют 32,4 % (12 из 37 образцов) и представлены урбанистическими пространствами («Запретный город», «хутуны», «улица Цаньмень»), архитектурными объектами («Пагода Большого Гуся», «древняя городская стена», «небоскреб»), ландшафтно-поселенческими единицами («деревня Чжусяцзяо», «деревушка на воде», «город Фурунг», «город Фенхуан», «Хуницунь», «Сиди», «провинция Аньхой»).

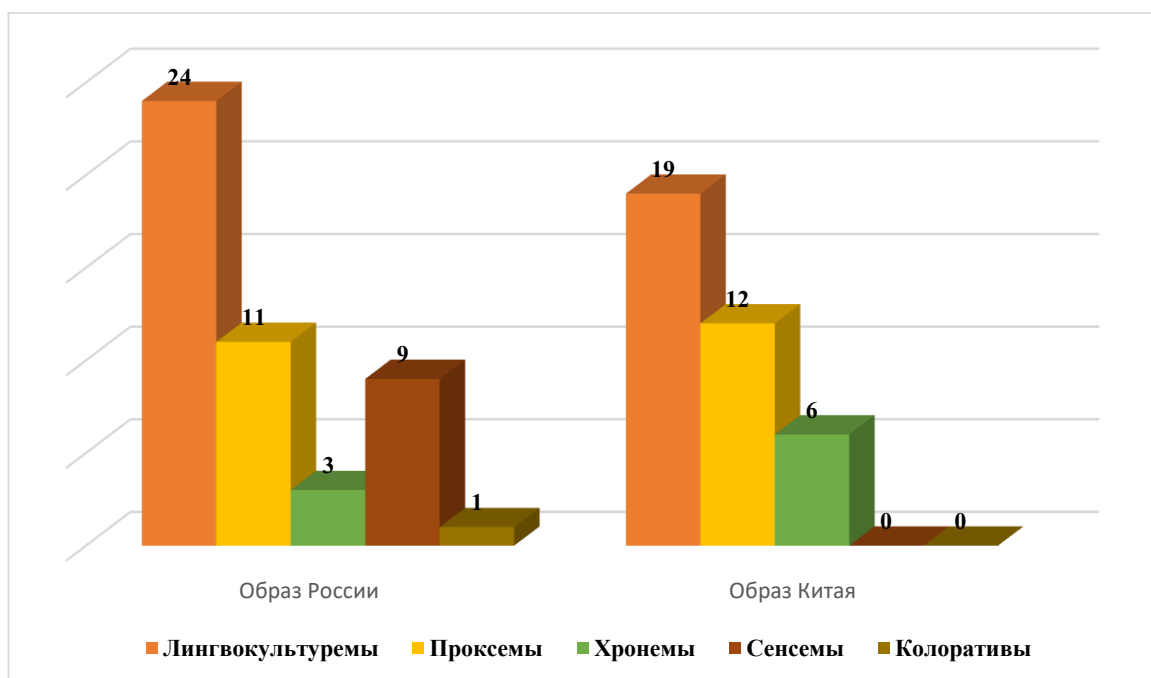
Хронемы, в свою очередь, выявлены в 16,2 % (6 из 37 примеров) и включают указания на исторические династии («*династия Мин*», «*династия Цин*», «*эпоха Мин и Цин*»), глубокую древность («*тысячу лет назад*»), цивилизационную уникальность («*единственная из первых цивилизаций*») и культурный ренессанс («*второе рождение*»).

Следует отметить, что кинемы и сенсемы в анализируемом публицистическом тексте о Китае отсутствуют (0 %).

Таким образом, статья о Китае создает образ страны через технологические достижения, гастрономические традиции, разнообразные пространственные локации и историческую хронологию, при полном отсутствии сенсорно-тактильного компонента.

Для наглядного представления полученных количественных данных на Диаграмме 1 ниже представлена частотность распределения маркеров в двух анализируемых статьях.

Диаграмма 1
Частотность использования маркеров для создания образов России и Китая в публицистических текстах журнала «Вокруг света»

Сопоставление двух статей позволило выявить ряд различий. Так, при сопоставимом количестве лингвокультурем (24 в русском тексте и 19 в китайском) их тематическое наполнение принципиально расходится: русский текст почти полностью сосредоточен на литературно-художественной сфере (антропонимах писателей, поэтов и художников, названиях произведений, а также предметах дворянско-крестьянского быта), тогда как в китайском тексте лингвокультуры распределены по нескольким группам, включая технологические маркеры, гастрономические единицы, философские концепты и культурные практики. Что касается проксем, то в русском тексте они привязаны к конкретным мемориальным местам, формируя статичное, обозримое пространство, тогда как в китайском варьируются по масштабу от урбанистических локаций до целых провинций и городов, включенных в список ЮНЕСКО. Наиболее показательное различие, на наш взгляд, обнаруживается в сенсемах: в русском тексте их 9, и они создают эффект присутствия (читатель слышит «*скрипучие полы*», вдыхает «*запах дерева и старой бумаги*», ощущает «простор» и «*атмосферу*», формируя образ осязаемой культурной памяти). В то время как в тексте про Китай сенсемы полностью отсутствуют, что позволяет предположить, что культурная информация здесь передается через перечисление достопримечательностей, технологий и гастрономических особенностей без апелляции к чувственному опыту читателя. В то же время хронемы в тексте про Китай встречаются в

два раза чаще (6 против 3) и номинируют разные временные пласты от глубокой древности («тысячу лет назад», «пять тысяч лет») до исторических династий и культурного ренессанса, тогда как русские хрономы единичны и привязаны к конкретным датам («в XVIII веке», «в 1870-х», «пушкинская эпоха»). Колоративы в тексте о Российских достопримечательностях представлены одним примером («белые фасады»), в то время как в тексте о Китае отсутствуют вовсе, что, однако, следует рассматривать как особенность данных текстов, а не как характеристику культурных традиций в целом.

Полученные данные могут быть положены в основу кросс-культурной технологии обучения РКИ, поскольку сопоставление частотности культурных маркеров позволяет преподавателю наглядно показать студентам-инофонам, как один и тот же жанр в рамках одного издания использует разные культурные коды для создания образов разных стран, что, в свою очередь, может служить эффективным инструментом формирования лингвокультурологической компетенции иноязычных обучающихся.

Выявленные количественные и качественные различия в маркерах двух текстов имеют прямое лингводидактическое значение и определяют следующие параметры для проектирования кросс-культурной технологии. Высокая частотность лингвокультурем в обоих текстах означает, что при работе с такими текстами студенты уровня В1 столкнутся с большим количеством безэквивалентной и фоновой лексики, требующей развернутого культурологического комментария. При этом комментарий должен быть дифференцирован: для русских лингвокультурем (*усадьба, дворянин, крестьянин, меценат, земская школа, русская печь*) необходимо объяснение исторического и социального контекста XIX – начала XX века, в то время как для китайских лингвокультурем потребуются объяснение философских концептов (*фэн-шуй, Инь и Ян*), гастрономических реалий и технологических инноваций.

Различия в хрономах указывают на необходимость формирования у студентов навыка распознавания разных типов темпоральной организации текста. Русский текст с его обилием конкретных дат и временных периодов (*XVIII век, «пушкинская эпоха»*) требует от студента способности соотносить дату с историческим контекстом и биографией деятеля культуры. Китайский текст с его цивилизационными хрономами (*династия Цин, династия Мин, тысячу лет назад*) и динамическими хрономами (*за 5 часов, за 7 минут*) требует иного типа компетенции, в частности, способности понимать масштаб исторических периодов и одновременно ориентироваться в технологически детерминированном времени.

Различия в проксемах (преобладание статичных проксем в русском тексте в противовес динамических проксем в китайском) определяют разные стратегии чтения и понимания. Статья о русских достопримечательностях предполагает «медленное» чтение с визуализацией статичного пространства, в то время как публикация о китайских достопримечательностях характеризуется быстрым темпом с отслеживанием перемещений и переходов.

Низкая частотность использования в обоих текстах колоративов и сенсем не позволяет сделать однозначные выводы об особенностях их функционирования в публицистических материалах, посвященных конкретной стране. Ввиду этого, для выявления устойчивых тенденций, на наш взгляд, требуется обращение к более широкому корпусу публицистических материалов.

Представленные выше статистические данные, отраженные на Диаграмме 1, позволяют перейти от интуитивного отбора учебного материала к его научно обоснованному проектированию. Далее будет представлена проектная модель системы упражнений, построенная на следующих принципах: 1) приоритетная работа с теми типами маркеров, которые имеют наибольшую относительную частотность (например, лингвокультурамы в обоих текстах); 2) дифференциация упражнений в зависимости от выявленных тематических групп (например, отработка антропонимов и литературных аллюзий на материале о России и технологических маркеров на материале о Китае); 3) учет асимметрии маркеров между текстами (например, более высокая частотность хроном в статье о Китае и сенсем в материалах о достопримечательностях России).

Блок 1. Упражнения на лингвокультуреми. Учитывая, что лингвокультуреми составляют 51,1 % маркеров в русском тексте и 54,1 % в китайском, работа с этим типом маркеров является, на наш взгляд, приоритетной.

На дотекстовом этапе возможна выдача карточек с лингвокультуремами из текста, сгруппированными по тематическим группам. Для русского текста это антропонимы (имена писателей, поэтов, художников), названия литературных произведений, предметы дворянско-крестьянского быта («русская печь», «земская школа», «перо, чернильница, очки»), искусствоведческие понятия («русский стиль», «модерн»), авторские метафоры («заповедник русского пейзажа») и философский концепт («модель мира»). Для китайского текста будут использоваться технологические маркеры («поезд на магнитной подушке», «роботы», «QR код»), гастрономические единицы («утка по-пекински», «хот-пот», «сяолунбао»), философский концепт («Инь и Ян»), культурные практики («чайная церемония», «национальный костюм») и историко-археологический объект («Терракотовая Армия»). Формат задания на данном этапе предполагает соединение слова с картинкой и кратким определением на русском языке, например: «Усадьба — это большой дом с парком и хозяйственными постройками, где раньше жили дворяне», «Хутуны — это старые узкие улицы в Пекине, где сохранились традиционные дома». Для философских концептов («Инь и Ян») целесообразен развернутый комментарий с привлечением видео- или анимационных материалов.

На текстовом этапе рекомендуется маркировка лингвокультурем и заполнение таблицы по тематическим группам с последующим сравнением результатов в парах. Например, при работе с русским текстом студенты заполняют таблицу с колонками «Антропонимы», «Названия произведений», «Предметы быта и реалии», выписывая встретившиеся лингвокультуреми: «Сергей Александрович» — в первую колонку, «Война и мир» — во вторую, «земская школа» — в третью. Для китайского текста колонки могут быть следующими: «Технологические маркеры», «Гастрономические единицы», «Культурные практики». После заполнения студенты сравнивают результаты в парах и обсуждают расхождения.

На послетекстовом этапе может быть организована ролевая игра «Экскурсовод»: студент получает задание провести виртуальную экскурсию по одному из описанных мест (например, по Ясной Поляне или по Запретному городу), используя не менее 5 лингвокультурем из текста и объясняя их значение.

Блок 2. Упражнения на хронемы. Учитывая, что в русском тексте зафиксировано 3 хронемы («в XVIII веке», «в 1870-х», «пушкинская эпоха»), а в китайском — 6 хронем («династия Мин», «династия Цин», «эпоха Мин и Цин», «тысячу лет назад», «единственная из первых цивилизаций», «второе рождение»), на **дотекстовом этапе** возможно задание «Шкала времени»: на доске или в раздаточном материале изображается временная шкала, студенты получают список хронем из обоих текстов и должны разместить их на шкале, обращая внимание на разницу между конкретными датами (в русском тексте) и цивилизационными периодами (в китайском).

На текстовом этапе рекомендуется выписывание хронем из каждого текста с последующим обсуждением вопроса о том, почему в русском тексте все хронемы привязаны к XVIII–XIX векам, а в китайском охватывают диапазон от «тысячи лет назад» до «второго рождения» традиций.

На послетекстовом этапе возможно задание на трансформацию времени: переписать фрагмент русского текста, заменив конкретные даты (например, «в 1870-х») на цивилизационные хронемы по образцу китайского текста («в эпоху Александра II») с последующим анализом изменения восприятия текста.

Блок 3. Упражнения на проксемы. Учитывая, что в русском тексте зафиксировано 11 проксем («дом Есенина», «вид на Оку», «Есенинская горка», «Поленово», «Абрамцево», «старый парк», «сад и луга», «трехэтажный дом», «главный усадебный дом», «флигели», «могила писателя»), а в китайском — 12 проксем («Запретный город», «хутуны», «улица

Цаньмень», «Пагода Большого Гуся», «древняя городская стена», «небоскреб», «деревня Чжуцзяцзяо», «деревушка на воде», «город Фурунг», «город Фенхуан», «Хунцунь», «Сиди», «провинция Аньхой»), **на дотекстовом этапе** целесообразно дать студентам задание «Карта и маршрут», в процессе выполнения которого обучающиеся получают упрощенную карту России и Китая и наносят на нее все топонимы из текстов, после чего сравнивают пространственную организацию (русские усадьбы расположены в радиусе 12–200 км от Москвы и Тулы, в то время как китайские города расположены по всей стране).

На текстовом этапе рекомендуется выписывание проксем с последующим обсуждением различий в масштабе и характере описываемых пространств.

На послетекстовом этапе возможно задание на разработку однодневного туристического маршрута по своему родному городу на русском языке с использованием не менее 5 географических названий и указанием расстояний.

Блок 4. Упражнения на сенсемы. Учитывая асимметрию частотности (тексте о достопримечательностях России выявлено 9 сенсем («скрипучие полы», «вдохнуть запах дерева и старой бумаги», «пахнет осокой», «простор», «впитали колорит», «светлое помещение», «ухаженный парк, пронизанный аллеями», «атмосферно»), в то время как в китайском тексте сенсемы отсутствуют), **на дотекстовом этапе** возможно задание «Сенсорная карта текста»: при чтении русского текста студенты маркируют все слова, описывающие ощущения (например, «скрипучие полы» — слух и осязание, «запах дерева и старой бумаги» — обоняние), затем, **на текстовом этапе**, составляют «сенсорную карту» и обсуждают, какие типы ощущений доминируют.

На послетекстовом этапе возможно задание на добавление сенсем: выбрать фрагмент китайского текста (например, описание чайной церемонии или древней дереушки) и добавить в него 2–3 сенсемы по образцу русского текста («вдохнуть аромат чая», «прикоснуться к гладкой поверхности фарфора») с последующим анализом того, как меняется восприятие текста. Важно подчеркнуть, что отсутствие сенсем в конкретном публицистическом материале о Китае является особенностью данного текста, а не характеристикой китайской культуры в целом. Данный аспект может стать предметом отдельного обсуждения.

Блок 5. Интегративные упражнения. На завершающем этапе работы целесообразны задания, требующие синтеза нескольких типов маркеров. Возможно написание сравнительного эссе на одну из тем: «Как по-разному Россия и Китай представляют свое культурное наследие в журнале “Вокруг света”?», «Почему образ России в статье насыщен сенсорными ощущениями, а образ Китая — нет?» (с оговоркой о специфике конкретных текстов). Также возможно задание на создание собственного текста о родной культуре в жанре путевого очерка с сознательным использованием не менее 5 лингвокультурем (с объяснением), не менее 3 хронем разных типов (конкретные даты / династии / тысячелетия), не менее 3 географических названий, а также факультативным включением сенсем для развития навыков образного описания.

Повторно необходимо уточнить, что предлагаемая проектная модель системы упражнений не является окончательной и не предполагает жесткого следования всем перечисленным заданиям. её функция состоит в демонстрации возможных вариантов трансформации выявленных маркеров и их параметров (частотность, тематическая структура, асимметрия между текстами по сенсемам и хронемам) в конкретные дидактические единицы. Окончательный вариант упражнений будет зависеть от реального уровня подготовленности студентов и конкретных учебных задач.

Заключение

В результате проведенного исследования были решены поставленные задачи и получены выводы, имеющие значение для проектирования кросс-культурной технологии обучения РКИ. На основе сплошной выборки в статье о России было выявлено 48 маркеров, в статье о Китае — 37, среди которых наиболее часто используемыми являются лингвокультуры. При этом было отмечено, что тематическая структура русских и

китайских лингвокультурем принципиально различается: русский текст почти полностью сосредоточен на реалиях XIX – начала XX века, тогда как китайский текст демонстрирует политематичность, включая технологические, гастрономические, философские и культурно-практические маркеры. Выявленные в анализируемых текстах проксеммы, в свою очередь, также дифференцируются: проксеммы в русском тексте привязаны к конкретным памятным историческим местам и формируют локальное пространство, в то время как в китайском тексте функционал проксемм значительно масштабнее: они используются для объективизации как урбанистических локаций, так и целых провинций и городов, включенных в список ЮНЕСКО. Хронемы в русском тексте единичны и привязаны к конкретным датам, в китайском тексте их вдвое больше, и они охватывают разные временные пласты (от глубокой древности до исторических династий и культурного ренессанса). Сенсеммы и колоративы в процессе проведения исследования были выявлены в недостаточном для проведения качественного анализа количестве, что предполагает проведение дополнительного исследования на более широкой эмпирической базе.

Также в работе представлена разработанная на основе полученных количественных данных проектная модель системы упражнений, дифференцированная по типам маркеров и соотнесенная с уровнями кросс-культурной компетенции. Модель демонстрирует, как выявленные параметры могут быть трансформированы в конкретные дидактические единицы, однако окончательная верификация её эффективности требует проведения апробации. Предполагается, что на следующем этапе будет организовано экспериментальное обучение с участием экспериментальной и контрольной групп разноязычных студентов (ориентировочный объем выборки должен включать группу из 50–60 человек, владеющих русским языком на уровне B1). Критериями эффективности выступают динамика показателей в предварительном и пост-тестировании на идентификацию и интерпретацию маркеров, качественный анализ письменных работ студентов, а также данные анкетирования для измерения кросс-культурной восприимчивости. До получения эмпирических результатов настоящая работа рассматривается как теоретико-методологическое исследование, а предлагаемая технология — как научно обоснованная модель, требующая практической верификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева, Н. Н. Кросскультурность как методология изучения второго языка в современной лингводидактике // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена / Языкознание и литературоведение. 2007. — С. 7-13. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krosskulturnost-kak-metodologiya-izucheniya-vtorogo-yazyka-v-sovremennoy-lingvodidaktike/viewer> (дата обращения: 01.06.2026)
2. Ван, Синхуа, Курьянович, А. В. Кросс-культурный анализ в преподавании русского языка как иностранного в аспекте реализации задач патриотического воспитания // Проблемы современного педагогического образования. — 2023. — С. 62-65. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krosskulturnyy-analiz-v-prepodavanii-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-v-aspekte-realizatsii-zadach-patrioticheskogo-vospitaniya/viewer> (дата обращения: 01.06.2026)
3. Гвоздева, Е. В. Развитие языковой компетенции в процессе чтения публицистических текстов на занятиях по русскому языку как иностранному // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Том 12. — Выпуск 3. — С. 340-344. — URL: <https://philology-journal.ru/article/phil20190272/pdf> (дата обращения: 01.06.2026)
4. Герасименко, Ю. А., Пономаренко, Е. А. Семиотические аспекты кросскультурного преподавания РКИ в цифровой среде // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития : материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19 окт. 2023 г. / под ред. Т. Н. Мельниковой (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2023. — С. 107-111. — URL: <https://rep.bsmu.by/handle/BSMU/41472?show=full> (дата обращения: 01.06.2026)
5. Громыко, М. Н. О некоторых особенностях использования публицистических текстов в обучении РКИ // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 1. — Минск: «Белорусский Дом печати», 2011. — С.120-122. — URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/52539> (дата обращения: 01.06.2026)
6. Колядин, А. В. Лингвокультурное моделирование публицистического информативного кода в дискурсивных когнитивных доминантах «ARCHITECTURE» И «АРХИТЕКТУРА»: автореф. дис. ... канд.

- филол. наук. — Белгород, 2025. — URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/147696/1/urfu2857.pdf.pdf> (дата обращения: 01.06.2026)
7. Кузнецова, В. И. Кросс-культурный контекст в обучении РКИ посредством интернет-платформ: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 2025. — 24 с. — URL: <https://www.dissercat.com/content/kross-kulturnyi-kontekst-v-obuchenii-rki-posredstvom-internet-platform> (дата обращения: 01.06.2026)
 8. Тулунова, С. В., Рулиене, Л. Н. Преподавание русского языка как иностранного в контексте национальных стандартов качества преподавания в Китае: кросс-культурная восприимчивость // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. — 2021. — С. 133-138. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46521811> (дата обращения: 01.06.2026)
 9. Циборева, И. В. Проблема кросс-культурной коммуникативной подготовки студентов туристского вуза // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. - № 6. — С. 12-15. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-krosskulturnoy-kommunikativnoy-podgotovki-studentov-turistskogo-vuza/viewer> (дата обращения: 01.06.2026)
 10. Ши, Линь. Кросс-культурные аспекты в преподавании РКИ: феномен притяжательных местоимений // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. — 2024. — № 7-3. — С. 133-136. — URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/48b5a5b6-7c85-4a38-bedd-3f5bf97e9082> (дата обращения: 01.06.2026)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Путешествие во времени: как познакомиться с Китаем — страной древней культуры и футуристических пейзажей // Вокруг света. — 23.06.2025. — URL: <https://www.vokrugsveta.ru/company-news/puteshestvie-vo-vremeni-kak-poznakomitsya-s-kitaem-stranoi-drevnei-kultury-i-futuristicheskikh-peizazhei-id6412838/> (дата обращения: 01.06.2026)
12. Русская душа в интерьере: где искать подлинную атмосферу Толстого, Есенина и Мамонтова // Вокруг света. — 15.08.2025. — URL: <https://www.vokrugsveta.ru/travels/russkaya-dusha-v-interere-gde-iskat-podlinnuyu-atmosferu-tolstogo-esenina-i-mamontova-id6499023/> (дата обращения: 01.06.2026)

REFERENCES

1. Alieva, N. N. (2007). Krosskul'turnost' kak metodologiya izucheniya vtorogo yazyka v sovremennoy lingvodidaktike [Cross-culturality as a methodology for studying a second language in modern linguodidactics]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. Seriya "Yazykoznanie i literaturovedenie"*, 7-13. (In Russian).
2. Van Sinkhua, Kur'yanovich, A. V. (2023). Kross-kul'turnyy analiz v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo v aspekte realizatsii zadach patrioticheskogo vospitaniya [Cross-cultural analysis in teaching Russian as a foreign language in the context of patriotic education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 62-65. (In Russian).
3. Gvozdeva, E. V. (2019). Razvitiye yazykovoy kompetentsii v protsesse chteniya publitsisticheskikh tekstov na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu [Development of language competence through reading publicistic texts in Russian as a foreign language classes]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12(3), 340-344. (In Russian).
4. Gerasimenko, Yu. A., Ponomarenko, E. A. (2023). Semioticheskie aspekty krosskul'turnogo prepodavaniya RKI v tsifrovoy srede [Semiotic aspects of cross-cultural teaching of Russian as a foreign language in the digital environment]. In T. N. Mel'nikova (Ed.) et al., *Tekhnologii obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu i diagnostika rechevogo razvitiya: materialy XXII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (pp. 107–111). Minsk. (In Russian).
5. Gromyko, M. N. (2011). O nekotorykh osobennostyakh ispol'zovaniya publitsisticheskikh tekstov v obuchenii RKI [On some peculiarities of using publicistic texts in teaching Russian as a foreign language]. In *Karpovskie nauchnye chteniya: sbornik nauchnykh statey. Vypusk 5. Chast' 1* (pp. 120–122). Minsk: Belorusskiy Dom pechati. (In Russian).
6. Koliadin, A. V. (2025). Lingvokul'turnoe modelirovanie publitsisticheskogo informativnogo koda v diskursivnykh kognitivnykh dominanti «ARCHITEKTURA» I «ARKHITEKTURA» [Linguocultural modeling of publicistic informative code in discursive cognitive dominants "ARCHITEKTURA" and "ARKHITEKTURA"] (*Author's abstract of Candidate's thesis in Philology*). Belgorod. (In Russian).
7. Kuznetsova, V. I. (2025). Kross-kul'turnyy kontekst v obuchenii RKI posredstvom internet-platform [Cross-cultural context in teaching Russian as a foreign language via internet platforms] (*Author's abstract of Candidate's thesis in Pedagogy*). Moscow. (In Russian).
8. Tulunova, S. V., Ruliene, L. N. (2021). Prepodavanie russkogo yazyka kak inostrannogo v kontekste natsional'nykh standartov kachestva prepodavaniya v Kitae: kross-kul'turnaya vospriimchivost' [Teaching Russian as a foreign language in the context of national teaching quality standards in China: cross-cultural susceptibility]. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo Rossii i zarubezh'ya: obshchestvo, obrazovanie, yazyk*, 133-138. (In Russian).
9. Tsiboreva, I. V. (2011). Problema kross-kul'turnoy kommunikativnoy podgotovki studentov turistskogo vuza [The problem of cross-cultural communicative training of students of a tourism university]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (6), 12-15. (In Russian).

10. Shi, Lin. (2024). Kross-kul'turnye aspekty v prepodavanii RKI: fenomen prityazhatel'nykh mestoimeniy [Cross-cultural aspects in teaching Russian as a foreign language: the phenomenon of possessive pronouns]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*, (7-3), 133-136. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.09.2026 г.

A. V. Koliadin

**THEORETICAL SUBSTANTIATION OF CROSS-CULTURAL TECHNOLOGY OF TEACHING
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE BASED ON RUSSIAN TRAVEL PUBLICISTIC TEXTS ABOUT
TRAVELLING**

The article is devoted to the theoretical substantiation of the parameters of cross-cultural technology for teaching Russian as a foreign language (RFL) at the stage of its design. The empirical basis comprises two publicistic articles from the magazine "Vokrug Sveta" (2025): one devoted to famous Russian country estates, the other to cultural tourism in China. Using the methods of continuous sampling and quantitative analysis, the frequency of six types of markers (linguoculturemes, proxemes, chronemes, sensemes, coloratives, kinemes) as well as their thematic structure have been established. Statistically significant differences between the two texts have been identified: the article about Russian landmarks focuses predominantly on the realities of the 19th — early 20th centuries (anthroponyms, titles of works, household items, sensory images), whereas the article about China demonstrates polythematicity, encompassing technological, gastronomic, and philosophical markers. Based on the quantitative data obtained, a model of an exercise system differentiated by marker types is proposed. The article represents a theoretical and methodological study. Experimental approbation of the proposed exercise model constitutes a prospect for further research.

Keywords: *Russian as a foreign language (RFL), cross-cultural technology, design-based research, publicistic text, linguocultureme, chroneme, proxeme, quantitative analysis.*

Колядин Антон Валерьевич.

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация.
Кандидат филологических наук,
Доцент подготовительного отделения для
иностранных учащихся.
ORCID 0009-0001-6637-7244.
E-mail: kav3105@yandex.ru.

Koliadin Anton Valerievich.

Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation.
Candidate of Sciences in Philology,
Associate Professor of the preparatory department for
foreign students.
ORCID 0009-0001-6637-7244.
E-mail: kav3105@yandex.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Научный журнал «Новые горизонты русистики» входит в систему РИНЦ (лицензионный договор № 230-11/2025). Решением ВАК Российской Федерации от 30.03.2026 г. журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

2. Для публикации в журнале «Новые горизонты русистики» принимаются оригинальные научные работы студентов (в соавторстве с научным руководителем), магистрантов (в соавторстве с научным руководителем), аспирантов, молодых учёных, опытных учёных, учителей, содержащие результаты исследований, относящиеся к отраслям наук:

5.8. Педагогика:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (Русский язык).

5.9. Филология:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России.

В журнале имеются следующие разделы:

- Лексикология и стилистика;
- Дискурсология и генристика;
- Словообразование и грамматика;
- Методика преподавания русского языка;
- Литература и лингвистический анализ художественного текста.

3. При наличии рекомендации научного руководителя и положительных отзывов рецензентов работы студентов и магистрантов могут быть опубликованы самостоятельно.

4. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после проверки на наличие плагиата, рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

5. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений.

6. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

7. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf.

8. На адрес редколлегии (donrus452@yandex.ru) и параллельно на сайт журнала (<https://dongu-ngr.ru/index.php/ngr/about/submissions>) высылаются:

а. Электронный текст статьи (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf) в рамках диапазона 7–15 страниц (от 20 000 до 40 000 знаков). Список литературы,

список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объем текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Гладкая_статья».

б. Текст для оглавления. В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются полужирным шрифтом неразрывный пробел. Точка в конце текста не ставится (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Гладкая_для_оглавления»).

Образец

Гладкая Н. В. Лингвокультурные особенности языка военных действий в Донбассе

Gladkaya N. V. Linguocultural features of the language of military operations in Donbass

Чистоклетова А. В., Теркулов В. И. Аббревиатурная парадигма как лингвистическая категория

Chistokletova A. V., Terkulov V. I. The abbreviation paradigm as a linguistic category

в. Отдельным файлом прикладывается сканированная или сфотографированная с высоким разрешением подписанная заявка на публикацию следующего содержания:

Я, Ф. И. О., должность (или статус — студент, магистрант, аспирант), степень, звание, место работы (для студентов, магистрантов и аспирантов — курс, специальность, место учёбы), прошу редколлегию научного журнала «Новые горизонты русистики» принять к рассмотрению мою статью (название), а также даю согласие уполномоченным должностным лицам редакционной коллегии журнала «Новые горизонты русистики», зарегистрированного по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, филологический факультет (ауд. 451, 452), на обработку моих персональных данных.

9. Внимание! Обязательные требования к оформлению статей:

- текст печатается в текстовом процессоре MS Word;
- объём статьи — от 7 до 15 страниц (от 20 000 до 40 000 печатных знаков);
- формат страницы — А 4;
- страницы не нумеруются;
- поля: сверху и внизу — 2,5 см, слева — 3 см, справа — 2 см;
- основной шрифт: Times New Roman, размер 12, стиль нормальный;
- аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах — шрифт Times New Roman, размер 10 пт;
- абзацный отступ — 1 см;
- межстрочный интервал — 1;
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине);
- в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчёркиванием);
- для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
- цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «...,...“...»;
- необходимо правильно употреблять тире (—) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак — пунктуационный, второй — орфографический; малое тире (–) употребляется только в числовых диапазонах без пробелов: с. 13–18, XIX–XX вв.;
- если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

- если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина)

10. **Внимание!** Обязательные требования к структуре статей

- 1 строка — (выравнивание по ширине) тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.
- 2 строка — (выравнивание по ширине) индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).
- 3 строка — DOI: (просто данная запись, сам индекс DOI присваивается редколлегией).
- 4 строка — (*выравниванием по центру полужирным курсивом*), знак ©, год, инициалы (перед фамилией) и фамилия автора (фамилии авторов): ***Н. В. Гладкая***;
- 5 строка — (*выравнивание по центру, курсив*) официальное **полное** название организации: *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»*;
- 6 строка — (*выравнивание по центру, курсив*) ORCID: *ORCID 0000-0003-3903-4438*;
В случае, если у статьи несколько авторов, их фамилии набираются в одну строку, после каждой фамилии ставится порядковый номер в верхнем регистре и ниже приводятся данные для каждого автора:

Н. В. Гладкая¹, А. А. Алтухова²

¹⁻²*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»*

¹*ORCID 0000-0003-3903-4438*

²*ORCID 0009-0002-5023-0368*

- 7 строка — название статьи — **ПЕЧАТАЕТСЯ БОЛЬШИМИ БУКВАМИ ЖИРНЫМ ШРИФТОМ С ВЫРАВНИВАНИЕМ ПО ШИРИНЕ** (16 кегль);
- 8 строка — вклеивается:

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

- через строчку — **аннотация** на русском языке (10 кегль) **объёмом не менее 100 и не более 150 слов (7–10 строк)**, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, курсивом)**;
- через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»): **Для цитирования:** Гладкая Н. В. Лингвокультурные особенности языка военных действий в Донбассе // Н. В. Гладкая // Новые горизонты русистики. — 20XX. — № X. — С. XX-XX. — <https://doi.org>
- в случае, если необходимо указание на госзадание, грант
- через строчку — текст статьи (12 кегль), который включает введение, материалы и методы исследования, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

- Ссылка на источник дается в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, — **10**.

• **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (10 кегль без абзачного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников — список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т. д.). Список источников приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т. п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала — работы на русском языке, затем — на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

Образцы оформления литературы:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, С. В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С. В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.
2. Влавацкая, М. В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М. В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. — С. 36–42.
3. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

4. Ипатова, О. Золотая жрица Ашвинов / О. Ипатова // Ольгердово копье: романы. — Минск: Беллитфонд, 2002. — С. 3–299.
5. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф. П. Филин. — Л.: Наука, Ленинградское отд., 1972. — 370 с.

• После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) дается список **References**, в котором используется формат APA с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате APA. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после неё.

Правила оформления

Язык: все записи — на латинице (транслитерация или перевод).

Пунктуация: запятые и точки (знаки типа // из ГОСТ не используются).

Курсив: названия книг и журналов выделяются курсивом.

Правила транслитерации и перевода

Фамилии авторов: транслитерируются (например, Иванов → Ivanov). Инициалы пишутся слитно, без пробелов (A.S.).

Названия статей: переводятся на английский язык (в скобках можно указать [in Russian]).

Названия журналов:

если есть официальное англоязычное название, используется оно («Вопросы психологии» → Voprosy Psichologii);

если нет — транслитерируется («Психологический журнал» → Psikhologicheskii zhurnal).

Место издания: Moscow, Saint Petersburg.

Издательство: транслитерируется или переводится (Nauka; Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta).

Примеры оформления источников

1. Книга одного автора

Оригинал на русском:

1. Андреева, С. В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С. В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.

В REFERENCES:

1. Andreeva, S.V. (2006). *Rechevye edinitsey ustnoi russkoi rechi: sistema, zony upotrebleniya, funktsii* [Speech units of oral Russian speech: System, areas of use, functions] (2nd ed.). Saratov: KomKniga. (In Russian).

2. Книга нескольких авторов

Оригинал на русском:

2. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.

В REFERENCES:

2. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: Vostok — Zapad. (In Russian).

3. Статья в журнале

Оригинал на русском:

3. Баранова, Л. А. Особенности деабревиации исконных и заимствованных аббревиатур в современном русском языке / Л. А. Баранова // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2011. — Т. 24 (63), № 1, Ч. 1. — С. 317–323.

В REFERENCES:

3. Baranova, L.A. (2011). *Osobennosti dezabbreviatsii iskonnykh i zaimstvovannykh abbreviatur v sovremennom russkom yazyke* [Features of disabbreviation of native and borrowed abbreviations in modern Russian]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii"*, 24(63), No. 1, Part 1, 317–323. (In Russian).

4. Глава в коллективной монографии, статья в сборнике статей, материалов конференций

Оригинал на русском:

4. Теркулов, В. И. Парадигматические объединения сложносокращенных апеллятивов / В.И. Теркулов // Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке : монография / Е. В. Петрухина [и др.]; отв. ред. Е. В. Петрухина, В. И. Теркулов, О. Ю. Крючкова. — Москва : Издательство Московского университета, 2024. — С. 91–97. . — https://www.philol.msu.ru/~modern/pict/sys_res_fi.pdf.
5. Хуснутдинов, А. А. Лексикографический портрет слова и выражения в научном и методическом аспектах / А. А. Хуснутдинов // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета. — Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. — С. 93–96.

B REFERENCES:

4. Terkulov, V.I. (2024). Paradigmaticheskie ob"edineniya slozhnosokrashchennykh apellyativov [Paradigmatic groupings of compound abbreviated appellatives]. In E.V. Petrukhina et al. (Eds.), *Sistemnye, kognitivno-diskursivnye i sinkhronno-diakhronicheskie aspekty derivatsionnykh protsessov v russkom yazyke* [Systemic, cognitive-discursive and synchronic-diachronic aspects of derivational processes in the Russian language] (pp. 91–97). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Retrieved from (In Russian).
5. Khusnutdinov, A.A. (2022). Leksikograficheskiy portret slova i vyrazheniya v nauchnom i metodicheskom aspektakh [Lexicographic portrait of a word and expression in scientific and methodological aspects]. In *Donetskie chteniya 2022: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu Donetskogo natsional'nogo universiteta* [Donetsk readings 2022: Education, science, innovation, culture and challenges of modernity: Proceedings of the VII International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of Donetsk National University] (pp. 93–96). Donetsk: Donetskii natsional'nyi universitet. (In Russian).

5. Диссертация и автореферат диссертации

Оригинал на русском:

6. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разноструктурных языков: французского, кабардино-черкесского и русского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02; 10.02.20. — М., 2009. — 47 с.
7. Теркулов В. И. Этимологические дублиеты латино-романского происхождения в русском языке : дисс. ... кандидата филол. наук : 10.02.19 / Теркулов Вячеслав Исаевич. — Донецк, 1994. — 202 с.

B REFERENCES:

6. Guketlova, F.N. (2009). *Zoomorfnyi kod kul'tury v yazykovo kartine mira (na materiale raznostrukturnykh yazykov: frantsuzskogo, kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov)* [Zoomorphic code of culture in the linguistic worldview (based on materials of typologically different languages: French, Kabardino-Circassian and Russian)] (Doctoral dissertation). Moscow. (In Russian).
7. Terkulov, V.I. (1994). *Etimologicheskie dublety latinoromanskogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke* [Etymological doublets of Latin-Romance origin in the Russian language] (Doctoral dissertation, Donetsk). (In Russian).

Пример

REFERENCES

1. Andreeva, S.V. (2006). *Rechevye edinitsy ustnoi russkoi rechi: sistema, zony upotrebleniya, funktsii* [Speech units of oral Russian speech: System, areas of use, functions] (2nd ed.). Saratov: KomKniga Vlavatskaya, M. V. (2009). *Uchenie o sintagmaticheskikh svyazyakh slov v istoricheskom rassmotrenii* [The doctrine of syntagmatic word connections in historical review]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 1, 36–42. (In Russian).
2. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: Vostok — Zapad (In Russian).

После списка литературы курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись:

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

Далее приводятся:

- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по правому краю) **на английском языке;**

- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру) **на английском языке;**

- текст аннотации **на английском языке** (10 кегль);

- ключевые слова **на английском языке** (курсив).

В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах и научных руководителях (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный).
- Полное название организации — места работы или учёбы каждого автора, город, страна (без выделения).
- Учёная степень и звание (если есть) (без выделения).
- Должность или статус (студент, магистрант, аспирант, специальность, курс обучения) (без выделения).
- ORCID.
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: Гладкая Наталия Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).

Образец оформления статьи

Научная статья

УДК 81'373.611

DOI:

А. В. Чистоклетова, В. И. Теркулов © 2025

¹⁻²*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»*

¹*ORCID 0009-0002-2259-7218*

²*ORCID 0000-0002-0418-4260*

АББРЕВИАТУРНАЯ ПАРАДИГМА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Работа посвящена характеристике используемого в теории Донецкой дериватологической школы понятия «аббревиатурная парадигма», трактуемого как совокупность аббревиатурных групп с аббревиатурными конструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле. Дано определение аббревиатурной парадигмы, определена роль синонимических отношений между сложносокращенными словами в её формировании. Сформулированы ключевые характеристики аббревиатурной парадигмы как объединения сложносокращенных слов. В качестве главного свойства аббревиатурной парадигмы как лингвистической категории нами выделяется возможность употребления в одном тексте слов одной аббревиатурной парадигмы для обозначения одного и того же референта. В качестве примера для анализа выбрана аббревиатурная парадигма «авто-мото-VELO», «агро-сельхоз», «зам-пом» и «зоо-вет». Исходя из результатов их анализа определены и описаны входящие в них лексико-семантические группы и ономасиологические классы.

Ключевые слова: *аббревиатурная группа, аббревиатурная парадигма, аббревиатурно-ономасиологическое поле, лексико-семантическая группа, ономасиологический класс, сложносокращенное слово, синонимия.*

Для цитирования: Чистоклетова А. В. Аббревиатурная парадигма как лингвистическая категория / А. В. Чистоклетова, В. И. Теркулов // Новые горизонты русистики. — 20XX. — № X. — С. XX–XX. — <https://doi.org>

Исследование проводилось по теме государственного задания «Прескриптивные словари сокращений и аббревиатур» (№ госрегистрации РК 125052006173-0).

Введение. Целью работы является описание аббревиатурной парадигмы, под которой мы понимаем «совокупность аббревиатурных групп с аббревиатурными конструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле» [4, с. 91], как языковой категории. **Объектом исследования** являются аббревиатурные парадигмы «агро-сельхоз» (аграрный — сельскохозяйственный), «зоо-вет» (зоологический — ветеринарный), «авто-мото-VELO» (автомобильный — мотоциклетный — велосипедный), и «зам-пом»

(заместитель — помощник), и входящие в них аббревиатурные группы и сложносокращенные слова, а **предметом** — отношения синонимии между всеми их компонентами.

Текст...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блюмина, О.В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: дисс. ...канд. филол. наук :10.02.02 / Блюмина Ольга Валентиновна. — Горловка, 2010. — 148 с.
2. Теркулов, В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.
- ...
10. Теркулов, В.И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. — 2023. — Т. 21. — № 1. — С. 79–96.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Елисеев, И.А. Словарь аббревиатур и акронимов русского языка [более 30000 аббревиатур и сокращений] / И. А. Елисеев. — Москва: Инфра-М, 2015. — 716 с.

REFERENCES

11. Blyumina, O. V. (2010). *Substantivnye kompozity so znacheniem protsessual'nosti v russkom yazyke* [Substantive composites with the meaning of processuality in the Russian language] (Doctoral dissertation, Gorlovka). (In Russian).
12. Terkulov, V. I. (2017). Slozhnosokrashchennyye slova: sinkhronnyi i diakhronnyi aspekty opisaniya [Complex abbreviations: Synchronous and diachronic aspects of description]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9: Philology], 6, 73–97). (In Russian).
- ...
- 10 Terkulov, V. I. (2023). Paradigmatika slozhnosokrashchennogo slova kak sredstvo prognozirovaniya ekvivalentnostnykh otnoshenii [Paradigmatics of a complex abbreviation as a means of predicting equivalent relations]. *Rusistika* [Russian Studies], 21(1), 79–96). (In Russian)

Поступила в редакцию XX.XX.20XX г.

A. V. Chistokletova, V. I. Terkulov

ABBREVIATED PARADIGM AS A LINGUISTIC CATEGORY

The paper is devoted to the characterization of the concept of the "abbreviation paradigm" used in the theory of the Donetsk School of Derivatology, interpreted as a set of abbreviation groups with acronyms included in the same abbreviation-onomasiological field. The definition of the abbreviation paradigm is given, the role of synonymous relations between compound words in its formation is determined. The key characteristics of the abbreviation paradigm as a combination of compound words are formulated. As the main property of the abbreviation paradigm as a linguistic category, we single out the possibility of using words of the same abbreviation paradigm in one text to refer to the same referent. The abbreviated paradigms "auto-moto-velo", "agro-agricultural", "zam-pom" and "zoo-vet" were chosen as an example for analysis. Based on the results of their analysis, the lexico-semantic groups and onomasiological classes included in them are identified and described.

Keywords: *abbreviation group, abbreviation paradigm, abbreviation-onomasiological field, lexico-semantic group, onomasiological class, compound word, synonymy.*

Чистоклетова Анна Валериевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Студент.

ORCID 0009-0002-2259-7218.

E-mail: chistokletova.valentina@mail.ru.

Chistokletova Anna Valerievna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Student.

ORCID 0009-0002-2259-7218.

E-mail: chistokletova.valentina@mail.ru.

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Доктор филологических наук, профессор
Заведующий кафедрой русского языка.

2ORCID 0000-0002-0418-4260.

E-mail: terkulov@rambler.ru.

Terkulov Vyacheslav Isaevich.

Donetsk State University,
Donetsk, Russian Federation.

Doctor of Philology, Professor
Head of the Russian Language Department.

2ORCID 0000-0002-0418-4260.

E-mail: terkulov@rambler.ru.

Научное издание

Новые горизонты русистики

Научный журнал

2026. — № 3

На русском и английском языках

Технические редакторы: А. С. Бурляй, канд. филол. наук Е. Н. Станкус.

Подписан к изданию 15.09.2026.